

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

.....

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

.....

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

.....

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer

DUPLICATE DEATH
DETECTION UNLIMITED

Перевод с английского *А. Ю. Кабалкина*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Е. Половцева

Печатается с разрешения Heron Enterprises Ltd
и литературного агентства The Buckman Agency.

Хейер, Джорджет.

Х35 Убийства на Чарлз-стрит. Кому помешал Сэмпсон Уорренби? : [романы] / Джорджет Хейер ; [пер. с англ. А. Ю. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-097109-1

Респектабельная партия в бридж в шикарном особняке миссис Хаддингтон завершилась убийством: кто-то задушил близкого друга хозяйки. Однако это еще не все: очень скоро убийца нанес новый удар, и на сей раз его жертвой стала сама миссис Хаддингтон!

Но кто же убийца? Инспектор Хемингуэй, которому поручено расследование, понимает: все свидетели нагло ему лгут. Молодая секретарша, эксцентричный лорд, светская львица, даже красавица дочь одной из жертв. Им всем явно есть что скрывать...

Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот. Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару.

Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, от собственной племянницы и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа писателя до отставного майора, разводящего пекинесов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-097109-1

© Georgette Heyer, 1951, 1953
© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

*Эта книга написана в ответ
на претензии некоторых судей
и адвокатов, им автор и посвящает
ее со всем смирением.*

Глава 1

Утром в понедельник на подносе перед миссис Кейн красовалась стопка из нескольких писем многообещающего вида. Просмотрев их с выражением лица человека, надеющегося отыскать сокровище, она отобрала только два, почерк авторов которых свидетельствовал либо о прискорбной безграмотности, либо о малолетстве. Одно было надписано красными чернилами, другое — разъезжавшимся пером, в котором застрял волос. Оба были адресованы мистеру и миссис Кейн, но обращение к своему супругу миссис Кейн проигнорировала. Послания начинались, разумеется, со слов «дорогие мамочка и папочка», но та их часть, на какую притязал бы мистер Кейн, непременно должна была содержать приписку «скажи папе». Содержавшиеся в ней сведения обычно касались спортивных проблем. Срочные просьбы, от денег на удовлетворение ранее непредвиденных, а ныне остро насущных потребностей до немедленной отправки предметов, на чей поиск приходилось тратить несколько дней и силы, с редким постоянством адресовались именно мамочке.

Так происходило с того грустного дня, когда восьмилетний Сайлас Джеймс Кейн отправился в подготовительную школу. Ничего не изменилось и этим февральским утром, хотя Сайлас Кейн проявлял все больше интереса к областям знаний, необходимым для общего

вступительного экзамена в среднюю школу. Его младший брат Адриан Тимоти Кейн в той же школе Святого Киприана с радостью предавался всевозможным спортивным утехам и изводил нелюбимых наставников, стараясь как можно меньше утруждать себя на учебном поприще. Если бы кто-нибудь попросил, миссис Джеймс Кейн охотно пересказала бы письма сыновей собственными, совсем не лестными словами, но это не мешало ей каждый понедельник тщательно изучать почту и радостно выуживать из нее два письма, превращавшие понедельник в красный день календаря.

На сей раз — как, впрочем, и всегда — письма не изобиловали сведениями о моральном и физическом благополучии ее отпрысков. Материнский вопрос о болях у Адриана в животе, которые могли свидетельствовать — или не свидетельствовать — об аппендиците, остался без ответа, как и обращенное к Сайласу требование «узнать у мистера Кентмера, когда будут короткие каникулы, чтобы мы с папой могли вас навестить». Оба юных джентльмена сильно огорчились бы, если бы родители не приехали, но пока, в начале четверти, они были озабочены более животрепещущими темами, главной среди которых оказалось похищение мочалки у некоего Болтона Бэгби. Ее, как уведомлял Адриан Кейн, «выбросили из окна Большой спальни».

Джеймс Кейн, обрадованный этим местом в письме, усмехнулся:

— Вот чертенок! А что пишет Сайлас?

Миссис Кейн с любовью в голосе зачитала письмо своего первенца. Оно открывалось почтительной надеждой на доброе здоровье родителей. Автор просил передать папе, что «в матче против Сент-Стефанс мы выиграли 15:0, они продули вчистую». Умолял прислать ему конверт с почтовыми марками, помеченный

как «мой обменный фонд». Уведомлял мать, что ввиду склонности неназванного лица или группы лиц к воровству ему требуется новая пара перчаток для игры в «пятерки». В скобках красовалась трогательная приписка «если получится», а постскриптум содержал привет сестренке Сьюзен и новорожденному братику Уильяму.

— В общем, у них все хорошо! — Миссис Кейн спрятала в конверты оба захватывающих послания.

Мистер Кейн не стал спрашивать, на каком основании она сделала данный вывод. Его собственная почта содержала вызов в налоговое управление, который при недостаточном знакомстве с этой организацией можно было бы принять за неудачную шутку, поэтому просьба сына купить ему перчатки для игры в «пятерки» была воспринята в штыки. Разгневанный папаша разразился осуждением воспитания, которое дети получают от своей матери, позволяющего им расти в уверенности, что их отец — миллионер. Устав его слушать, миссис Кейн сказала:

— Хорошо, я напишу ему, что перчаток он не получит.

Джеймс Кейн был уравновешенным джентльменом, но, услышав ее слова, бросил на свою спутницу жизни презрительный взгляд, заявив, что сам об этом позаботится. Затем подставил свою чашку, чтобы жена долила ему кофе, и горестно заметил: с каждым днем Сайлас все больше становится похож на брата Тимоти.

— Кстати, о Тимоти! — подхватила миссис Кейн, поднимая голову от письма длиной в несколько страниц. — Мне написала твоя мать.

— Вот как? — Мистер Кейн заинтересовался и не стал открывать газету. — Что она пишет про Адриана?

— О нем ни слова... Хотя нет! «Скажите Джиму, что я надеюсь на него: хотелось бы избавить Адриана от не-

нужных волнений. Он очень слаб, и отвратительная погода не идет ему на пользу».

— Если Тимоти опять взялся за свое, то напрасно моя мать думает, будто я стану его урезонивать!

— Джим, дорогой, ты прекрасно знаешь, что придется, если он действительно связался с какой-то ужасной особой. Честно говоря, звучит зловеще!

— Моя дорогая, я достаточно наслушался о его сногшибательных блондинках от матери. — Мистер Кейн открыл «Таймс». — Что ее не устраивает на сей раз? Гардероб, происхождение, вообще все, что касается его новой пассии? Без сомнения, она права. Только зачем впадать в панику всякий раз, когда Тимоти заглядывается на очередную эффектную особу?

Он набил трубку и на десять минут погрузился в изучение статьи о гольфе.

— Ты идешь по ее стопам, — вскоре продолжил он. — Вы обе ведете себя так, словно Тимоти — кембриджский первокурсник. Я тоже от него не в восторге, но мое мнение — горбатого могила исправит. Если в двадцать семь лет ты падок на блондинок, значит, туда тебе и дорога!

— Тебе безразлично, что с ним будет? И потом, речь не о блондинке, а просто о новой девушке.

— Шустрый малый! — бросил Кейн.

Миссис Кейн пропустила его реплику мимо ушей и, нахмурившись, продолжила чтение письма свекрови. Наконец, подняв голову, она произнесла:

— Это совсем не смешно, Джим. Он намерен жениться на ней.

— Тимоти? Вздор!

— Он сам сообщил об этом.

— Но кто она?

— По словам твоей матери, она не может это выяснить. Похоже, у нее нет родственников, происхождение

неизвестно. Зовут ее, — миссис Кейн заглянула в письмо, — Бьюла Бертли. Леди Харт пишет, что это совсем не снобизм — интересоваться происхождением жены своего сына. Короче говоря, она не возражала бы хоть что-нибудь выяснить о ней и даже проникнуться к девушке симпатией.

— Мать с ней знакома?

— Да, они познакомились у Тимоти. Она пишет, что не понимает, что он в ней нашел, ведь она совершенно ему не подходит и лишена манер. От такой не приходится ждать ничего хорошего. У нее на лице написано «авантюристка» — вот вывод твоей матери.

— Господи! — вскричал Кейн. — Что за нелепость?! Месяца не прошло с тех пор, как мать содрогалась от другой красавицы блондинки и недоумевала, зачем Тимоти такая теща, как миссис Хаддингтон! Где он взял эту?

— У тех же самых Хаддингтонов. Она секретарь миссис Хаддингтон. Леди Харт пишет, что девушка настроена откровенно враждебно и вызывает подозрение. Мать ни слова не сказала об этом сэру Адриану, потому что таких, как эта девушка, он на дух не переносит. Зачем его волновать? Видимо, официального обручения еще не было. Потрудись прочитать письмо сам.

Кейн отложил «Таймс» и неторопливо, с явным намерением свести ее с ума — таково было мнение супруги — прочитал пять страниц, написанных убористым почерком. Затем сложил письмо и отдал жене.

— Ну? — нетерпеливо спросила она.

— Не скажу, что это приятное чтение. — Однако мы располагаем только мнением моей матери. Ты видела женщину, которую она сочла бы подходящей парой для Тимоти? Я — нет.

— Я тоже. Но разве не странно для девушки, знакомящейся с будущей свекровью, не сообщить о своих родителях?

— Может, дело в робости?

— Ерунда! Какая-то она подозрительная, Джим, ты сам это знаешь.

— Нет. А если бы и знал, то что мог бы поделывать, черт возьми? Я не опекун Тимоти!

— Но ты на много лет старше его. Он всегда любил тебя.

— Милая моя, — повысил голос от возмущения мистер Кейн, — возможно, я и являлся для Тимоти героем, когда он был мал, однако с тех пор прошло много лет.

— Конечно, я не утверждаю, что он по-прежнему смотрит на тебя как на полубога, но он тебя очень любит, Джим.

— Разумеется, ведь ему приходилось мириться с моим вмешательством в его дела, — мрачно буркнул Кейн.

— Джим, ты должен что-нибудь предпринять! Ты же не допустишь, чтобы Тимоти угробил свою жизнь? Что толку твердить, что он сам сможет позаботиться о себе? Он ведь бывший десантник. Если тебе все это безразлично, то мне нет. Никогда не забуду, как в ужасные времена Дюнкерка он казался мне ангелом. Ты находился тогда в Италии, а он использовал все два дня своего отпуска, чтобы навестить меня в отвратительном месте, куда я увезла детей. Пытался научить Сайласа ловить мяч, но все без толку, бедняжка был еще совсем мал! Он был таким милым!

— Неужели?

— Не Тимоти, а Сайлас. В общем, тебе нельзя бездействовать, Джим. Попробуй хоть что-нибудь выяснить об этой девушке. Почему бы тебе не съездить в Лондон и не повидать их?

— Я как раз отправляюсь в Лондон на следующей неделе и загляну к Тимоти, но что касается шпионства... Не хватало, чтобы в следующий раз ты стала подбивать меня нанять для слежки за этой злополучной особой целое детективное агентство!

— Ну, если она вызовет у тебя подозрения, то...

В тот момент, когда Кейн подыскивал слова, чтобы выразить свое возмущение, явились Сьюзен Кейн и Уильям Кейн в сопровождении деспота, помыкавшего всем семейством.

— Доброе утро, мамочка и папочка! — воскликнула Сьюзен. — Мы пришли поцеловать вас.

Она водрузила Уильяма Кейна на материнские колени, поскольку не собиралась лишать родителей их детей, и снисходительно улыбнулась Кейну-старшему. Затем смахнула пыль с каминной полки, поправила кресло и жизнерадостно заявила:

— Боюсь, для мамы нынче утром у нас неважные новости, хотя я, как про них услышала, сразу сказала Уинни: «Не надо тревожить миссис Кейн до завтрака». И папочка любит завтракать в тишине, ведь так?

Заметив газету, которую Кейн уронил на пол, Сьюзен подняла ее, аккуратно сложила и убрала подальше, чтобы он не смог до нее дотянуться. Кейн, приступивший к ежеутреннему ритуалу — обучению заходящейся от восторга дочери удержанию на кончике носа кусочка сахара, — украдкой покосился на жену. Миссис Кейн ответила ему ободряющей улыбкой, зная, что при первой же возможности услышит от него, что ей следует наконец сделать выбор между «этой женщиной» и любящим супругом. В особенно напряженных ситуациях Кейн уточнял, что ему неведома причина, по которой в собственном доме к нему относятся, как к помеси великовозрастного тупицы и двухлетнего ребенка. Сейчас

он добавил, что если это исчадие ада еще раз назовет его «папочкой», то за последствия он не отвечает. К счастью для порядка и спокойствия в доме, он либо слишком боялся няни, чтобы претворить свои угрозы в жизнь, либо хорошо сознавал ее незаменимость. К тому же няня, напоминая в военное время неприступную, хоть и улыбчивую сторожевую башню, достигла новых высот теперь, когда ужасы мира лишали хозяев последних жизненных сил.

Кейны, вернувшись во флигель особняка, унаследованного мистером Кейном от бабки, ввиду чрезмерного налогообложения не могли содержать восемь-девять человек, необходимых в доме и в поместье, и признавали в высокопрофессиональной и накрахмаленной владычице детской подлинное сокровище, чья грубая жизнерадостность превращала в ничто любой домашний кризис. Когда уволилась кухарка, прослышавшая, что в Лондоне она сможет зарабатывать втрое больше, поскольку столичных жителей угрозами легко загнать в дорогие рестораны, няня лишь рассмеялась, добавив, что если мамаша тоже будет иногда присматривать за детьми, то она решит проблему сама. Если горничная Уинни, эта умственно отсталая (что, по утверждению няни, было заметно далеко не всем), бросала работу из-за зубной боли и упрямого отказа выдрать больной зуб, няня утешала страдальицу ночь напролет. Невосприимчивая к новым веяниям, няня, все же слышавшая про прогрессивную доктрину «максимальная плата за минимальный труд», отмела ее, заявив, что «языком серебряные приборы не отчистишь». Нельзя было не восхититься авторшей этого благородного постулата, отвечавшей на соблазны новой эпохи презрительным фырканьем и усердной обработкой ложек и вилок!

Теперь этот образец преданности заявил с видом человека, пересказывающего забавный анекдот:

— Итак, мамочка, утром Флорин не явилась, что меня не удивляет, ей ведь платят раз в неделю, а сегодня только понедельник. Невелика потеря, скажу я вам, хотя обо всем, что она вытворяет, я умолчу: меньше разговору — больше дела, да и что оплакивать пролитое молоко! Я и думаю: посажу Билла в коляску и пойду в деревню, спрошу миссис Формби, не согласится ли она помочь, хотя «помочь» — не то слово, учитывая, сколько вы ей платите, но я о другом. Кухарка кухаркой, но, может, Сьюзен тоже не прочь сходить в деревню, верно, лапочка? Нет, вы только посмотрите на эти липкие ладошки, а ведь еще надо нагреть воду, Джексон-то забыл про котел, уходя вчера домой! Куда катится мир? Да, мамочка, миссис Формби — лучший выход, но на вашем месте я поместила бы объявление в «Глазго гералд», потому что эти шотландки — чистюли, чего о многих других, чьих имен мы в этой компании не называем, не скажешь, верно ведь, детки?

Утратив способность и дальше внимать речам этой чудесной особы, Кейн встал из-за стола с неуклюжестью, свойственной тем, кто оставил лучшую часть левой ноги во вражеской земле. То, что Кейн думал об этой своей потере, он никому не говорил, и единственный произнесенный им вслух намек на нее был благодарностью Провидению, снабдившему его протезом и позволившему не пасть в глазах потомства, слышавшего неоправданную похвалу от их дяди Тимоти. Но для миссис Кейн зрелище надевания папочкой протеза всегда было испытанием, и всякий раз она с замиранием сердца наблюдала его хромоту.

— Забудь про Тимоти! — воскликнула миссис Кейн. — Тебе обязательно ехать на следующей неделе в Лондон?

Джеймс Кейн улыбнулся ей, в три прыжка обогнул стол, чтобы поцеловать ее в щеку и ласково про-

ститься, и удалился с намерением продолжить развлекаться в ближайшем населенном пункте. Из этого миссис Кейн уяснила, что утрата конечности не представляет для него ни физического, ни морального неудобства и он намерен побывать в Лондоне и там постараться отговорить единоутробного брата от заключения нежелательного брачного союза. Теперь она могла посвятить себя домашним проблемам, ведь, что бы Джим ни говорил, он обладал немалым влиянием на Тимоти и был способен уладить все неприятности.

Эти успокаивающие умозаключения миссис Кейн были бы верны, обратись леди Харт за помощью к ней раньше или отправься Кейн в Лондон без промедления. Вышло же так, что, добравшись до Лондона, он принял участие в действе, которого, как было без прикрас заявлено жене, успел за свою безгрешную жизнь наесться досыта.

Глава 2

— Возьми эклер! — великодушно предложил молодой Харт. — Он сделан, вероятно, из заменителей яиц и наполнен синтетическим кремом, что гарантирует атрофию, а вовсе не избыток веса.

Его спутница, долго сидевшая в хмуром молчании, подняла голову, улыбнулась и произнесла:

— Нет, благодарю, я не боюсь располнеть.

— Это никуда не годится! — простонал Тимоти. — Что за отталкивающее место!

— В каком смысле?

— В том смысле, что это место производит отталкивающее впечатление. Столик маленький, шаткий. Неудобные стулья, мешающие нормальному общению. Атмосфера, как в балагане...

— Я не об этом. Почему никуда не годится, что я не боюсь расползнуться?

— Это единственное, чего ты не боишься, насколько я успел заметить.

Она взглянула на него испуганно, потом уставилась в стол и заявила:

— Не говори глупости!

— Я не о том, что всего остального ты боишься. Просто не успел выяснить, чего еще ты не боишься. Чаю?

— Я не выйду за тебя! — выпалила Бьюла.

— Подобные заявления, — ответил Харт как ни в чем не бывало, — не следует делать в людных местах. К тому же это неправда.

— Ты ошибаешься. Я никак не могу выйти за тебя замуж. Как я сразу этого не поняла?

— Почему? Разве у тебя муж-католик, отказывающийся дать тебе развод, или еще какая-нибудь помеха? — с любопытством осведомился Тимоти.

— Конечно, нет!

— Тогда нам не о чем беспокоиться.

— Это тебе кажется. Дело в том, что... Кое о чем в моей жизни ты не имеешь никакого представления!

— Естественно, мы знакомы всего месяц.

— Тебе это не понравится.

— А я уже могу сказать, что в твоей юной жизни мне совсем не нравится, вернее, кто: Дэниел Сэтон-Кэрю.

Она вспыхнула:

— Он для меня пустое место, не беспокойся!

— Приятно слышать. Тогда пусть больше не обнимает тебя и не называет своей маленькой протезе.

— Такая уж у него манера. Он годится мне в отцы.

— Да, что вызывает еще больше возражений, — заметил Тимоти.

Бьюла прикусила губу и угрюмо промолвила:

- В общем, ты тут совершенно ни при чем.
- Еще как при чем! Ты дала мне слово, девочка моя!
- Как дала, так и заберу. Я не могу стать твоей женой.
- Тогда я засужу тебя за нарушение обещания. Кстати, чем вызвана подобная резкая перемена?
- Наверное, у меня случилось временное помешательство. Ума не приложу, зачем тебе жениться на мне.
- Господи, а то я не говорил! Я тебя люблю!
- Говорил, говорил... — пробормотала она. — Этого-то я и не понимаю. Откуда взялась любовь?
- На твоём месте я бы об этом не беспокоился. Конечно, если ты настаиваешь, я бы перечислил многое, из-за чего меня к тебе влечет, но по большому счету все это не так важно. Если совсем просто, мы с тобой подходим друг другу. Разве нет?
- Да, но...
- Вот видишь! Знаешь, для умной девушки ты говоришь глупости. Ведь ты сильно удивишься, если я спрошу тебя, что такого ты во мне увидела, чтобы влюбиться?
- Глаза Бьюлы весело сверкнули:
- А вот и не удивилась бы! Любому с первого взгляда ясно, что меня привлекло. То, на что клюнули еще с полсотни девушек.
- Ты преувеличиваешь, — возразил Харт. — Правильный ответ — сорок три, включая мою малолетнюю племянницу. Боюсь, что наш брак ее сильно огорчит. Она говорит, что сама хочет выйти за меня замуж, что, разумеется, невыносимо. Если бы мы жили в Средневековье, я бы мог добиться исключительного разрешения.
- Вот дурак! — улыбнулась мисс Бертли. — Не думаю, что племянница — единственная твоя родственница, которая была бы недовольна нашим браком.
- Твоя семья меня не примет?
- У меня нет семьи! — отрезала она.

— Совсем?

— Есть дядя, он женат. Я с ними не общаюсь.

— Ну и повезло мне! — воскликнул Харт. — Мне совсем не хотелось знакомиться с кучей теток и кузенов. Брат свидетельствует, что это ад. Он через все это прошел. Рука распухает от пожатий, ноги гудят от ходьбы, ты думаешь, будто приготовил удачную фразу, а оказывается, что это те слова, которых не следовало произносить.

— Как у меня с твоей матерью.

— Наоборот! Отчетливо помню, как ты сказала ей «как поживаете?» и отпустила невинное замечание насчет зла, порождаемого прогрессом, примером коего служит отбойный молоток. Дальше ваша беседа сплошь состояла из междометий.

Возникла неловкая пауза.

— Я не умею поддерживать беседу, — наконец сказала мисс Бертли.

— Не хочу показаться хвастуном, но все, кто хорошо меня знал, твердили, что я болтаю за двоих, если не больше.

— Твоя мама, — не отступала мисс Бертли, глядя ему в лицо, — заклеила меня авантюристкой, и она права, я именно такая! Теперь ты все знаешь. Моя цель — выйти за мужчину с хорошим положением в обществе, не стесненного в средствах, завидного происхождения. Поэтому я и поощрила тебя сделать мне предложение.

— Неужели? — удивился Харт. — Зачем же было тратить время на меня вместо того, чтобы нацелиться на нашего нового пэра из социалистов?

С личика мисс Бертли мигом сошло выражение воинственности.

— Ты о Лансе Гизборо? Если бы он вдобавок следил за ногтями и стриг волосы...

— Милая моя! — Харт посуровел. — Если позволишь влиять на твое суждение таким мелочам, то ничего не добьешься. Я был о тебе лучшего мнения. Стоило ли тратить время и заманивать в брачную ловушку меня, когда рядом киснет целый живой барон? Или тебя ввели в заблуждение? Когда-нибудь, правда, нескоро, я унаследую титул баронета; но независимость в средствах — это не обо мне. Юристы и их клиенты ныне в таком положении, что я счастлив, когда доводится выступить в заштатном полицейском суде за самое скромное вознаграждение. Вид у меня холеный, с намеком на достаток, но за это я должен благодарить щедрость отца, поддерживающего меня материально. Вот что значит судить по внешности! Не скажу, что Гизборо богат, однако не забывай: одна птица у него в руках стоит двух в кустах. Сколько многообещающих коммунистов соглашалось под женским влиянием остричь патлы и воздержаться от ношения галстуков кричащих расцветок!

— Замолчи, Тимоти! — попросила Бьюла. — Между прочим, он принадлежит к числу обожателей Синтии Хаддингтон.

— Вспомни, сколько раз ты и меня причисляла к ее обожателям.

— Сам сознался! — воодушевилась Бьюла. — Хотя если бы ты вокруг нее не увивался, мы бы не познакомились.

Харт вздохнул:

— Потанцевать три раза с девушкой, которой тебя представили в гостях, а потом принять от ее матери приглашение на бал и позвонить с вежливой благодарностью значит увиваться? Признаюсь: грешен.

— Так или иначе, — не унималась Бьюла, — миссис Хаддингтон числит тебя среди перспективных кандида-

тов. Знала бы она, что сейчас мы с тобой пьем чай, — прогнала бы меня!

— В таком случае поторопись на Чарлз-стрит, милая, и все ей выложи, — посоветовал Харт. — Вот только оплачу здесь счет — и устрой, чтобы уже завтра мы смогли пожениться. Будешь потом долгими зимними вечерами развлекать меня воспоминаниями о том, как тебя угораздило наняться к этой сухой цапле.

— Если хочешь знать, это место мне добыл Дэн Сэтон-Кэрю. Ну, еще не передумал на мне жениться?

— Я потрясен, однако непреклонен. Как такой особе удалось проникнуть в приличное общество?

— Подозреваю влияние леди Нест Паултон, — объяснила Бьюла. — Они подруги.

— В какие времена мы живем! Бедный старик Грейстоук! Ему, конечно, пришлось продать поместье, но я не подозревал, что Эллербек падет так низко!

— Ты несправедлив! — возразила Бьюла. — О положении лорда Грейстоука мне ничего не известно, зато я знаю, как и все, что супруг леди Нест купается в деньгах.

— Так я и думал. И где тут связь?

— Какая?

— А такая, прелесть моя, что при всей своей безмозглости леди Нест не стала бы заводить дружбу с незнатной вдовой и все ей выкладывать, не будь на то серьезных оснований.

— А еще говорят, что женщины язвительны! — презрительно воскликнула Бьюла. — Может, ты подозреваешь связь между ней и Дэном Сэтоном-Кэрю? Она дружит и с ним.

— Боже правый! Неужели все Эллербеки — безумцы?

— Сэтона-Кэрю считают привлекательным мужчиной.

— Кого он привлекает? Таких же дурней, как он сам?

— Например, леди Нест Паултон. Ее ты тоже отнесешь к категории дурней?

— Нет, к категории слабых личностей. Такие женщины в «веселых двадцатых» были падки на социальную демагогию — она щекотала им нервы. Хотя это ваше сборище на Чарлз-стрит я бы назвал скорее зверинцем.

— Перестань, Тимоти! — возмутилась Бьюла. — Там бывают весьма уважаемые люди.

— Могу представить нескольких безвредных субъектов, вообразивших, будто знакомство миссис Хаддингтон с леди Нест снимает с нее подозрения.

— Не отнесешь же ты к подобным субъектам полковника Картмела или сэра Родерика Уикерстоуна?

— Их — нет, любимая. Общеизвестно, что эти престарелые крокодилы заверят печатью своего присутствия респектабельность любого дома, где хорошо кормят и поят. Твоя уважаемая хозяйка наверняка приобретает вина и яства лишь на черном рынке?

— Даже если бы знала, не сказала бы! Все-таки я у нее служу.

— Значит, там. Кстати, каков твой статус в ее доме? Она называет тебя своим секретарем, но, похоже, ты часто рыщешь по Лондону со списком покупок.

— Секретарскую работу я тоже выполняю, только ее, конечно, немного, поэтому я хожу для нее за покупками и слежу, чтобы все было хорошо, когда она устраивает приемы. Вообще, стараюсь не допускать неприятностей.

— Сколько длится твой рабочий день? — вежливо осведомился Харт.

— Установленных часов нет. Предполагается, что я буду уходить в шесть, но миссис Хаддингтон предпочитает, чтобы я и позднее находилась у нее под рукой.

— Вот как? Не иначе, ты вытянула длиннющую соломинку!

Бьюла горько усмехнулась:

— Увы, я не член профсоюза. Получаю три фунта десять шиллингов в неделю и стол — либо вместе с семьей, либо отдельно, на подносе в библиотеке. Так мне нравится гораздо больше!

Ей вдруг стало не по себе от изучающего взгляда ярко-синих глаз Харта.

— Зачем тебе все это? — спросил он. — Твоя хозяйка, говоря начистоту, стерва стервой и не видит в тебе человека. Ты обязана вставать перед ней навытяжку по любому шелчку пальцев с утра до позднего вечера. В чем смысл?

— Меня это устраивает. В наши дни работа на дороге не валяется. — Бьюла поспешила сменить тему: — Придешь на бридж?

— Да, а ты?

— Конечно, тоже там буду. Но играть не стану.

— Кто приглашен? Все те же?

— Да. Одиннадцать карточных столов плюс один-два человека, предпочитающих считать очки или просто наблюдать. Леди Нест будет с супругом, что уже придает вечеру блеск. Обычно он обходит Чарлз-стрит за милю.

— Кто станет его за это винить? Наверное, про присутствие великолепного Дэна Сэттона-Кэрю спрашивать излишне?

— Конечно, он тоже будет. Послушай, Тимоти, ты ревнуешь? Если да, то немедленно выбрось эти мысли! Сначала я думала, что он как-то связан с миссис Хаддингтон, но, по-моему, ошиблась: его интересует Синтия.

— Сатиры и нимфы! Нелепость! Будем надеяться, что это просто мимолетное увлечение. Трудно представить его женихом: слишком у него либеральные взгляды... Однако если он применяет свои чары к этой красавице, то можно понять, почему молодой Сидни Баттеру-

ик так темпераментно развлекал компанию в тот вечер, когда мы слушали на Чарлз-стрит Столхэмский струнный квартет.

— Ты отвратительный!

— Отвратительным там был не я, — возразил Тимоти. — И я не воспользовался бы этим словом для описания ситуации. Я не против легкого утешения, к тому же человек широких взглядов...

— Шире некуда!

— Да, ширины моих недостает, чтобы объяснить ситуацию на Чарлз-стрит. Все-таки для меня она связана с девушкой, на которой я намерен жениться.

— Ты действительно считаешь меня невинным цветочком?

— Да, невзирая на все твои попытки убедить меня, что ты уже много лет умудренная светская дама.

Бьюла пожала плечами:

— Не моя вина, если ты упорствуешь в своих иллюзиях. Я предупредила, что ты ничего обо мне не знаешь.

— «Ничего» — все-таки преувеличение! — радостно заявил Тимоти. — Например, мне известно, что в определенный момент ты возомнила, будто против тебя ополчился весь мир. Еще я знаю, что ты в ссоре со своей родней, и под твоей малоубедительной личиной ранней умудренности скрывается страх.

— Страх? Чего мне бояться? — резко спросила она.

— Этого я не знаю и не готов выпрашивать. С меня довольно ждать и дожидаться того дня, когда женский инстинкт подскажет тебе, что я — тот, на кого ты можешь положиться.

Бьюла встала, схватила перчатки и сумочку и произнесла:

— Мне пора. Уже очень поздно. Не провожай меня. Я... Лучше не надо.

Глава 3

Дом на Чарлз-стрит, снимаемый миссис Хаддингтон, внешне почти не отличался от соседних домов, но изнутри не был похож вообще ни на что: по мнению молодого Харта, особенным его делало полное отсутствие индивидуальности. Обстановка просторных комнат не претендовала на уют. Всем, от тщательно продуманного расположения дорогих цветов в многочисленных вазах до выбора иллюстрированных журналов, выложенных на низком столике перед камином в гостиной, дом напоминал свежему гостю салон высококлассной мебели. Роскошные диваны и кресла, обитые той же тканью, которой были занавешены высокие окна, не говоря о подушках с огромными кистями, были расставлены и разложены с пристальным расчетом и непрерывно взбивались либо дворецким, либо самой миссис Хаддингтон.

Холл и лестницу застелили зеленовато-желтыми коврами. Под зеркалом в золотой раме стоял столик в стиле «ридженси», по сторонам от него несли караул два шера-тонских кресла с обивкой в тон ковра. Дверь из холла открывалась в столовую, где царили красное дерево и алая парча. Еще одна дверь, малозаметная, вела на лестницу в полуподвал. Там была другая дверь, за ней располагалась комната, обставленная как библиотека. Два ее высоких окна с внутренними ставнями и с занавесками из плотного бурого бархата выходили в столовую и в крытый сад с солнечными часами и несколькими клумбами, где цвели, в зависимости от сезона, нарциссы или герань. Вдоль стен теснились книги знаменитых авторов в красивых переплетах. На столе с двумя тумбами, водруженном между окнами, лежала толстая книга для записей в переплете из выделанной кожи, стояли ящик из красного дерева, где были сложены конверты и пис-

чая бумага, и серебряная чернильница. Все кресла были обиты грубой кожей. Над комнатой помещалась еще одна, с выходом на лестницу между первым и вторым этажами, принадлежавшая хозяйке и известная всем, кроме мисс Бертли (упорно называвшей ее «гостиной миссис Хаддингтон»), как будуар. Она имела те же пропорции, как и комната внизу, но оформление было иное. Днем два ее окна затягивал тюль, который в темное время суток сменяла сиреневая парча. Ореховый столик с алебастровой сигаретницей и такой же пепельницей стоял рядом с кушеткой, заваленной сиреневыми и розовыми шелковыми подушечками. Два кресла были обиты сиреневым атласом, остальные, названные изготовителями «дополнительными», заполняли пустые места вдоль обшитых панелями стен. Пол закрывал пурпурный ковер. В углу между дверью и окном стоял столик на выгнутых ножках, служивший постаментом для телефонного аппарата, покрытого кремовой эмалью, и для лампы с розовым шелковым абажуром. Рядом с этим столиком находился стул, тоже колченогий, ромбовидная спинка и пружинистое сиденье которого были обиты той же сиреневой парчой, свисавшей по бокам от окон. Цветочный мотив был представлен в комнате алебастровой вазой, в нее летом ставили розы или гвоздики, а зимой лунник или лаванду.

Второй этаж дома полностью занимала гостиная — комната в форме буквы L. Первоначально здесь было две комнаты, соединенных сводчатым проходом. Над гостиной располагались спальни миссис и мисс Хаддингтон с ванными комнатами. Выше, сразу на двух этажах, простиралась терра инкогнита, населенная слугами миссис Хаддингтон.

Мисс Бьюла Бертли, чье задание в этот февральский день заключалось в обнаружении в Лондоне фирмы, ко-

торая взялась бы поставить по сходной цене икру для компании примерно из полусотни человек, вернулась на Чарлз-стрит и нашла хозяйку в гостиной, где та принимала свою единственную и притом незамужнюю сестру Вайолет Пикхилл. Между двумя дамами существовало внешнее сходство: обе худые, с длинными руками и ногами, с орлиным профилем. При этом было бы трудно подобрать двух других настолько несхожих людей. Мисс Хаддингтон была ухоженной и нарядной, ее худоба вместе с внушительным ростом всегда радовали портных. В медных волосах, уложенных красивыми волнами, не было заметно седых прядей. Голубые глаза были слишком холодными, чтобы назвать их красивыми, но черты лица скорее приятными, и жесткость тонких губ обычно скрывала светская улыбка.

Мисс Пикхилл, моложе сестры на несколько лет, не прибегала к искусственным средствам приукрашивания своей внешности. Она была ниже сестры и еще тоньше, цвет ее лица и волос выглядел естественным, то есть в первом случае вообще отсутствовал, а во втором сменился с золотого на бледно-соломенный, местами подернутый сединой. Одежда из достойного материала была скроена безвкусно. Обитала она в запущенном доме неподалеку от Патни-Хилл, унаследованном у отца, и интересовалась приходскими делами, герл-скаутским движением, Женской консервативной ассоциацией и тому подобными достойными предметами. Невозможно было понять, что влечет ее в дом на Чарлз-стрит, поскольку мисс Пикхилл не одобряла все, что там видела, а ее визиты туда не поощрялись. Собственно, мисс Пикхилл туда и не тянуло, просто воспитание не позволяло забыть о долге, состоявшем в том, чтобы приглядывать за сестрой. Также она считала своим долгом отпустить критические замечания по поводу манер, облика,

нравственности и амбиций миссис Хаддингтон и предрекать будущность в сточной канаве для своей племянницы, чье воспитание, по ее словам, исчерпывалось макияжем и беготней за молодыми людьми.

Мисс Пикхилл как раз распространялась на эту неисчерпаемую тему, когда Бьюла вернулась после чаепития с молодым Хартом, и только что уведомила сестру, что та непременно раскается, что отправила дочь учиться в Швейцарию, а не вырастила ее достойным членом общества. При виде своего секретаря миссис Хаддингтон не выразила удовольствия.

— Ну? — резко спросила она. — Что там?

— Простите, что прерываю, — произнесла Бьюла, выкладывая на кресло шелковый лоскут. — Это ближе всего к тому материалу, какой вы велели взять за образец.

— Никуда не годится, — заявила миссис Хаддингтон, презрительно теребя лоскут кроваво-красным ногтем. — Казалось бы, вы должны сами видеть это.

— Именно так, однако я решила принести вам доказательство. Икра всюду стоит одинаково.

— Иногда спрашиваю себя: за что я вам плачу?

Бьюла вспыхнула и поджала губы.

— Вот и я постоянно твержу то же самое! — подхватила мисс Пикхилл. — Для чего здоровой женщине твоего возраста, Лили, нужен секретарь, или как там называет себя мисс Бертли? Бегать за покупками? Икра? Очередной многолюдный прием? Бедный отец перевернулся бы от этого в гробу.

— Довольно! — произнесла мисс Хаддингтон, жестом отпуская Бьюлу.

— Я еще понадоблюсь вам сегодня? — спросила та.

Миссис Хаддингтон заколебалась. У нее намечались посещение театра и последующий ужин в новейшем

и моднейшем ресторане Лондона, а значит, секретарь была ей уже ни к чему.

— Нет, можете идти, — промолвила она. — Не опаздывайте завтра утром.

— Я никогда не опаздываю. Хорошего вечера!

— Дерзкие манеры у этой девицы! — проворчала мисс Пикхилл, когда за Бьюлой закрылась дверь. — Хотя ты сама виновата, у тебя замашки погонщицы рабов! Полагаю, она вот-вот уйдет от тебя.

— Никуда не денется! — усмехнулась миссис Хаддингтон.

— Напрасно тешишь себя надеждами! Нынешние девушки не желают, чтобы ими помыкали. Мое дело предупредить.

— Я знаю о мисс Бьюле Бертли слишком много, чтобы она поторопилась уйти. А сейчас, если не возражаешь, я поднимусь переодеться. Собираюсь в театр.

— Театры, балы! — прошипела мисс Пикхилл. — По моему, у тебя на уме одно это. Где ты берешь деньги на все эти причуды? Ведь Хьюберт не оставил тебе состояния. А если бы и оставил, правительство все равно отняло бы его у тебя. Иногда я часами лежу без сна и переживаю из-за твоего образа жизни, Лили. Того и гляди, прочитаю в газете, что тебя привлекли к ответственности за обман налогового управления или за содержание игорного дома.

— Игорный дом? Опомнись, Вайолет!

— С тебя станется, — мрачно отозвалась мисс Пикхилл. — Можешь сколько угодно дурачить своих надутых друзей, но меня не проведешь! Ты ни перед чем не остановишься, Лили. Всегда была такой: лишь бы добиться своего, не важно, какими средствами! Никогда не забуду, как ты отвергла беднягу Чарлза Фриска, потому что появился Хьюберт с вдвое большим доходом.

О мертвых плохо не говорят, но мне он никогда не нравился, отцу и подавно. Он повторял, что в нем есть какая-то червоточина, а уж с какими типами он якшался... До чего же все они были вульгарны! Как этот Сэтон-Кэрю, с кем я вечно здесь сталкиваюсь!

— Против этого есть верное средство: не приходите сюда! — заявила миссис Хаддингтон.

— Я знаю, что меня здесь не ждут. Но кровь не водича, и я помню о своем долге, Лили!

Она подставила сестре щеку, к которой миссис Хаддингтон слегка прикоснулась своей щекой, и сказала, что можно не вызывать дворецкого, так как найдет дорогу сама. После ее ухода миссис Хаддингтон уже двинулась к себе в комнату, но тут дверь опять открылась, и перед ней предстала дочь.

Девятнадцатилетняя Синтия Хаддингтон была девушкой выдающейся красоты: ослепительная золотая блондинка с огромными ярко-синими с зеленым оттенком глазами. Стройная фигура, элегантный покрой одежды и умеренное пользование тушью для бровей и ресниц доводили ее облик до совершенства. Дорогой девичий пансион, мало что добавивший к ее незавидным умственным способностям, научил ее двигаться грациознее сверстниц. Она хорошо танцевала и каталась на коньках, неплохо играла в теннис; недурно держалась в седле и могла не ударить в грязь лицом на выезде, но не на охоте. Характер у нее был неровный, здоровье не очень крепкое. В свой первый светский сезон Синтия частенько болела, но постепенно привыкла поздно ложиться, стала проявлять необходимую в свете выносливость и научилась быстро восстанавливать силы. Занимаясь приятными ей делами, она бывала весела и добродушна, но, когда что-либо нарушало ее планы, с ней могло случиться, по выражению ее матери,

«нервное завихрение», то есть приступ гнева. Недоброжелатели категорически отказывали Синтии в уме, но были, пожалуй, несправедливы. Когда выдавалось несколько свободных минут, она листала светские журналы, а порой даже читала подписи под фотографиями в них. Войдя в свою спальню, неизменно включала радио.

Сейчас Синтия имела утомленный вид, но все равно выглядела чрезвычайно кокетливо в маленькой шляпке и на высоченных каблуках. Не отрывая взгляда от рекламных проспектов, она проговорила немного в нос:

— Мама, я столкнулась в дверях с тетей Вайолет. Никуда от нее не деться! Зачем ты впускаешь ее в дом? От нее одна зараза.

— Не могу же я ей запретить, — ответила миссис Хаддингтон, с нежностью глядя на изящную фигурку дочери. — Тебе идет это платье. Раньше я сомневалась, а теперь вижу — идет. Где ты была, дорогая?

— В кино с Лансом. Потом попили чаю. — Синтия опустила в кресло и сняла шляпку. — Мне не понравилось: с титрами, все говорят по-итальянски, просто слабительное какое-то! Зато Ланс в полном восторге.

— О! — отозвалась миссис Хаддингтон. — Ланс? Ну, ничего. Не скажу, что этот молодой человек мне очень нравится, я бы одобрила, если бы ты встретила с Тимоти Хартом.

— Тимоти — просто чудо! — согласилась дочь. — И внешностью выигрывает у Ланса: мне нравятся голубые глаза в сочетании с темной шевелюрой, а тебе? Хотелось бы, чтобы аристократом был он, а не Ланс.

Миссис Хаддингтон не уловила в этих наивных речах ничего предосудительного. В целом она была с ними согласна, однако заметила, что принадлежность к аристократии — еще не все.

— Мне не нравится образ жизни Гизборо и его причудливые идеи. Если бы не его наследственный титул... — Она сделала выразительную паузу. — Конечно, лорд Гизборо — звучит громко, но воспитание у него хромает. — Насколько я смогла выяснить, мать у него была женщина простая, к тому же... Но это не важно.

— Ты о том, что, прежде чем выйти замуж за отца Ланса, она была его любовницей? — уточнила Синтия. — Трикси ужасно этим горда, потому что она коммунистка и выступает против уз брака.

— Беатрис Гизборо ничем не может меня удивить, хотя отрицание брака не имеет ничего общего с коммунизмом.

— Неужели? Наверное, я что-то напутала. Но я точно знаю: она жалеет, что отец женился на ее матери, ведь не будь этой женитьбы, Ланс не стал бы лордом Гизборо — ненавистный ей титул! К ней самой тоже не обращались бы «достопочтенная». Она упорно уговаривает Ланса стать просто «мистером Гизборо». Вряд ли бедняжке Лансу это понравилось бы. По-моему, он наслаждается тем, что лорд.

— В таком случае ему не мешало бы научиться вести себя, как подобает лорду, — ядовито заметила миссис Хаддингтон.

— Я тоже так считаю, — поддакнула Синтия.

— В общем, я предпочла бы видеть тебя с юным Хартом.

— Да, но лордом ему не бывать, мамочка!

— Не лордом, так баронетом. Он из очень хорошей семьи. Такое происхождение — именно то, чего я желала бы для тебя, деточка. В Гизборо я не уверена. Общается невесть с кем, придерживается сомнительных политических взглядов, рос в той еще обстановке... Иногда я даже сомневаюсь, что его когда-нибудь пустят в хоро-

шее общество, даром что он носит титул. Его отец был, похоже, склонен к мотовству, а после своей губительной женитьбы вообще стал изгоем.

— Как тебе удалось это узнать? — удивилась Синтия.

— Я приложила немалые старания. Не хочу, чтобы ты совершила ошибку и испортила себе жизнь. Ты — все, что у меня есть, и все, что мне дорого, Синтия, и я добьюсь, чтобы ты получила от жизни самое лучшее.

Дочь зевнула.

— Все равно я выйду замуж за того, кто мне больше приглянется, — сказала она. — Пожалуй, я все-таки предпочла бы Ланса, ведь он не только лорд Гизборо, но и ни перед чем не останавливается, чтобы сделать мне приятно. Конечно, я не теряю от него голову, как от... Ни от кого я ее не теряю! В общем, я пока не решила!

Миссис Хаддингтон заглянула ей в лицо, похожее на распускающийся бутон, и с огорчением увидела на нем утомление и неудовольствие.

— Ты утомлена, — заключила она. — Тебе бы отдохнуть. Как некстати эта премьера!

— Я вытерплю, — пробормотала Синтия, с трудом удерживая открытыми веки.

— Не надо было ходить с Гизборо в кино.

— Глупости, мама! Чем еще было заняться? Сидеть дома и читать книгу?

Миссис Хаддингтон оценила силу этого довода и замолчала. Услышав мелодичный бой позолоченных часов, она воскликнула:

— Придется поторопиться, иначе опоздаем! Синтия, милая, признайся, ты не встречалась тайком от меня с Дэном?

Дочь широко распахнула глаза:

— Дэн? О чем ты?

Миссис Хаддингтон присела на подлокотник кресла и любовно погладила дочь по золотистой головке.

— Послушай маму, сокровище мое! Знаю, Дэн привлекателен, но он тебе не пара. Да, он мой старый друг, но если бы я узнала, что ты...

— Мама, у меня нет ни малейшего желания отбивать у тебя Дэна!

Миссис Хаддингтон сочла излишним порицать ее за такие речи и сказала только:

— Ну и хорошо. Только не воображай, будто я не знаю, как он старается понравиться тебе. Конечно, мужчины его возраста...

— ...слишком старомодны! Перестань, мама! Неужели уже шесть часов? Придется поднажать!

Она вскочила с кресла и нагнулась за шляпкой.

— Ты успеешь принять теплую ванну, — успокоила мать. — Она освежает!

— Все будет хорошо. Кто наши кавалеры?

— Роди Уикерстоун, Кенелм Гизборо с супругой и Фредди Атерстоун.

— Господи... — простонала Синтия.

— Знаю, милая, какая это тоска, но Гизборо знакомы со всеми, и я мечтаю, чтобы миссис Атерстоун пригласила тебя к себе на бал. Это было бы очень своевременно...

— Мне заранее скучно, — пожаловалась Синтия. — Кенелм Гизборо — тошнотворный зануда, женат на пустышке, да еще не выносит Ланса за то, что тот стал наследником. Пьеса, боюсь, тоже окажется отвратительной — с «посланием» или чем-то подобным, заставляющим рыдать от скуки!

Во взгляде миссис Хаддингтон мелькнуло огорчение.

— Милая, если ты действительно устала, то я позволю Нест и попрошу ее...

— Не надо суеты, мама! Ванна приведет меня в чувство.

Миссис Хаддингтон испытывала на сей счет сомнения, но, снова увидев дочь, она была вынуждена заключить, что горячая ванна превратилась в чудо-средство. Синтия, видение в мягких тонах развевающегося желтого шифона, через три четверти часа сбежала по лестнице и ворвалась к собравшимся театралам, подкреплявшимся в библиотеке сэндвичами под коктейли. Она с улыбкой попросила прощения за опоздание и так сияла глазами, что Фредди Атерстоун, недавно покончивший с пленом одного брака и готовившийся к новому, испытал сильный душевный трепет. Одной миссис Хаддингтон, на время разучившейся моргать, лучезарная красота дочери будто не доставила никакой радости. Миссис Гизборо впоследствии внушала своему мужу Кенелму, что взгляд Лилии, обращенный на Синтию, был чрезвычайно странен, однако странность эта была до того скоротечной, что Кенелм Гизборо имел все основания утверждать, будто ничего не заметил, а его супруга просто выдумывает небылицы.

Глава 4

К девяти часам вечера вторника, когда у миссис Хаддингтон собиралась компания для игры в бридж-дуплет, несколько человек пребывали во взвинченном состоянии, а мисс Бьюле Бертли пришлось в целях борьбы с начавшейся головной болью глотать аспирин.

День сразу не задался: один из приглашенных вынужденно пришел к заключению, что обстоятельства, над коими он не властен, не позволят ему участвовать в почтенном собрании. Заверив уклониста сладчайшим голосом, что в его отсутствии не будет ничего страшного,

миссис Хаддингтон зло бросила трубку и потребовала, чтобы горничная, принеся на подносе завтрак, немедленно прислала к ней мисс Бертли с записной книжкой. Услышав, что мисс Бертли явится на Чарлз-стрит только через четверть часа, она разразилась ядовитой тирадой на тему о лени и никчемности всей своей прислуги, что, конечно, только усугубило решимость стоявшей перед ней представительницы данного ненадежного контингента. Поджав губы, горничная поспешила обиженным тоном попросить хозяйку принять ее уведомление об уходе.

— Не дурите! С какой стати вам увольняться? — спросила миссис Хаддингтон.

Сказав, что не намерена отвечать на этот вопрос, мисс Мапперли, противореча сама себе, принялась перечислять многочисленные причины, не позволяющие ей более оставаться под крышей миссис Хаддингтон. Главной среди них было ее нежелание прислуживать сразу двоим. По ее словам, жаловаться было не в ее правилах, но для мисс Синтии требуется отдельная прислуга, причем ее, Мапперли, нанимали не для этого.

Миссис Хаддингтон собиралась занять горничную перешивом купленного для Синтии на этот вечер платья, которое бессовестный портной доставил накануне в далеко не безупречном состоянии, но теперь уяснила, что ее планы на день подлежат пересмотру. Не имея склонности препираться с человеком, норовящим сбежать от нее по малозначительной причине, она просто выпроводила мисс Мапперли и обрушила свой гнев на секретаря.

Бьюла явилась на Чарлз-стрит только в десять, и это дало хозяйке повод словесно выместить на бедняжке дурное настроение. То, что миссис Хаддингтон сама велела ей начать утро с похода на рынок в Ковент-Гарден

и купить там цветов на вечер, было благополучно забыто. Мол, у Бьюлы было достаточно времени, чтобы дважды сходить туда и вернуться.

— Обойдемся без ваших извинений! Принесите снизу мою записную книжку. Вечером мне будет не хватать одного игрока. Потом отправитесь в Фулхэм, к мисс Спеннимур, и передадите ей, что я жду ее сегодня для перешива платья мисс Хаддингтон. Ума не приложу, почему она не подходит к телефону? Раз с ней так трудно связаться, проще было бы вообще отказаться от ее услуг. Цветами займетесь, когда вернетесь.

К моменту возвращения Бьюлы от портнихи миссис Хаддингтон уже заняла последнюю линию обороны и была вынуждена пригласить вместо выбывшего гостя последнего человека, которого желала видеть у себя. Сесть за карты сама она не считала возможным, ведь это помешало бы спокойному течению игры, да и хозяйский присмотр нужен повсеместно. Всплыла кандидатура Сидни Баттеруика, как нарочно, не знавшего, чем занять вечер. Переставив столы так, чтобы он и Дэн Сэтон-Кэрю дольше играли в разных помещениях, мисс Хаддингтон понадеялась, что лишила его возможности проявлять ревность, которая всегда охватывала Сидни при виде Сэтона-Кэрю. Будучи даже более терпимой, чем молодой Харт, миссис Хаддингтон тем не менее не выносила сцен с повышенными тонами и обгрызанием ногтей, разыгрывавшихся порой на ее изысканных приемах.

Бьюла вернулась со сведениями, что мисс Спеннимур, по ее собственному выражению, сделает все, чтобы уважить миссис Хаддингтон во второй половине дня. Это отчасти сняло утреннее раздражение, однако безмятежность продолжалась недолго: по сведениям повара, лобстеры еще не прибыли в Лондон, и никто из тор-

говцев рыбой не смог заверить, что припозднившиеся ракообразные успеют на стол к ее гостям. Повар осведомлялся, каким другим деликатесом мадам намерена ублажить сотню утроб? Стоило миссис Хаддингтон уладить эту проблему, как ее вниманием завладел Фримби, до крайности высокомерный дворецкий. Из-за своего повышенного оклада и поддержки хозяйки в его борьбе с остальной челядью он удерживался у нее дольше всех остальных, с самого ее водворения на Чарлз-стрит полтора года назад. Фримби был неизменно вежлив, считая неучтивость ниже своего достоинства, однако глубоко презирал хозяйку и нередко смущал избранных слуг, к которым снисходил, нелестными сравнениями между ней и своими прежними хозяевами. Бережливость, к которой миссис Хаддингтон принуждали обстоятельства, причем нередко в ущерб слугам, дворецкий воспринимал как личное оскорбление и твердил, что не привык «к подобным ухищрениям». В данный момент он был обижен отказом хозяйки привлечь помощь со стороны для облегчения его участи предстоящим вечером и уже выразил деревянным поклоном и приподнятой бровью свое отношение к людям, не возражающим, чтобы по меньшей мере половине их гостей прислуживали секретарь и горничная. Считая это покушением на свое достоинство, Фримби перечислял их миссис Хаддингтон как непреодолимые, хотя в другом доме легко их обошел бы. К тому же он был раздражен Бьюлой, которую сильно недолюбливал: она оставила охапку листьев в раковине уборной и несколько деревянных поддонов с оранжерейными цветами в холле, попросив его к ним не прикасаться. Тонем измученного страдальца Фримби осведомился у миссис Хаддингтон, закончит ли мисс Бертли с цветами до обеда. Добавил, что если она намерена заниматься цветами в уборной, то следовало

бы уведомить его об этом заблаговременно, поскольку уборка там уже произведена и теперь придется ее повторить.

Миссис Хаддингтон ответила, что цветы должны были расставить еще несколько часов назад, чем рассердила Бьюлу, заявившую, что в таком случае не следовало отправлять ее в Фулхэм. Уйдя, Бьюла постаралась как можно гуще насорить листьями, стеблями и корой. Воцарившееся спокойствие нарушила Синтия Хаддингтон, как водится, проспавшая допоздна и только теперь появившаяся из своей спальни с громким требованием ко всем немедленно оставить все прежние занятия и заняться поиском ее любимой компактной пудреницы, которую она куда-то задела. Эта ужасная потеря грозила опечалить ее на всю оставшуюся жизнь, поэтому в доме начался переполох. Настроение Синтии, и так не бывавшее утром благостным, ухудшалось с каждой минутой. Доведя всех до белого каления требованиями обыска самых неподобающих углов и настойчивым утверждением, что пудреница была при ней при отходе ко сну накануне, она чуть не спровоцировала кризис домашнего масштаба, заявив, что пудреницу наверняка кто-то стянул.

Миссис Хаддингтон сначала проявляла к бедствию поверхностный интерес, но теперь поспешно вмешалась в события и велела дочери не нести чушь, напомнив, что пудрениц у нее по меньшей мере еще четыре штуки.

— А эта была любимая! — закапризничала Синтия. — Я не вынесу утраты! Такая кругленькая, с вышивкой и с...

— Конечно, милая, все мы знаем, как она выглядит! Это же рождественский подарок Дэна? Обязательно найдется, не переживай.

Но Синтия была глуха к увещаниям. Она бегала по комнатам, оставляя за собой хаос и донимая всех вокруг

жалобами и упреками, пока не утомилась, поняв, что уже час дня и именно в это время ей надлежит быть на ланче в «Кларидже». Опоздание станет неприличным, если она не поторопится.

Миссис Хаддингтон тоже пригласили на ланч, однако она нашла перед уходом время осудить то, как мисс Бертли расставила цветы, и назвать вазы «грязными».

— Знаю, получилось не очень удачно, — вздохнула Бьюла. — Трудно, когда выбор невелик, а гвоздики такие непрочные!

— Человек со здравым смыслом сообразил бы скрепить их проволокой, — сказала миссис Хаддингтон. — Получается, мне самой надо обо всем думать! Извольте все переделать — и, прошу вас, пошевелите мозгами!

— У меня их нет, поэтому подскажите заодно, какая понадобится проволока и где ее найти, — резко произнесла Бьюла.

Миссис Хаддингтон прищурилась:

— Станете и дальше так со мной разговаривать, придется потом раскаиваться. Обратитесь к Фримби, а если у него не окажется проволоки, то купите ее. — И она удалилась.

Зная, что Фримби с радостью отвергнет смелое предположение о существовании в доме даже мельчайшего обрывка проволоки, Бьюла нехотя отправилась на ее поиски.

Возня с цветами, сопровождаемая хождением вверх-вниз со всевозможными емкостями, лишила мисс Бертли сил. Сгибание толстоватой и закрученной проволоки тоже было нелегким делом. Ее даже посетила мысль, что проволока для вешания картин — не совсем то, что требуется в данном случае, однако, проявив смекалку и изрядно повозившись, она добилась желаемого результата. Вазы были размещены по-другому, пол в убор-

ной засверкал, лишняя проволока, смотанная в аккуратный моток, легла на полку до следующего раза. Бьюла уже предвкушала полчаса отдыха, когда в дверь позвонили, и через несколько минут Фримби сообщил о приходе портнихи, интересующейся, чем ей заняться до возвращения мисс Синтии.

Зная, что хозяйка возмутилась бы бездействием мисс Спеннимур в ее доме, Бьюла опять отправилась наверх, на сей раз в спальню Синтии. Эта комната на третьем этаже, в глубине дома, представляла собой апофеоз оформительского искусства. Ее можно было назвать «симфонией атласа». Ткань восхитительной персиковой расцветки украшала здесь окно, все кресла, туалетный столик в форме почки, ею же были обиты изголовье и изножье кровати. На предметах мебели сидели в небрежных позах неряшливые куклы, одна из них оседлала розовый эмалированный телефон у кровати. В комнате царил привычный беспорядок — результат совместных усилий одной личной горничной и двух других, втроем не сумевших совладать с манерой Синтии ронять снятую одежду на пол, а пудреницы, расчески, заколки и использованные бархотки — на туалетный столик. Бросив на неопрятный столик презрительный взгляд, Бьюла вытянула из комода ящик и извлекла оттуда клубок чулок. Логика подсказывала, что они нуждаются в штопке, поэтому она зажала их все под мышкой и поднялась на следующий этаж, в комнатушку, всегда отводившуюся мисс Спеннимур для работы. Там имелись стул, стол, швейная машинка, электрический утюг, две гладильные доски и старинная газовая плита, заменявшая почти утраченную способность нагреваться шипением и дымом.

Мисс Спеннимур, известная многим заказчицам как «посещающая меня маленькая женщина», действитель-

но была малорослой и тощей старой девой, добывавшей скудные средства к пропитанию рысканием по Лондону и починкой одежды в чужих домах. Она величала себя портнихой, но это было слишком громко сказано, поскольку в данном качестве ее эксплуатировали лишь наименее требовательные заказчицы. Мисс Спеннимур была отличной швеей, но неважной закройщицей, в чем сама признавалась. Зато штопала безупречно и не только возвращала вещи их хозяйкам в обновленном виде, но и скрывала, что тратила на починку каждой недели три. А главное — именно это ее достоинство заказчицы ценили больше всего — она брала за свои услуги совсем немного. Как объясняла сама, «обычно меня кормят обедом, а это большая экономия, как же ее не учитывать? Иногда мне не везет, у некоторых не оказывается нормальной еды, но надо стойко переносить превратности судьбы. Порой мне приходится довольствоваться чашкой чая утром, и на том спасибо, хотя ожидаешь совсем иного, вы меня понимаете...»

Со стороны жизнь мисс Спеннимур могла показаться тусклой ввиду ее одиночества, но сама она искренне удивилась бы, услышав настолько неверное суждение. Во-первых, неиссякаемым источником интереса для нее выступала жизнь клиенток, а во-вторых, собственная жизнь не была лишена романтики. В молодости она была театральной костюмершей, пусть и не поднялась в этой профессии выше гримерной хористок, и оглядывалась на тот отрезок своей жизни с удовольствием и гордостью, а альбом с выцветшими фотографиями забытых красавиц служил ей неиссякаемым утешением.

Чулки у Бьюлы мисс Спеннимур приняла с привычным добродушием, так как, подобно миссис Хаддингтон, пришла бы в ужас от одной мысли о безделье.

— Это никуда не годилось бы, — сказала она. — Она платит мне по часам и справедливо ожидает, что, находясь здесь, я буду работать. Вам повезло, что вы застали меня нынче утром, мисс Бертли, я уже собиралась собрать вещи и отправиться к заказчице в Хемпстед. Ну и дыра на носке этого прекрасного чулка! В нее картофелина пролезет! Жаль, чулок-то совсем новый. Заштопаный чулок новым уже не назовешь. Отложу-ка я его до следующей недели, а то мисс Синтия вот-вот явится. Не хотелось бы оставить в чулке иглу, а пришлось бы, нехорошо заставляя мисс Синтию ждать. То-то она удивилась бы, если бы я предложила ей такое, хотя мне это и в голову бы не пришло. Лучше займусь вот этой дырочкой на пятке. Что за работу для мисс Синтии приготовила мне мисс Хаддингтон?

— Непохоже, что ее будет много. На спине присланного от «Андре» платья, которое она собралась надеть сегодня вечером, обнаружилась складка.

— Нехорошо! — покачала мисс Спеннимур седой головой. — Такая уважаемая фирма! Как ей теперь доверять? Не пойму, куда катится мир после войны: никто уже не дорожит репутацией, лишь бы денежки платили! А сколько дерут! Вечером будет большой прием?

— Все как обычно, — ответила Бьюла, присев на краешек стола и закурив. — Вам я не предлагаю, правильно?

— Нет, милочка, благодарю. Как-то не втянулась. Это не предрассудок, я женщина широких взглядов, но мой бедный старый папаша выгнал бы меня из дому, увидев, что я курю. Папаша был на сей счет очень строг. Попробуй только рассказать при нем то, что сейчас зовется рискованной историей! А как он отнесся к появлению коротких юбок — вы не поверите... Да, добрый был человек, правда, выпивал. Вообще-то мамаше с ним

досталось: в день полочки ей приходилось искать отца по пабам, а когда она его находила, он отказывался идти домой. Я всегда повторяю: все люди разные. Отец был уважаемым человеком, потому что придерживался принципов. Что у вас сегодня, танцы?

— Нет, просто бридж.

— Честно говоря, никогда не играла в бридж, а вот вист... Будет много знаменитостей? — с надеждой осведомилась мисс Спеннимур.

— Не без них, — ответила Бьюла, зная, что маленькая портниха величает так любого носителя титула. Решив, что та ждет продолжения, она спросила: — Знаете леди Флоддан?

Мисс Спеннимур покачала головой:

— Никогда не видела этого имени в газетах, милочка.

Бьюла, огорчившись, что не смогла порадовать ее, предприняла еще одну попытку:

— Как насчет сэра Родерика Уикерстоуна?

— Да! — просияла мисс Спеннимур. — Он был на скачках — сейчас не припомню, на каких именно, с маркизом Четундом и с леди Кэролайн Рамсбери. Стоял и курил сигару.

— Это на него похоже. Леди Нест Паултон?

— До чего хороша была! — Мисс Спеннимур вздохнула. — Когда-то о ней писали все газеты. Помню ее дебютанткой сезона — еще до того, как она стала лидером молодежи, конечно. Красавица, а какие наряды! Замуж она выходила в платье с золотым шитьем, наделавшем шуму, тогда такое было в новинку. Кто еще?

— Больше никого. Разве что лорд Гизборо.

— Думаю, без него не обойдется. Слышала, он неровно дышит к мисс Синтии, хотя его знаменитостью не назовешь, вы меня понимаете... Видите ли, я знала его мать — о, как же хорошо я ее знала!

Бьюла внимала этим откровениям далеко не в первый раз, поэтому лишь сказала:

— Неужели?

— Первый класс! — Это пояснение отдавало загадочностью. — Само бесстрашие! Вы не поверите... До самой смерти не забуду тот вечер, когда она отправилась на прием почти без денег, не считая платы за такси (она и двух пенсов сберечь не могла), зато в таком платье, словно ее пригласили к самому великому герцогу! Как же называлось то представление? Потом вспомню. Мне не поздоровилось бы, если бы все выплыло наружу, хотя я ведать ни о чем не ведала, она взяла его, когда я отвернулась — ну, об этом вы и сами догадались. Другие девушки смеялись над ней за дружбу с Хилари Гизборо. Хилари! Я сама не могла удержаться от смеха: ну, что за имя! Самое забавное, в ней никак нельзя было заподозрить такую нежность. Но недаром говорят: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Он взял и женился на ней! Никто и помыслить не мог, что этим закончится, но он заявил, что не допустит, чтобы его детей называли незаконнорожденными. Это доказывает, что он настоящий джентльмен. Правда, ей это принесло мало пользы, ведь Хилари умудрился подхватить пневмонию и умереть, когда ее близнецам только исполнилось шесть лет. От него и при жизни было мало проку, несмотря на титулованную родню, но полбуханки все же лучше, чем полная голодуха, когда больше не на что надеяться. Так она и осталась с двумя детьми на руках и с кучей непоплаченных счетов. Но все равно не унывала и продолжала ценить хорошую шутку. Иногда я думаю: то-то она хохотала бы, узнав, что ее Ланс приобрел титул!

Она сама хихикнула, но мигом посерьезнела, поскольку в комнату вошла миссис Хаддингтон. При виде секретаря приподняла брови:

— Вот вы где!

— Я вам нужна, миссис Хаддингтон? — спросила Бьюла.

— Будьте добры, спуститесь вниз и проследите, чтобы маркеры были наготове, а карандаши заточены. А вы, мисс Спеннимур, ступайте в комнату моей дочери. Я полагала, что у вас обеих найдется занятие получше, чем сидеть и болтать здесь!

— Конечно, миссис Хаддингтон, — пискнула мисс Спеннимур. — Только виновата я сама, а не мисс Бертли: я отвлекла ее рассказом о своем знакомстве с бедной матушкой лорда Гизборо. Слово за слово, и...

— Мать лорда Гизборо? — насторожилась миссис Хаддингтон. — Вот оно что!

Ледяной тон, которым были произнесены эти слова, повергли маленькую портниху в смятение. Она спрятала наперсток и ножницы в сумочку, встала и произнесла:

— Я готова, миссис Хаддингтон.

— Тогда спускайтесь.

Глава 5

В восемь часов вечера, взбодрившись таблеткой аспирина, проглоченной после поспешного возвращения к себе в Ирлз-Корт, Бьюла, наряженная в свое единственное вечернее платье, присоединилась к маленькому обществу, собравшемуся в гостиной. Первоначально на ужин приглашен был один Дэн Сэтон-Кэрю, но Синтия, встретив за ланчем лорда Гизборо и Харта, проявила гостеприимство и упросила обоих отужинать на Чарлз-стрит до прихода остальных игроков в бридж. Поскольку Беатрис Гизборо, делившая с братом квартиру-студию, при этом не присутствовала, приглашение не обязательно должно было распространяться и на нее.

Лорд Гизборо отметал все светские условности и вообще заботился только о собственном удобстве, поэтому сразу принял приглашение, предоставив Беатрис явиться на бридж без сопровождения.

Миссис Хаддингтон, узнавшая об этом изменении планов ближе к вечеру, уже была готова напустить на обожаемую дочь и дошла до того, что обвинила ее в необдуманных действиях. Тех же обвинений заслуживал и повар, чьему немедленному исчезновению с орбиты злости миссис Хаддингтон препятствовало разве что соображение, что при должном умении он сможет использовать данный инцидент как повод истребовать прибавки к своему и без того приличному жалованью.

— Радость моя, Синтия, ладно еще, если бы ты пригласила кого-то одного, — сказала миссис Хаддингтон. — Но теперь мы получим множество гостей!

— О чем ты, мамочка? Когда число наших гостей было мало?

— Что ты такое говоришь? Дэна я не считаю полноценным гостем. Теперь придется позвать на ужин эту Бертли.

Затем она вспомнила, что библиотека, где Бьюла обычно ела поданную на подносе еду, выметена, украшена и уставлена карточными столами. Мысль, что слуг возмутил даже намек на то, чтобы дважды за вечер подавать ужин, улучшила ей настроение. Бьюла приняла приглашение отужинать вместе с хозяйкой без воодушевления. Поглядывая на себя в зеркало в двери своего гардероба, она помрачнела. Скромное вечернее платье было куплено в отделе недорогих вещей одного из лондонских универмагов, популярного благодаря именно сходным ценам, а не качеству товара, надевалось слишком часто. Даже чудесный старинный кулон, доставшийся от матери-итальянки, не смог облагородить его.

Трещину на атласной туфельке удалось замаскировать тушью; но густые каштановые локоны, убранные с широкого невысокого лба, можно было бы уложить лучше. «Какая разница?» — успокоила Бьюла свое хмурящееся отражение и провела щеткой по волосам.

Она уже позволила себе излишество: приехала с Невен-плейс на Чарлз-стрит на такси да еще вышла из него в тот момент, когда Сэтон-Кэрю собирался нажать кнопку звонка. Он дождался, чтобы она подошла, и спросил наполовину ласково, наполовину шуточно — тоном, предназначавшимся у него для хорошеньких молодых женщин:

— Как поживает моя маленькая протеже?

— Благодарю, все хорошо. Вы очень меня обяжете, если перестанете так меня называть!

Сэтон-Кэрю со смехом сжал ее руку чуть повыше локтя:

— Дикое дитя! Дикое и неблагодарное. Кто добыл вам это место, хотелось бы мне знать? И что я получил в благодарность? Извольте отвечать, несносное юное создание!

— Если бы вы порекомендовали меня миссис Хаддингтон, не сообщая ей подробностей моей прежней карьеры, я была бы вам признательна и даже позволяла бы такие неприличные прикосновения! — И Бьюла сердито сбросила его руку.

Он усмехнулся и игриво взял ее за подбородок:

— Лилия вас этим укоряет? Как ей не стыдно! Но не мог же я навязать ей вас, утаив худшее?

Бьюла, искавшая в сумочке ключ, вспомнила, что забыла его в другой сумке, для покупок, и нажала кнопку звонка.

— Я сказала вам правду, и вы сделали вид, будто поверили мне.

— Именно что поверил! Это одно из правил игры, милая глупышка.

— Значит, поверили... — Бьюла густо покраснела. — Теперь-то я знаю, что в противном случае вы бы нашли мне иное применение. Увидели, что я совсем не та, кого вы ищете, но решили, что можете предложить вашей давней знакомой рабыню, которая не сбежит от нее при первой же грубости, для чего всего-то и нужно, что ознакомить ее с моей подноготной.

— Бедная дикарка! За это вы меня возненавидели?

— Не сильнее, чем ненавижу тараканов!

Фримби открыл дверь, и Сэтон-Кэрю с нарочитой учтивостью пропустил Бьюлу в дом первой. Проводя ее насмешливым взглядом, он промолвил, отдавая Фримби шляпу:

— Как вы поступаете с тараканами, милая? Наступаете на них?

— Если получится.

— Какая жестокая девчонка! Боюсь, у вас ничего не получится.

Подойдя к лестнице, она оглянулась.

— Напрасно вы так уверены, мистер Сэтон-Кэрю. Не только жестокая, но и решительная.

— Ваше пальто, сэр? — подал голос Фримби, истерпяюще выразив тоном свое отношение к этой перепалке.

Бьюла не спешила входить в гостиную и сделала это в последний момент, уже после явившихся по отдельности лорда Гизборо и Харта. Ее хозяйке очень шел черный бархат, бриллианты и большой веер из черного шелка на пластинах из слоновой кости. Все это было подражанием одной высокоуважаемой герцогине и плагиатом, узанным и оцененным Хартом. Он поймал взгляд вошедшей Бьюлы и чуть заметно кивнул, указывая на ве-

ер и перчатки. Для Бьюлы, не знавшей о двух лишних гостях, появление Харта стало приятной неожиданностью. Угрюмое выражение ее лица сменилось невольной улыбкой и легким румянцем. Радость не прошла незамеченной для хозяйки, наблюдавшей за ними. Впрочем, миссис Хаддингтон не позволила бы себе такого грубого промаха, как прилюдная невежливость с секретарем. Вместо этого она произнесла с механической улыбкой:

— Вот и вы, мисс Бертли! Вы ведь знакомы с моим секретарем, Ланс?

Свежеиспеченный аристократ сидел рядом с Синтией на диване и разглагольствовал о высокой принципиальности, кипящей в любой русской душе. Услышав эти слова, он повернул голову и вялым жестом поздоровался.

— Мисс Бертли, вы уже встречали мисс Хартли, — продолжила миссис Хаддингтон.

— Как поживаете? Что вам налить? — спросил Тимохи и, пожав руку своей тайной невесте, шагнул к столику, уставленному подносами.

Бьюла ответила, что ничего не хочет, и миссис Хаддингтон, решив, что неэкономно расходовать на секретаря вдобавок к еде еще и спиртное, небрежно промолвила:

— Боюсь, вам ее не переубедить, мистер Харт. Мисс Бертли не пьет.

— Образцовая личность! — вскинулся уже начавший подремывать Сэтон-Кэрю.

— Ужин подан, мадам! — доложил из дверей Фримби.

В глубине столовой был собран буфет, а укороченный стол из красного дерева стоял теперь ближе к входу. Миссис Хаддингтон, изящно извинившись за этот «пикник», попросила лорда Гизборо занять место во главе

стола, сама же села напротив него, усадив справа от себя Тимоти, а слева — Сэтона-Кэрю. Своей дочери она указала на стул между его светлостью и Хартом. Таким образом, место рядом с Сэтоном-Кэрю досталось Бьюле. Поскольку лорд Гизборо обращался к одной Синтии, а Тимоти, жертва хорошего воспитания, принялся из вежливости развлекать хозяйку дома, Бьюле пришлось вести светскую беседу с навязанным соседом.

Тот не лез за словом в карман. Это был отлично сохранившийся, даже моложавый мужчина средних лет. Он был красив, хотя немного красен лицом, и обладал магнетизмом. Своими манерами — приятной смесью высокомерной веселости и лести — он привлекал женщин определенного пошиба и молодых людей, еще не добившихся карьерными успехами внимания сверстников и старшего поколения. Обитал в квартире с гостиничным обслуживанием на Джермин-стрит. Его положение в доме миссис Хаддингтон оставалось загадкой. Предполагалось, что прежде они были близки, но это осталось в прошлом. Мисс Мапперли удачно выражалась на сей счет: «Все думают одинаково, когда женщина просит мужчину принести что-то из ее спальни». И добавляла: «Но не стоит надеяться, что он по-прежнему к ней небезразличен: он нацелился на ее драгоценную Синтию, это любому ясно. Отвратительно».

Лорд Гизборо, уже оставивший пустыми створки от полудюжины устриц, теперь гневно клеймил капитализм, отказывающийся кормить устрицами широкие массы. Он давно решил, что Сэтон-Кэрю — паразит, который в прежние времена погиб бы от ножа гильотины, и почти игнорировал его, соизволя лишь изредка ошпаривать его взглядом и возражать ему. Это Дэна Сэтона-Кэрю ничуть не волновало, наоборот, забавляло. Обедневшие пэры были ему малоинтересны. Ни

для кого не являлось тайной, что покойный лорд Гизборо распорядился после смерти последнего сына распределить все его неотчуждаемое имущество между дочерью и любимым племянником Кенелмом. Для чего было завоевывать симпатию такого наследника? Лорд Гизборо был костлявым молодым человеком с запавшими глазами и щеками, вот уже несколько лет работавшим в издательстве левого толка. Он был небесталанен, но неустойчив. Проницательный старший коллега однажды сказал о нем, что он слишком быстро вертится на вертеле. Гизборо мог поддерживать умный разговор лишь до тех пор, пока речь не заходила о Кремле. Малейший намек на Советскую Россию действовал на его мозги, как сильнейший наркотик, убивавший критические способности и оставлявший только фанатичность, с какой он клеймил как капиталистическую пропаганду любое упоминание о неблагоприятных действиях того или иного азиатского народа, попадавшего в луч прожектора. В войне он почти не участвовал, потому что был ее принципиальным противником. Позднее, когда из-за вынужденного вступления России в войну Гизборо пришлось поменять свою позицию, взять оружие в руки ему помешала чрезвычайно важная деятельность на уровне образования. Она сводилась к лекциям, которые он читал мастерски, будучи выпускником Лондонской школы экономики.

В целом Гизборо не мог похвастаться популярностью у слабой половины человечества, а она вопреки всем попыткам просвещения продолжала следовать инстинктам и упорно отдавала предпочтение настоящим сильным мужчинам, желающим защищать своих близких. Женщины, в военные годы работавшие спасательницами под бомбежками, при взгляде на него кривились, чуя труса. Харт, обладатель изящного кожаного

го футляра с маленькими медалями, проявлял больше терпимости. По его словам, от поведения лорда Гизборо в войну не следовало воротить нос, правильнее было постараться разнюхать в нем особого рода интеллектуализм и не держать на его светлость зла за неспособность встать плечом к плечу с остальными соотечественниками в час испытаний. При этом прозвучавшие замечания насчет устриц были, по мнению Харта, невежливыми по отношению к хозяйке дома и заслуживали наказания. С проносом, который провинившийся не мог не признать оксфордским, Харт добавил, что массы вряд ли одобрили бы включение в свой рацион двустворчатых моллюсков.

— Когда устриц было изобилие, — любезно объяснил он, — в договоры с подмастерьями включался пункт, что они станут получать строго ограниченное их количество раз в неделю. Вряд ли из этого следует, что устрицы были очень популярны.

Будучи не в силах опровергнуть эти малоизвестные сведения, его светлость промолчал. Успешно поставив его на место, Тимоти продолжил:

— Удивительно, как разная еда входит в моду. Мать рассказывает, что в ее детстве высоко ценимые нами ныне гребешки считались дешевыми и вульгарными, и их не включали в приличное меню.

— Я имела удовольствие видеть вашу матушку на приеме у Мэри Питерсфилд, — сказала миссис Хаддингтон. — Хотелось познакомиться с ней получше: она очень интересная женщина. Я в восторге от ее книги с описанием приключений на границе Конго!

Тимоти, вместе со своим единоутробным братом уверенный в том, что Провидение устроило Вторую мировую войну с целью положить конец очаровательной, но мучительной родительской страсти исследовать за-

терянные уголки мира, отвесил поклон и пробормотал одну из тех формул благодарности, которые берут на вооружение наиболее дальновидные писательские родичи.

— Норма Харт — ваша мать? — резко спросил Гизборо. — Каюсь, ее книг я не читал, но о ней самой слышал. Она — знаток Экваториальной Африки? Каково ее отношение к проблеме туземцев? Или она к ней равнодушна?

Тимоти, тоже не читавший материнских книг, не собирался втягиваться в долгую дискуссию.

— Отнюдь, она мыслит чрезвычайно здраво, — промолвил он. — Если вы замышляете сафари, то самое правильное — проконсультироваться с ней. Она расскажет, из каких племен вербовать лучших носильщиков, чего ждать от вождей и в чем главный подвох: в заблуждении, будто бои обращены в христианство, в попытках боев болтать с вами по-английски или все-таки в их манере сидеть в ваших креслах.

— Я говорю не об этом! — Гизборо покраснел. — Я имел в виду... Впрочем, для леди Харт это, вероятно, не представляет интереса.

— Довольно с нас Африки и туземцев! — воскликнула Синтия. — По-моему, это скучно!

Миссис Хаддингтон, хоть и испытывавшая облегчение от ее вмешательства, осуждающе уставилась на дочь. Синтия была раздражена, ничего не желала есть, тербила столовые приборы и даже не пыталась вести себя вежливо с гостями матери.

— Устали, милая? — осведомился Сэтон-Кэрю, улыбаясь ей через стол. — Наверное, как всегда, после завтрака ни разу не присели?

— К сожалению, — ответила миссис Хаддингтон. — Придется отключить телефон. Трезвонит с утра до ночи,

и каждый раз спрашивают мою легкомысленную дочь, ведь так, мисс Бергли?

— Да, — послушно поддакнула Бьюла.

— Это же ложь, мамочка! — усмехнулась Синтия, обиженно дернув плечиком.

— Между прочим, — подхватил Сэтон-Кэрю, чья прыть была одобрена даже Хартом, — я сам весь день проклиная телефон. Ждал важного звонка, а его все нет и нет. Я позвонил на станцию и попросил перенаправлять все звонки мне на ваш номер, Лилия. Знал, что вы не станете возражать.

Он ошибся. Как ни признательна была ему миссис Хаддингтон за успешное ретуширование грубости ее дочери, ее не обрадовала перспектива прерывания партии в бридж телефонным звонком. Ее ответ, безусловно учтивый, был настолько лишен сердечности, что наэлектризованность атмосферы стала заметна даже лорду Гизборо. Правда, Тимоти решил спросить Синтию, смотрела ли она последний гангстерский кинофильм, действие которого разворачивается в театре «Орфеум», и это подняло ей настроение и положило начало оживленному спору о кино. В дальнейшем ужин был уже избавлен от неприятных моментов. Наконец миссис Хаддингтон встала из-за стола, игриво извинилась перед мужчинами, что отводит им на портвейн всего десять минут, и пригласила к себе в будуар на кофе. Затем она вышла, и пока Синтия, удалившись в спальню, снова пудрила лицо и придавала дополнительный изгиб своей и без того красиво изогнутой верхней губке, напомнила Бьюле о ее многочисленных обязанностях в продолжение вечера. Послушный Сэтон-Кэрю отвел гостей в будуар, после чего Фримби, предоставив двоим своим забегавшимся подчиненным труд по выносу остатков ужина и превращения столовой в буфет с освежающи-

ми напитками, отправился наверх с кофейным подносом. Когда он уже уходил, появилась Синтия, и Сэтон-Кэрю чуть не расплескал кофе. Схватив его за руку, она затараторила:

— Дорогой Дэн, мне надо сказать вам нечто важное! Идемте в гостиную!

— Не сейчас, моя милая, — твердо заявила миссис Хаддингтон. — С Дэном сможешь поговорить и позднее.

— Мама, ты не понимаешь! Мне надо сообщить ему кое-что именно сейчас!

— Не забывайся, моя дорогая! Ты должна остаться и развлекать Ланса и мистера Харта. К тому же пообщаться с Дэном нужно мне самой.

— Потом посплетничаем, Синни, — улыбнулся Сэтон-Кэрю.

Синтия надула губки и собралась протестовать, но не успела вымолвить даже слова: ее раздраженная мамаша потащила Сэттона-Кэрю в библиотеку, чтобы, как она объяснила, обсудить с ним мелкие детали предстоящего карточного состязания.

— До чего же противные люди! — поморщилась Синтия. — Где мой кофе? Благодарю, Тимоти, вы ангел! Вы налили его для меня?

Затем она, как притянутая магнитом, заскользила в угол комнаты к радиоприемнику и, включив его, занялась настройкой. Лорд Гизборо направился к ней, а Тимоти, воспользовавшись возможностью, тихонько сказал Бьюле:

— До чего весело! Выдался тяжелый день? На тебе лица нет.

— Где твоя вежливость? Я ожидала иного от обольстительного мистера Харта, обладателя образцовых манер!

— То ли еще будет!

Благоговейный голос диктора предупредил, что сейчас по третьей программе прозвучит произведение Моцарта. «Это малоизвестное произведение, — продолжил он, растягивая слова, словно обращаясь к умственно отсталым, — Моцарт сочинил в восемнадцать лет. Первоначально оно...»

— Господи! — И Синтия стала искать в эфире что-нибудь другое.

Ее действия не вызвали возражений.

— Все верно, — заметил Тимоти. — Часто удовольствие от концерта идет насмарку из-за покровительственного голоса, сообщающего кучу фактов, которые я сам раскопал бы, возникни у меня желание.

— Радиопрограммы предназначены не для горстки привилегированных слушателей, имеющих возможности и досуг, чтобы достигнуть вашего уровня культуры, — воинственно заявил Гизборо.

— Радиопрограммы вообще не предназначены для культурных людей, — возразил Тимоти. — Часто они бывают нацелены либо на совсем безмозглых, либо на тех, кто намерен без малейших усилий приобрести кое-какие знания. Помню пятнадцатиминутный рассказ про битву при Ватерлоо. Весьма нравоучительно!

— Все лучше, чем непрерывное унылое прославление Маленького Человека, — сказала Бьюла.

— Полагаю, — презрительно промолвил Гизборо, — вы из тех, кто воображает, будто историю творит так называемый Великий Человек?

— Да, я из них, — кивнула она.

— О, небо! Женщине не пристало так говорить! — поразился Тимоти. — В следующий раз вы объявите, что соревноваться в беге могут лишь быстроногие!

Гизборо покраснел от раздражения, но его ответ утонул в какофонии звуков, извлеченных из приемника

Синтией, не оставлявшей попыток настроиться на приемлемую программу. Пока она это делала, разговор был невозможен, а когда, отчаявшись, выключила приемник, в комнату уже вернулась миссис Хаддингтон с сообщением о приходе первого гостя. Она тоже раскраснелась, что наводило на мысль: ее беседа с Дэном Сэтоном-Кэрю получилась не вполне удачной. Губы были сжаты, ноздри, наоборот, раздувались. Прошло время, прежде чем хозяйка сумела снова натянуть на лицо светскую улыбку. Она повела гостей наверх, в гостиную, не слишком вежливо приказав Бьюле проследить, чтобы из будуара убрали чашки из-под кофе, и ушла встречать Сидни Баттеруика.

Глава 6

Пока у Баттеруика забирали шляпу и пальто, вели его вверх по лестнице, где появление гостя караулил Фримби, чтобы провозгласить его имя, пришли другие. Миссис Хаддингтон заняла позицию в двери, ведущей в переднюю половину гостиной. Ввиду L-образной формы комнаты это помещение было обращено к лестнице и располагалось под прямым углом к двери, отрывавшейся в заднюю половину. В гостиной картежников ждали восемь карточных столов, еще три установили в библиотеке на первом этаже.

Сидни Баттеруик был симпатичным молодым человеком со светлыми кудрями, чувственным ртом и астматическим телосложением, рано перечеркнувшим намерение достичь высот в спорте, а позже сделавшим его непригодным для воинской службы. Мало кто знал, как глубоко в нем засела червоточина разочарования. Большинство знакомых считали Сидни счастливым сыном богача, которого ждет процветающий бизнес.

Но он, понявший, что чемпионом ему не стать и кубков не завоевывать, не смог смириться с игрой в регби и в сквош ради простого удовольствия и покинул спорт. Еще в школе прибился к сомнительной компании, затем связался с еще более опасными, при его неуравновешенности, юнцами. К совершеннолетию Сидни забыл о прежних здоровых устремлениях и вдохновился сюрреализмом, балетом, автогонками и прочими экзотическим увеселениями, не доступными для его сверстников с ограниченными средствами. Он был нервным, вспыльчивым, легко поддавался влияниям, был избалован родителями и обстоятельствами, а главное, болезненно стеснялся. На лесть реагировал, как робкая девушка, зато без труда придумывал пренебрежение к себе и мгновенно переходил от крайней приязни к оскорбленной ненависти. В детстве Баттеруик наслаждался тем, что являлся для своей матери пупом земли, и так и не перерос желание быть всегда обласканным, вызывать лишь восхищение. Поэтому он сторонился девушек, с которыми ему пришлось бы заводить отношения, противные его характеру, и лучше всего чувствовал себя в обществе пожилых женщин, относившихся к нему по-матерински, или таких мужчин, как Дэн Сэтон-Кэрю.

В том, как с ним обращалась миссис Хаддингтон, не было ни капли материнского чувства. У нее для него нашлись разве что холодная улыбка и рукопожатие, ее взгляд, не удостоив его вниманием, сразу переместился на дородную фигуру отъявленного спортсмена и известного бонвивана сэра Родерика Уикерстоуна, тяжело поднимавшегося по лестнице следом за ним. Сидни ошибочно принял безразличие хозяйки дома за неприязнь, обиделся и почувствовал себя неудобно. Сам он ни в грош не ставил миссис Хаддингтон и не стремил-

ся быть приглашенным в ее дом, но это ничего не значило: если его не одобряли, Сидни не мог испытывать удовлетворения. Он немного помялся рядом с ней, теребя свой галстук и воображая, будто быстрые голубые глаза сэра Родерика смотрят на него враждебно, а потом удалился и примкнул к Тимоти и Гизборо, стоявшим у камина.

Гизборо, никогда не скрывавший своих чувств, отреагировал на его приветствие неохотным кивком; зато более вежливый и уравновешенный Тимоти, сообразив, что Сидни хочет закурить, протянул ему свой портсигар. Сидни моментально успокоился. Правда, протягивая руку за сигаретой, увидел, как в дальнем углу комнаты беседуют Дэн Сэтон-Кэрю и Синтия.

Последняя, не отказавшаяся от намерения пошептаться с Сэтоном-Кэрю, чем-то делилась с ним, припав губами к самому его уху. От избытка чувств она даже взяла его за лацкан пиджака. Настроение Дэна можно было описать как отеческое и сочувственное. Он успокоительно гладил Синтию по золотистой головке и произносил слова, призванные урезонить не в меру разволновавшееся дитя. Сидни издал недовольное восклицание и заторопился к ним.

— Дэн! — громко позвал он.

— Точь-в-точь педик! — высказался лорд Гизборо, оставшись вдвоем с Хартом.

— Дэн! — повторил Сидни. — Не знал, что вы окажетесь здесь. Я весь день пытался дозвониться до вас. — Ревниво покосившись на Синтию, он сказал ей: «Как поживаете?» — и продолжил: — Пять раз вам звонил, но ваш слуга повторял, что вас нет дома.

Сэтон-Кэрю давно устал от требовательности своего молодого друга, к тому же терпеть не мог, когда ему мешали беседовать.

— Это я научил его так отвечать, — отрезал он. — В чем, собственно, дело, черт возьми?

Сидни вспыхнул и пробормотал:

— Мы уже несколько дней не виделись! Я боялся, что вы заболели...

— Как видите, нет. Ради бога, перестаньте вмешиваться в разговоры, в которых вам, как вы сами видите, нет места!

Кровь отхлынула от лица Сидни, из пунцового оно сделалось белым как снег.

— Да, вижу, — ответил он дрожащим голосом. — Вот, значит, как? Когда рядом Синтия, я вам ни к чему!

— Замолчите! — не выдержал Сэтон-Кэрю. — Довольно с меня ваших сцен! Ведите себя благоразумно или проваливайтесь! Я сыт по горло тем, как вы себя выпячиваете!

— Хотите сказать, я вам надоел?

— Представьте, именно так!

Синтия нервно хихикнула и покосилась на переднюю гостиную.

— Я вас умоляю, — прошептала она. — У мамы будет припадок!

Казалось, будто Сидни способен, забывшись, ударить Сэтона-Кэрю. Он стоял весь белый, сверкая глазами и сжимая кулаки. Грудь у него вздымалась, как от сдерживаемых рыданий. Он уже начал что-то говорить дрожащим, еле слышным голосом, но его перебили.

— Синтия, сокровище! Чудесно выглядите! О, Дэн! Очаровательно!

Леди Нест Паултон, худенькая, с изможденным лицом в форме сердечка и с огромными глазищами, приблизилась к застывшей троице, как колыхающееся облачко, и Сидни, опомнившись, отвернулся, чтобы не опозориться еще и перед ней.

— Чудесное платье! Ужасный молодой человек... — пробормотала она. — Вы ведь знакомы с Годфри? Разумеется, знакомы. — Немного поколебавшись, леди Паултон добавила: — Мистер Сэтон-Кэрю, Годфри. Вы встречались раньше.

Ее муж, приземистый джентльмен с бесстрастной квадратной физиономией, чуть заметно поклонился и отвернулся, чтобы пообщаться с Синтией. На лице леди Нест осталась жалкая улыбка. Сначала она нервничала, переводя взгляд с него на Сэтона-Кэрю и обратно, потом беспричинно хохотнула и упорхнула, чтобы излишне восторженно поприветствовать рыжеволосую особу в атласном платье.

Сидни Баттеруик, шарахнувшийся в сторону, как мустанг, получивший плетью, испугал сразу нескольких человек на своем пути видом, который потом описывали как обезумевший. Он вроде метил в дверь, но, к счастью для успеха предстоящего бриджа, случайно увидел знакомого балетомана, радостно его окликнувшего:

— Сидни! Я видел вас вчера вечером. Как ваше мнение? Станет она прямой? Вы сосчитали ее фуэте? Хотя, по мне, ей лучше всего удался падекатр.

Эти слова остановили Сидни на бегу. Он отреагировал на них автоматически, а далее последовала вдохновенная дискуссия о балеринах и балерунах, и он пришел в себя. Вытаращенные глаза и дрожащие пальцы свидетельствовали о потрясении, но, после того как пребывающий в экстазе знакомый удалился в обществе пожилого дипломата, помнившего звезд Мариинского театра, он, по крайней мере, осознал, что просто так удрать было бы неприлично, поэтому смиренно направился к сэру Родерику Уикерстоуну с намерением узнать, кто будет его партнером по игре.

Сэр Родерик и доктор Теодор Уэструтер, согласившиеся на роли счетчика очков и распорядителя игры, пребывали в состоянии нервной прострации. Им стоило огромного труда убедить толпу болтающих гостей отложить обмен мнениями и занять места за столами. Когда двенадцать человек удалось наконец вырвать из толпы и направить вниз, в библиотеку, а оставшихся в гостиной развести по столам, прошло еще некоторое время, прежде чем началась игра. Завятыые игроки, кому не терпелось проверить свои карты, тщетно напоминали остальным, что причина собрания — бридж, а не болтовня. Гул голосов делал игру невозможной, потому что препятствия не исчерпывались анекдотами. Хуже их рассказчиков были те, кто, искренне желая играть, умолял напомнить им правила, а также несколько взволнованных персонажей, никогда раньше не игравших в бридж-дулет и нуждавшихся в полном объяснении. Две перепуганные дамы грозным шепотом предупреждали своих партнеров, что играть в туре без козырей не смогут. Определилась и небольшая группа фанатиков, заполнявших время до начала игры воспоминаниями о проявленной ими прежде карточной сноровке и выигрышах.

Тем не менее объединенные усилия обоих терпеливых счетчиков, мисс Хаддингтон и мисс Бертли сделали свое дело, и воцарилась тишина. Тимоти, оказавшийся партнером Синтии, смирился с мыслью, что вечер не сулит ему ничего хорошего, поскольку за несколько минут убедился, что она играет, не думая о его картах. Играла она не сказать чтобы плохо, к тому же светское образование включало целый курс салонных карточных игр и знакомство с большинством правил. Но ей мешал сильный азарт в паре с неспособностью надолго сосре-

доточиться. В результате Синтия не обращала внимания на сносы партнера и часто забывала, что на руках у противников осталась та или иная важная карта.

Тимоти, сначала сидевший «болваном», пока она сражалась за контракты, имел время осмотреть помещение и изучить собравшихся. Приглашенные в большинстве выглядели безвредными представителями полусвета. Впрочем, леди Нест Паултон, сэр Родерик Уикерстоун, Кенелм Гизборо с супругой с рождения принадлежали к завидному и недоступному для остальных миру. Находились здесь и такие — их олицетворял Сэтон-Кэрю, — кого было трудно отнести к какой-либо определенной категории.

Кенелм Гизборо с супругой сидели за столом, соседним с Тимоти, и в первой партии играли против лорда Гизборо и миссис Криддон, обвешанной бриллиантами матроны, сосредоточенно морщившей лицо. Вероятно, миссис Хаддингтон решила, что чем скорее кузены встретятся и разойдутся, тем лучше. Пока над их столиками веяла атмосфера опасной сдержанности. Трудно было представить двух более непохожих людей, чем двоюродные братья. Лорд Гизборо — в мятой рубашке, в съехавшем набок галстуке, с упавшей на один глаз непослушной прядью — сутулился на стуле. Сказав партнерше, что она может заявить любую конвенцию, какую захочет, потому что он обладает некоей собственной таинственной системой, Гизборо играл небрежно, со скучающим видом, и почти каждый мужчина в комнате боролся с побуждением пнуть его ногой. Кенелм, отпрыск молодой семейной ветви, был старше кузена на несколько лет. Он напоминал королевского гвардейца и мог бы неплохо зарабатывать натурщиком для художников, рисующих воплощения напыщенности. Лицо

было круглое и румяное, с щеточкой усов, глаза немного навывкате. Когда знатный родич его раздражал, он багровел, усы начинали топорщиться, и казалось, он вот-вот лопнет. Его жена Ирен была бескровной блондинкой, разговаривала обычно жалобным тоном и не жалела критики для торговли и ходов мужа. Лорда Гизборо она практически не замечала.

Во время первой партии Бьюлы в гостиной не было, но при возвращении карт в коробки и пересаживании пар она вернулась, чтобы очистить пепельницы. В столовой накрывали ужин, но миссис Хаддингтон, зная о пользе освежающих напитков, велела Бьюле не тратить время на расспросы, а просто обносить игроков ими. Ту же самую обязанность могла бы выполнять дочь хозяйки, и Тимоти было неприятно наблюдать, как его возлюбленная обслуживает гостей и все сильнее утомляется. Несколько раз он пытался встретиться с Бьюлой взглядом, но она не желала на него смотреть. Одно обращение к ней замечание Сэтона-Кэрю заставило ее вспыхнуть и отпрянуть от его стола. Это было предпочтительнее покорного выслушивания фамильярностей дерзкого болтуна, тем не менее удовольствия от вечера это Тимоти не добавило. Он уже злился на собственную цивилизованность, не позволяющую затеять с Сэтоном-Кэрю легкомысленную ссору, а потом уведомить его, что утром к нему явятся секунданты. По тем же самым основаниям Тимоти не мог сполна насладиться обстоятельством, что Сэтону-Кэрю досталась самая недружелюбная из возможных партнерш — мисс Беатрис Гизборо, явно его презиравшая и вслух бранившая его манеры игры. То, что Сэтон-Кэрю предпочел бы играть в паре с Синтией и отчаянно скучал, было слабым утешением. Харт радовался, когда он и мисс Гизборо удали-

лись из комнаты, но уже через четверть часа сам с неохотой последовал за ними за один из карточных столов в библиотеке.

Бьюла видела старания Харта перехватить ее взгляд и то, что он заметил ее короткую стычку с Сэтоном-Кэрю. Она надеялась, что в перерыве на ужин Тимоти не попытается уединиться с ней для разговора, и решила не попадаться на его пути. Бьюла чувствовала, что за ней наблюдает миссис Хаддингтон, чьи реплики в начале вечера не прошли для нее незамеченными.

Она поднималась наверх с виски и содовой для полковника Картмела, когда раздался телефонный звонок, которого ждал Сэтон-Кэрю. После предупреждения о предстоящем звонке она сказала ему, что ответить лучше в гостиной миссис Хаддингтон, поэтому сейчас, поставив серебряный поднос, поспешила туда. Выйдя, Бьюла столкнулась на лестнице с хозяйкой.

— Если звонили мне, то вы, надеюсь, ответили, что сейчас я не могу подойти к телефону? — промолвила миссис Хаддингтон.

— Звонят не вам. Это междугородний звонок, просят мистера Сэтона-Кэрю, — ответила Бьюла.

Хозяйка недовольно поморщилась.

— Совсем забыла! Что ж, ничего не поделаешь. Он в библиотеке. Ступайте и позовите его. Он может поговорить у меня в будуаре.

— Я так ему и сказала. — И Бьюла заторопилась вниз.

— Приглядите там вместо меня минутку-другую! — крикнула ей вслед миссис Хаддингтон, подбирая длинный подол, прежде чем подняться к себе в спальню. — Мне надо припудрить лицо. — Заметив рядом Сидни Баттеруика, она удивленно уставилась на него: — Вот не ждала! Что-нибудь случилось, мистер Баттеруик?

— О, нет, нет! — ответил он с легким заиканием. — Просто решил выпить, за нашим столом все закончилось.

— Разумеется! — отозвалась она с готовностью, которую он нашел еще более гнетущей, чем ее резкость. — Вы же найдете дорогу в столовую?

За столом в передней гостиной, который он покинул, леди Нест проговорила со вздохом:

— Ума не приложу, что побудило его попробовать играть в бридж! Как жестоко было, милая Дженнифер, назначить его вам в пару! У меня просто сердце обливается кровью. Как вы думаете, зачем ему было портить вашу червовую заявку?

— Бог его знает! — ответила мисс Чидл, костлявая женщина, чем-то смахивавшая на лошадицу. — Мне его немного жаль: его что-то мучает.

— Не хочу вас огорчать, Дженни, — произнес Чарлз Эшберн, — но, если верить Рудди, вас надули, всучив паллиатив. Джек Доверидж в последний момент отклонил приглашение Лилии.

— Ну, что ж! — пожала плечами великодушная мисс Чидл. — Кто-то ведь должен был с ним играть!

В этот момент привлекли к себе внимание две почтенные леди за столом посередине комнаты, скандально заспорившие из-за того, что одна из них, по утверждению другой, сделала неверный ход. Существовало незыблемое правило — разводить закадычных подруг за бриджем, поскольку голосу обеих позавидовал бы попугай ара, к тому же обе не имели никакого понятия о самообладании. Разумеется, в игре такого рода полностью развести их не получилось бы, но, поскольку одна была северянкой, а другая — с запада, почвы для столкновения вроде не предвиделось. Увы, северянка со-

чла уместным подвергнуть критике игру уроженки запада, что было неразумно, поскольку она и ее партнер уже набрали пятьсот очков. Возникла опасность рукопашной, и миссис Хаддингтон, вернувшись в комнату, убедилась, что игра застопорилась. Проявив недюжинный такт, она быстро утихомирила обеих разошедшихся скандалисток. Ей хватило самообладания, чтобы ни одним движением лицевых мускулов не выдать своего раздражения. Только Бьюла, вошедшая в комнату минутой позднее, заметила, что хозяйка вне себя. Улыбаясь, миссис Хаддингтон сказала ей с ядовитой интонацией:

— Я как будто просила вас проследить за порядком...

Игра возобновилась, но вскоре опять случилась заминка. Объяснение ей дал доктор Уэструтер, отлучившийся из библиотеки с целью сообщить, что игроков задерживает отсутствие Сэттона-Кэрю.

— Его в разгар партии позвали к телефону. Теперь все его ждут.

— Столько времени говорить по телефону? — изумилась миссис Хаддингтон. — Нелепость! Во всяком случае, так нельзя, — уточнила она с небрежным смешком. — Нехорошо и неуважительно с его стороны! Я сделаю ему суровый выговор. Родди, ступайте к нему и напомните, что он всех задерживает. Он в моем будуаре, вы знаете, где это.

— Я мигом выгоню оттуда его, — пообещал сэр Родерик, недолюбливавший болтуна и уже назвавший его в разговоре с Уэструтером грубияном.

Выходя, он столкнулся в дверях с Сидни Баттерриком и обжег его гневным взглядом, в котором читалось, что слабоумный юнец слишком много себе позволяет.

— Эй, смотрите, куда идете, молодой человек! — проворчал сэр Родерик и стал спускаться по лестнице.

Через минуту он вернулся в гостиную, тяжело дыша. У него возникли трудности с речью, руки сильно дрожали. Все уставились на него. Леди Нест, заметив его бледность, вскочила и крикнула:

— Родди, вам нехорошо?

Стараясь сдержать волнение, он жестом приказал ей не мешать.

— Уэструтер, для вас есть работа. Ступайте вниз! Этот Сэтон-Кэрю...

— В чем дело? — повысила голос миссис Хаддингтон. — Что случилось, Родди? Где Дэн?

Сэр Родерик добрался до стула и плюхнулся на него.

— Мертв! — отрезал он. — Та еще картина! Нет-нет, Лилия, оставайтесь здесь. Это занятие для Уэструтера, а не для вас. Беднягу задушили.

Глава 7

Шум, вторгавшийся в сон старшего инспектора Хемингуэя, в конце концов разбудил его. Он выругался, приподнялся на локте и потянулся к выключателю лампы рядом с кроватью. Через мгновение чей-то голос произнес ему на ухо:

— Старший инспектор Хемингуэй?

Голос был резкий, официальный. Старший инспектор сразу узнал своего начальника и давнего друга, суперинтенданта Хинкли из Управления уголовных расследований.

— Слушаю, сэр, — промолвил он корректным тоном.

— Крепко спали? Значит, совесть чиста. Вас ждет работа.

— Бросьте, Боб! — воскликнул старший инспектор, отбросив официальную манеру. — Если вы решили надо мной подшутить...

Суперинтендант Хинкли усмехнулся:

— Я-то не нежусь в постели! Я на посту. Буду вам благодарен, если вы не станете об этом забывать, друг мой.

Старший инспектор Хемингуэй, высунувший из-под одеяла голые плечи и потому ежившийся от ледяного сквозняка, ответил на эту реплику в таких выражениях, что старшему по званию пришлось призвать его к порядку.

— Вставайте! — скомандовал он. — Появилась работа!

— Глухой ночью? — возмутился Хемингуэй. — Только не рассказывайте мне об очередном поляке, приконченном собственными приятелями, потому что я уже не так молод, как раньше. Если придется встать в такой поздний час, чтобы выслушивать болтовню возбужденных иностранцев, старающихся обмануть меня, то лучше сразу уволиться!

— Ничего похожего. Дельце по вашей душе. Мужчину задушили в доме на Чарлз-стрит. Изысканное место, великолепный интерьер!

— Что вы говорите? Что там произошло? Ограбление с применением насилия?

— Нет, насколько я понял. Собственно, никто не знает, в чем причина. Все, что я могу сказать, — это произошло в разгар бриджа!

— Вот оно что! Не иначе, бедняга пошел с бубны, а партнер ждал трефы. Ничуть ему не сочувствую!

— Довольно! — прервал его суперинтендант, которого ответ друга навел на неприятные воспоминания. — Будете продолжать, Стэнли, — пеняйте на себя. Вставайте и одевайтесь! Я поручаю это расследование вам.

— А как же отдел «С»? — спросил Хемингуэй, свешивая ноги с кровати и нашаривая под кроватью тапки. — Разве они прекратили ночное дежурство?

— В доме вас ждет инспектор Першор, — предупредил суперинтендант.

— Повезло так повезло! Першор, кто же еще? Полагаю, он мне обо всем сообщит и даже подскажет, если проявлю вежливость. Подождите, Боб, я только закрою чертово окно! — Хемингуэй отложил трубку, поднял раму, закутался в халат и опять присел на край кровати. — Все, теперь выкладывайте! Кто убитый?

— Некто Сэтон-Кэрю.

— О нем что-нибудь известно?

— Ровным счетом ничего, как и обо всех остальных. Старший инспектор застонал:

— Есть первоначальная версия?

— Дельце как будто нелегкое, хотя... В доме находилось сорок девять человек.

— Что?!

— Считаю слуг, пятьдесят пять, — уточнил суперинтендант.

— Полагаю, разделаться с ним мог любой из них. Сдается мне, Боб, у меня начинается грипп, а может, даже скарлатина.

Суперинтендант усмехнулся:

— Не волнуйтесь, не все так плохо. Першор установил, что большинство из них не имеют отношения к преступлению. Не считая слуг, возможность была, похоже, только у семерых.

— Ну, это запросто, Боб!

— Першор докладывает, что дело дополнительно упрощается. Мол, выделяется один подозреваемый — молодой человек по фамилии Баттеруик.

— Раз он так говорит, значит, мне предстоит допросить всего шестерых, не считая слуг, — мрачно отозвался старший инспектор. — А молодого Баттеруика он мог бы уже сейчас отправить домой, на боковую.

Похоже, мне следует поторопиться, иначе он навлечет на нас неприятности, цепляясь к невиновным. Приставьте ко мне Сэнди Гранта, хорошо, Боб? Мы с ним недурно сработались, надо только привыкнуть к его дурацкой привычке никогда прямо не отвечать «да» или «нет». По мне, лучше такой помощник — или вообще никакого.

— Я отправлю его туда. Его и сержанта Снеттисхэма.

— Прекрасно! Только не стаскивайте Снеттисхэма с постели в такой час: он женат, к тому же пока он мне не нужен. Главное, я уважаю других людей, даже если некоторые этого уважения лишены.

— Будет вам! Сейчас пришло за вами машину.

— Вы меня балуете. — И Хемингуэй повесил трубку.

Около двух часов ночи полицейская машина затормозила позади двух других. Там же, перед домом миссис Хаддингтон на Чарлз-стрит, стоял зловещий фургон «Скорой помощи». Старший инспектор Хемингуэй и жилистый рыжий инспектор Грант из Управления уголовных расследований вышли из автомобиля. Констебль пропустил их в дом, отдав честь и доложив, что в гостиной их ожидает инспектор Першор. Тот шагнул им навстречу. Это был крупный детина с каменным лицом, полный самомнения, — черта, раздражавшая старшего инспектора. Он чрезвычайно серьезно относился к себе и к своим обязанностям. На неприязнь Хемингуэя открыто отвечал тем же. Чем выше поднимался в управлении Хемингуэй и чем более важные дела ему поручали, тем меньше понимал инспектор Першор логику этого продвижения. Он был не в состоянии поверить, что такой неисправимо легкомысленный следователь, как старший инспектор, может успешно работать. Нередко высказывал несогласие с решениями начальства относительно старшего инспектора и был бы изум-

лен, если бы узнал о словах, произнесенных однажды заместителем комиссара полиции: «Поручите это Хемингуэю! Он станет пугать своей отставкой, зато наверняка добьется успеха».

— Добрый вечер, старший инспектор, — произнес Першор. — Суперинтендант Хинкли уведомил меня, что направляет вас на место преступления. Полагаю...

— Не подражайте газетным репортерам! — перебил его Хемингуэй. — Он сказал, что пришлет меня, и точка: никто никогда не слышал от него таких напыщенных речей за пределами свидетельской трибуны. — Он положил шляпу на столик под зеркалом в позолоченной раме и снял пальто. Окинув зорким взглядом комнату в зеленовато-желтых тонах, удовлетворенно кивнул: — Очень стильно! Куда пойти, чтобы нам не мешали?

— Я обосновался в гостиной, старший инспектор. Персонал еще не убрал прохладительные напитки, оставшиеся от собравшегося здесь раньше общества...

— Правильный выбор! — одобрил Хемингуэй, входя в столовую и грея руки у электрического радиатора. — Наверное, надо освежиться. Так что стряслось, Першор?

Инспектор торжественно откашлялся, открыл свой толстый блокнот и начал:

— Я назвал бы это дело ясным. На первый взгляд может показаться, что при сложившихся обстоятельствах подобного преступления не могло произойти, но по результатам допроса нескольких человек, находившихся в доме, я пришел к заключению, что в деле нас не ждет много трудностей...

— Снимите зал и выступите с серией лекций о работе полиции, — усмехнулся Хемингуэй. — Вы заработаете кучу денег: люди готовы платить за любые рассказы. Я бы не слушал, конечно, и даже наше Управление не станет ждать, что я буду платить за то, что мне навязы-

вают. В общем, перестаньте раздражать меня и расскажите, что тут произошло.

Инспектор сердито взглянул на него, но требования субординации не позволили возмутиться. Он продолжил деревянным голосом:

— Дом снимает миссис Лилия Хаддингтон, о которой ничего не известно. Она проживает с дочерью Синтией Хаддингтон и со слугами в количестве шести человек. При ней также состоит молодая женщина-секретарь, находившаяся здесь в интересующее нас время. Убитый — Дэниел Сэтон-Кэрю, адрес: Хаутон-Хаус, Джермин-стрит. Насколько я понимаю, он был близким другом миссис Хаддингтон. Будучи одним из сорока четырех приглашенных на бридж, он до начала игры ужинал в обществе миссис и мисс Хаддингтон, секретаря мисс Бертли, лорда Гизборо и некоего Харта. Еще двое гостей выполняли в игре обязанности счетчиков. Один из них, доктор Теодор Уэструтер, первым осмотрел тело. В одиннадцать часов Сэтону-Кэрю позвали к телефону, стоявшему в комнате, известной как будуар. Через несколько минут — никто не может уточнить, сколько именно времени прошло: миссис Хаддингтон говорит о десяти минутах, мисс Бертли — о большем отрезке времени, все остальные показывают, что вообще не знают, во сколько Сэтону-Кэрю позвали к телефону...

— Передохните! — посоветовал Хемингуэй.

Першор, сообразив, что упустил нить повествования, заглянул в записи.

— Сэтону-Кэрю позвали к телефону, — напомнил старший инспектор.

— По прошествии нескольких минут, — холодно продолжил Першор, — миссис Хаддингтон попросила сэра Родерика Уикерстоуна навеститься в будуар и напомнить Сэтону-Кэрю, что его ждут. Сэр Родерик так

и сделал, вследствие чего нашел тело убитого, которое вы сами увидите. Теперь о тех, чьи передвижения в то время, когда было совершено преступление, вызывают вопросы...

— Не надо о них! Мой девиз — «начнем с главного». Необходимо осмотреть тело. Ведите меня в этот самый будуар!

— Разумеется, как скажете, старший инспектор. Я покажу, куда идти. — Першор повел его вверх по лестнице. — Сержант Бромли, прибывший незадолго до вас, сейчас фотографирует в комнате отпечатки пальцев. Излишне говорить, что после моего прибытия в 11.53 там ни к чему не прикасались.

Поскольку трогать что-либо до прибытия представителя Скотленд-Ярда было непрофессионально, это избыточное напоминание вывело старшего инспектора из себя. Он чуть не прожег гневным взглядом спину инспектора Першора, но не успел сказать ничего из того, что просилось у него с языка.

— Тсс! — успокоительно произнес инспектор Грант.

— Не скажу, что вы не правы, но если вы действительно советуете мне помолчать, то я, пожалуй, подам на вас рапорт.

Улыбающийся инспектор напомнил Хемингуэю своих земляков с Северного нагорья. На лестничной площадке инспектор Першор открыл дверь в гостиную миссис Хаддингтон и посторонился, пропуская Хемингуэя.

Там собралось несколько человек. Мертвый Дэн Сэтон-Кэрю застыл в кресле у углового телефонного столика между дверью и первым из двух длинных занавешенных окон. Его лицо было чудовищно искажено, из-за затылка высывались два кончика тонкой проволоки. Голова склонилась на грудь, руки повисли по бокам, одна нога была вытянута под шатким столи-

ком с телефоном, другая, согнутая, уперлась подошвой в ножку кресла.

Старший инспектор мужественно осмотрел труп, обвел взглядом комнату и радостно произнес:

— Добрый вечер! То есть доброе утро! Как твой сынишка, Том?

Фотограф улыбнулся:

— Прекрасно, сэр, спасибо. На этой неделе карантину конец.

— Вот и отлично. — Хемингуэй отвернулся от фотографа и опять уставился на неподвижную фигуру в кресле. — Ну-ну... — проговорил он. — Чего только не случается...

Это было сказано безразличным тоном. Все подчиненные, кроме одного, ждали в почтительном молчании, зная, что какие бы глупости он ни нес, голова у него работает быстро и глупостей совершенно чужда.

— Как вы убедитесь, старший инспектор, — произнес Першор, — преступление совершено при помощи обычной проволоки для вешания картин, обмотанной вокруг шеи потерпевшего, при помощи какого-то неизвестного инструмента. Держа в руке конец проволоки и этот инструмент и стоя у потерпевшего за спиной, убийца быстро обвил ему шею проволокой, подцепил другой конец, соединил концы и несколько раз повернул свой инструмент, вызвав смерть от удушья за...

— Можно подумать, он сам не видит, — перебил Першора Грант. — Вы бы унялись, глупец!

— Секундочку! — Першор раздулся от гнева. — Как вы сами убедитесь, старший инспектор, шея убитого была туго обмотана ниже места, где расходятся концы проволоки, а это означает, что между ними находилось приспособление, которое потом убрали.

— Оно найдено? — спросил Хемингуэй.

— Пока нет, старший инспектор, — признался Першор.

Старший инспектор обвел взглядом комнату:

— Не вижу ничего подходящего. Даже если найдем — что толку? Вряд ли преступник оставил свои отпечатки на проволоке. Вы проверили проволоку, Том? Ничего на ней, конечно, не обнаружите, но надо использовать все возможности. — Он обратился к фотографу: — Мне нужен снимок этого угла с того места, где вы стоите.

Следующие несколько минут Хемингуэй посвятил фотографу. Когда тот, сделав все снимки, которые потребовались, стал собирать свою аппаратуру, он еще немного постоял, изучая картину преступления.

— Если вы закончили, старший инспектор, то «Скорая» готова забрать труп, — напомнил Першор.

— Его нашли в этой позе? Все на месте?

— Из показаний сэра Родерика Уикерстоуна и доктора Уэструтера следует, что никто не дотрагивался до тела. Особенно настойчиво я допросил врача, исходя из того, что он мог попробовать оживить жертву, но он утверждает, что сразу увидел: человек мертв, и не трогал его. Впоследствии полицейский медик...

— В комнате ничего не трогали?

— Ничего, кроме телефонной трубки, висевшей на шнуре: видимо, убитый выронил ее. Ее вернули на рычаги под моим наблюдением, — важно поведал инспектор Першор, — после чего сфотографировали на предмет отпечатков пальцев.

— Хорошо. Тело можно уносить, — распорядился Хемингуэй. — Говорил ли доктор Йоксолл... Не важно, сам узнаю.

Инспектор передал разрешение унести труп, увидел, что Хемингуэй раздвигает тяжелые парчовые шторы за телефонным креслом, и сказал:

— Убийца, без сомнения, прятался за этой шторой, старший инспектор.

— Сомнения есть, и много, — едко возразил Хемингуэй. — Перестаньте величать меня «старшим инспектором» всякий раз, когда открываете рот. Это действует мне на нервы. Я не говорю, что преступник не прятался; но судя по тому, как все выглядит, прятаться ему было совершенно не обязательно.

— Вы хотите сказать, старший... вы хотите сказать, что потерпевший не ожидал нападения?

— Я не жду удара убийцы, когда играю с друзьями в бридж. Все могло произойти так, как вы думаете, но, по-моему, кресло стоит слишком близко к окну, чтобы тот, кто прятался за занавеской, не привлек внимания своей жертвы. Даже если не было шороха, любой сидевший там непременно заметил бы движение занавески хотя бы краем глаза. В этом случае он успел бы оказать хоть какое-то сопротивление. Мы же не наблюдаем ни малейших следов борьбы. Хорошая, чистая работа!

— Жестокое, подлое убийство! — сурово заявил инспектор Грант.

— Вы так говорите, потому что не любите дел об удушении. Все преступники — подлецы. Я видел много гораздо более жестоких убийств, да и вы тоже. — Подождав, пока накрытое тело Сэттона-Кэрю вынесут на носилках из комнаты, он продолжил: — Так на чем мы остановились? Теперь мне хотелось бы узнать, Першор...

— Подозреваемых держат в...

— Мне хотелось бы узнать, Першор, почему человеку с Джермин-стрит звонят в чужой дом? Ему точно звонили? Это установленный факт?

— Разумеется, мне тоже пришел в голову данный вопрос, старший инспектор. Сэтон-Кэрю договорился, что ему позвонят сюда: он сообщил об этом за ужином,

при пяти других гостях, сидевших с ним за столом. По показаниям дворецкого, его самого в тот момент в комнате не было, поэтому о предстоящем звонке он не знал. У меня нет оснований не верить ему, но он — неважный свидетель.

— Вы не нашли к нему подхода: для допроса дворецких нужно особое умение. Итак, о предстоявшем звонке знали только пятеро? Вполне достаточно! Кто ответил на звонок? Дворецкий?

— Мисс Бертли утверждает, что она, в этой комнате. Звонили из Донкастера.

— Проверьте звонок, Сэнди.

— В момент звонка Сэтон-Кэрю играл за одним из столов в библиотеке. В гостиной, занимающей весь второй этаж, стояло еще восемь карточных столов. Кроме миссис Хаддингтон и еще одного гостя, никто комнаты не покидал. Мы это тщательно проверили: все были увлечены бриджем, никто не мог выйти из-за своего стола незаметно от остальных троих. Имена и адреса, естественно, записаны, но я не увидел причин задерживать кого-либо, кроме Сидни Баттеруика, о котором уже говорил.

— Правильно. Продолжайте!

Инспектор сверился с записями:

— Мисс Бертли показала следующее. Когда она вышла из комнаты с намерением позвать Сэтону-Кэрю к телефону, из гостиной, на лестничной площадке, появилась миссис Хаддингтон. По словам мисс Бертли, та разозлилась, узнав, что звонят Сэтону-Кэрю, однако велела мисс Бертли сходить за ним. Миссис Хаддингтон показывает то же самое. Затем она сказала мисс Бертли следить за порядком, а сама отлучилась к себе на третий этаж. Тогда мисс Бертли спустилась в библиотеку, где играл потерпевший...

— Я уже надеялся, что вы избавились от этой привычки! — рассердился Хемингуэй. — Называйте людей по фамилиям. Если будете и дальше разглагольствовать про «потерпевшего, игравшего в бридж», то доведете меня до нервных судорог!

— Как вам угодно, старший инспектор. Перед тем как вы меня перебили, я хотел сказать, что потер... мистер Сэтон-Кэрю играл в бридж за одним из столов. С ним за столом сидела мисс Гизборо, его партнерша и сестра-близнец лорда Гизборо, тоже находившегося в библиотеке, мистер Годфри Паултон и иностранка, назвавшаяся баронессой... — Инспектор надул щеки и со страданием выговорил: — Баронесса Рождественски!

— Сколько букв?

Инспектор продемонстрировал машинописную строчку.

— Я попросил ее продиктовать фамилию по буквам и воспроизвожу так, как она произносила.

— Возможно, но прислушайтесь к моему совету: никогда больше не говорите этого слова, иначе люди подумают, будто с вами что-то не то. Ладно, баронесса, и точка! Вернемся к рассказу мисс Бертли.

— Мисс Бертли показала, что вскоре после ухода Сэтона-Кэрю в библиотеку — она только и успела, что вытряхнуть и вернуть на место пару пепельниц, — поднялась в гостиную с подносом, на котором стояли виски и содовая. Услышав звонок, мисс Бертли поставила поднос на стул за дверью. Она несла его полковнику Картмелу. Полковник подтверждает ее слова: говорит, что не помнит, как мисс Бертли сделала это, но нашел рюмку, когда оглянулся. Он в это время играл, поэтому мисс Бертли не обратилась к нему. Остальные гости помнят, как мисс Бертли ставила на столик рюмку, но смутно.

Мисс Бертли говорит, что провела в гостиной минуту-другую, увидела, что одна коробка из-под сигарет пуста, и пошла вниз, за сигаретами, хранившимися в буфете в столовой. Там она застала Баттеруика, пившего виски с содовой, поданный дворецким. Ничего ему не сказав, она взяла сигареты и вернулась в гостиную.

— Почему вы на нее взъелись? — поинтересовался Хемингуэй.

— Надеюсь, я ко всем беспристрастен, старший инспектор. Но мисс Бертли вынужден охарактеризовать как неудовлетворительную свидетельницу. Более того, у меня есть основания полагать, что она утаила от меня часть правды. Вела себя враждебно, неохотно отвечала на мои вопросы и всячески убеждала меня, что не могла успеть убить Сэттона-Кэрю, хотя время сделать это у нее было. Ее слова, будто после ухода Сэттона-Кэрю из библиотеки она там задержалась, подтверждает единственный человек. Я не придавал этому значения, поскольку он подтвердил бы все, что бы она ни сказала! Остальные гости в библиотеке говорят, мол, не помнят, чтобы мисс Бертли входила и выходила несколько раз за вечер. Кроме того, у меня была возможность спросить ее, заметила ли она возбуждение мистера Баттеруика. Мисс Бертли ответила, что не заметила в нем ничего необычного, хотя, по словам дворецкого, это любому бросилось бы в глаза, таким он был нервным и странным: не обращал внимания на то, что ему говорили, и опрокинул одну за другой две двойные порции виски.

— Им мы еще займемся, — пообещал Хемингуэй. — Что показала миссис Хаддингтон?

— После того как мисс Бертли пошла вниз за Сэттоном-Кэрю, сама она отправилась к себе и увидела вышедшего из гостиной Баттеруика. Он объяснил, что идет в столовую за выпивкой, потому что за его столом иг-

ра завершена. Хозяйка поднялась в спальню и не знает, спустился ли он вниз, как обещал. В своей комнате она провела несколько минут — подтверждения этому нет, разве что слова двоих гостей, что она отлучалась ненадолго, — после чего вернулась в гостиную, откуда вышла только после обнаружения мертвого тела. Баттеруик рассказывает то же самое: видел, дескать, как миссис Хаддингтон идет наверх, когда спускался в столовую. Ни Сэтоне-Кэрю, ни мисс Бертли он якобы не встретил — вот здесь, старший инспектор, он, полагаю, говорит неправду. Кроме того, Баттеруик показывает, что не слышал никакого разговора между миссис Хаддингтон и мисс Бертли про телефонный звонок, — и снова лжет. Побыв в столовой, он вернулся в гостиную, когда сэр Родерик Уикерстоун уходил проверить, почему Сэтон-Кэрю задерживается. Сэр Родерик подтверждает это. Дворецкий не знает, когда он покинул столовую, потому что отправился к себе.

— Ясно. У Баттеруика были основания убивать Сэтоне-Кэрю?

— Насколько я понимаю, у него их было больше, чем у кого-либо еще, — ответил Першор. — Исходя из того, что мне удалось узнать, он был буквально помешан на Сэтоне-Кэрю и всегда с ума сходил, если тот обращал слишком много внимания на кого-либо еще.

— Так он гомосексуалист? Неужели придется расследовать дело о преступлении на сексуальной почве?

Инспектор опустил голову:

— Так мне представляется, так я понял... При этом, как следует из показаний дворецкого и горничной мисс Хаддингтон, Сэтон-Кэрю ухаживал за Синтией Хаддингтон, что никак не устраивало миссис Хаддингтон, потому что он — ее ровесник, а главное, состоял в близких отношениях с ней самой. Хотя это, — оговорился

Першор с суровым видом, — неподтвержденные сплетни.

— Хорошенькое дельце! — воскликнул Хемингуэй. — Что же получается? Миссис Хаддингтон задушила Сэттона-Кэрю за приставания к ее дочери или все-таки Баттеруик — по той же причине?

— Справедливости ради надо указать, — произнес Першор, — что дворецкий и горничная заявляют: после ужина миссис Хаддингтон и Сэтон-Кэрю уединились в библиотеке и, судя по доносившимся оттуда голосам, поспорили. По словам миссис Хаддингтон, застав ее в задней гостиной за беседой с Сэтоном-Кэрю, Баттеруик устроил сцену, разбушевался и мог что-нибудь натворить. Это подтверждает леди Паултон, только слов, которые наговорили друг другу Баттеруик и Сэтон-Кэрю, она не слышала. Мол, он выглядел огорченным, только и всего. Мисс Чидл, его партнерша, вспомнила, что его как будто что-то отвлекало от игры, но про ссору с Сэтоном-Кэрю она не знает.

— Мисс Бертли тоже поссорилась с Сэтоном-Кэрю? — спросил Хемингуэй.

— Как утверждают слуги, она его недолюбливала и не пыталась этого скрывать. Вечером они явились сюда вместе. Когда дворецкий открыл им дверь, видно было, что мисс Бертли сердита на Сэттона-Кэрю. По словам дворецкого, он смеялся и дразнил ее, она сказала ему что-то угрожающее, насчет своей решительности и безжалостности: мол, напрасно он так в чем-то уверен...

— Слыша подобные показания, я обычно жалею, что не пошел в водители грузовика. У кого еще произошла глупая ссора с этим популярным персонажем?

— Собственно, больше ни у кого, — ответил Першор. — Кажется, его не выносил также лорд Гизборо — он сам мне в этом признался. Он тоже влюблен в мисс

Хаддингтон, но у его алиби: Гизборо играл в бридж в библиотеке и не покидал комнату, пока не сообщили об убийстве. Как и остальные гости за его столом.

— Жаль! А я-то размечтался! Никогда еще не арестовывал лордов, а у него, похоже, не менее сильные мотивы, чем те, о каких я уже слышал. Как насчет остальных гостей из библиотеки?

— После ухода Сэттона-Кэрю отлучались только двое. Паултон, игравший за одним с ним столом, вышел подышать воздухом — в комнате стало душновато. Он говорит, что прогулялся по холлу до входной двери и немного постоял на крыльце. Затем он вернулся в библиотеку, по пути посетив туалет. Подтвердить это никто не может.

— Как у него с мотивом?

— Отсутствует, насколько я установил, — ответил инспектор.

— Хорошо, надо будет к нему присмотреться.

— К нему? — удивился Першор.

— Лучше совсем без мотива, чем много мотивов! Кто еще покидал библиотеку?

— Мистер Харт. Он играл в паре с миссис Хаддингтон против мистера и миссис Кенелм Гизборо — между прочим, они приходятся лорду Гизборо двоюродными братом и сестрой. Через несколько минут после ухода Паултона Харт вылетел в «болваны» и тоже ушел. Он встретил Паултона, выходявшего из туалета.

— Как он действовал?

— По его словам, тоже посетил туалет. У Харта явный мотив отсутствует — наверное, вы и к нему решите приглядеться, старший инспектор? — с сарказмом осведомился Першор.

— Стоит вам произнести это имя, как у меня в голове звенит звонок, — признался, хмурясь, Хемингуэй. —

Почему, хотелось бы мне знать? Харт, Харт... Я точно натыкался на него раньше!

— Приятный джентльмен, — заметил Першор. — Я бы дал ему около тридцати лет. Он барристер — вероятно, потому вы о нем и слышали.

Хемингуэй покачал головой:

— Нет. Ладно, подождем. Наверное, я вспомню, когда увижу его.

— Харт в гостиной вместе с мисс Бертли, Баттеруиком, Паултоном и доктором Уэструтером. Уэструтер находился в библиотеке, когда оттуда вышел Сэтон-Кэрю, а потом поднялся в гостиную, чтобы сообщить тамошним игрокам о причине задержки в игре — это происходило до того, как стало известно об убийстве. Доктор Уэструтер утверждает, что до этого вечера не был знаком с Сэтоном-Кэрю.

— Зачем вы его задержали? — спросил Хемингуэй. — Представляю, как он теперь неистовствует!

— Я его не задерживал. Он остался по собственной воле — хотя не исключено, что по просьбе миссис Хаддингтон, которая впала в истерическое состояние. Это было сначала, потом она успокоилась.

— Пора мне взглянуть на этих людей и отпустить тех, кому здесь не место. Иначе они станут жаловаться, что их всю ночь держали взаперти без всякой причины. Как насчет слуг? Тоже бодрствуют?

— Только дворецкий и горничная. Остальные находились на виду: кто в столовой для слуг, кто в кухне.

— Ступайте к ним, Сэнди, опросите и отпустите спать! Последний вопрос к вам, Першор, прежде чем идти к вашим подозреваемым: кто-нибудь объяснил, откуда взялась проволока, использованная для удушения?

— Проволоку, старший инспектор, взяли из мотка, купленного вчера утром мисс Бертли по просьбе мис-

сис Хаддингтон. Часть ее она использовала для цветов, а остальное оставила на полке в уборной.

— На виду у любого посетителя этого места?

— Да, — кивнул инспектор. — Любой, поправляя галстук перед зеркалом, не мог не увидеть проволоку, если она оставила ее там.

— Задача упрощается?

— Вряд ли. Ни один из них проволоки не видел. А если видел, то не признается, — возразил инспектор.

Глава 8

Группу из шести человек собрали в передней гостиной, откуда вынесли карточные столы. Проход в заднюю часть гостиной загородили бархатными занавесками, в камине ярко горел огонь. Обстановка была даже уютная, если не обращать внимания на тесноту: пятеро из шестерых расселись вокруг огня. В углу дивана прямо, как кочерга, восседала миссис Хаддингтон, таращась на пламя и вцепившись худыми окольцованными руками в свой веер. При обнаружении трупа ее старого друга она оказалась на высоте положения: инстинкт светской дамы возобладал над первобытными эмоциями. Но старания держать себя в руках в этой беспрецедентной ситуации, а также бурная истерика дочери лишили мисс Хаддингтон жизненной энергии. Она выглядела измученной, все мышцы были предельно напряжены, будто лишь усилие воли удерживало ее от нервного припадка. Рядом с ней, то и дело поглядывая на наручные часы и неуклюже пряча зевоту, сидел доктор Уэструтер, ругавший себя за то, что, уступив благородному побуждению, согласился не покидать гостиную до прихода «человека из Скотленд-Ярда». Если бы он знал, что это так затянется!

Напротив дивана расположился в глубоком кресле Годфри Паултон. Он листал журнал, откровенно позевывал и всем своим видом показывал, что давно уже должен находиться в постели. На удалении от камина сидела на стуле мисс Бертли, прикрывшая ладонью глаза. Другой рукой она теребила носовой платок. Круг замыкали Сидни Баттеруик и Тимоти Харт.

У Баттеруика первая реакция на трагедию мало отличалась накалом и драматической экспрессией от реакции Синтии. За приступом необузданных чувств последовало такое глубокое уныние, что Харт, единственный во всей компании, кто сохранил полное хладнокровие, прилагал все старания — отчасти из жалости, отчасти из неприязни к горьким рыданиям взрослых мужчин, — чтобы отвлечь его от переживаний. Задача была нелегкая, но Тимоти не сдавался и вскоре добился успеха: войдя в комнату, старший инспектор Хемингуэй застал Сидни за излюбленным занятием: он пылко втолковывал Тимоти, что «Жизель» — единственная стоящая проверка мастерства классической балерины.

Инспектор Першор объявил, что Хемингуэй намерен побеседовать со всеми присутствующими.

— Добрый вечер! — радостно начал тот, сразу подчеркнув приподнятостью тона контраст с присущей его подчиненному унылой официальнойностью. — Боюсь, мы заставили вас долго ждать, прошу принять мои извинения.

— Боже всемогущий! — изрек Харт, глядя на него с прищуром. — Сержант!

Напряженный вид инспектора Першора свидетельствовал о том, что по первому сигналу старшего инспектора он готов взять Харта под стражу. Но Хемингуэй смотрел на Харта с интересом и с сигналом не спешил.

— В свое время я носил это звание, но с тех пор меня повысили, — произнес он. — А вы, сэр, знавали меня сержантом?

— Еще бы! — Тимоти вскочил и устремился к нему с протянутой для пожатия рукой. — Вы меня, наверное, не помните. Дело Кейна вам о чем-нибудь говорит?

— Харт! — воскликнул Хемингуэй. — Я же говорил, что ваша фамилия мне знакома! Чтоб мне провалиться, если вы не Ужасный... — Он осекся, в кои-то веки испытал смущение.

— Ужасный Тимоти, — подсказал Харт. — Полагаю, меня не зря так прозвали. Как поживаете? Я вас сразу узнал.

— Должен признаться, я бы вас не узнал, сэр, — улыбнулся Хемингуэй, пожимая ему руку. — Вы уж не обессудьте, если я скажу, что вы тогда доставили изрядных хлопот! Как поживает ваш братец? Надеюсь, с тех пор на него никто не покушался?

— Только фрицы. Он потерял ногу у Монте-Кассино, а в остальном молодцом. Четверо детей, представляете?

— С трудом. Ну и летит время! Кажется, еще вчера вы сами были ребенком, сэр, и сводили меня с ума своими попытками помочь в раскрытии дела. Даже не верится!

— Похоже, такая у меня судьба — быть замешанным в убийствах, — сказал Тимоти. — Только на сей раз я — подозреваемый.

— Так и есть, — сурово подтвердил Хемингуэй. — Это вполне в вашем стиле, как мне подсказывает память. В деле Кейна у меня были связаны руки, потому что вы были малы, но теперь иное дело. Предупреждаю, если опять позволите себе шуточки, я поступлю с вами строго. Чем дольше смотрю на вас, тем больше убеждаюсь, что вы не изменились!

Этот обмен репликами, мучительный для инспектора Першора, позволил присутствующим облегченно перевести дух. У всех создалось впечатление, что, если молодой Харт дружен с человеком из Скотленд-Ярда, это благоприятно повлияет и на других, попавших заодно с ним в число подозреваемых. Однако следующие слова старшего инспектора снова испортили им настроение.

— Вы расскажете мне обо всем, что с вами произошло после нашей последней встречи, сэр, — произнес он. — Инспектор Першор записал адрес, и я буду знать, где вас искать, если возникнут вопросы. Не стану больше вас задерживать. По словам инспектора, вы дали необходимые показания, и он все записал.

Тимоти ответил признательной улыбкой:

— Легко вам было от меня избавиться, когда мне было четырнадцать лет, старший инспектор?

— Нелегко, сэр, но, повторяю, теперь все иначе. Избавляюсь от вас одним щелчком пальцев!

— А вот и нет! — возразил он. — Я — юридический консультант мисс Бертли.

При этом уверенном заявлении Бьюла вскинула голову, а миссис Хаддингтон пристально посмотрела на нее, а потом на Тимоти.

— Нет-нет! — возразила Бьюла. — Я не нуждаюсь... не хочу... Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали!

— Подобная лазейка в вашем стиле, сэр, — заметил Хемингуэй. — Что ж, оставайтесь. Вы мне не помешаете. Раз вы здесь, придется извлечь из этого пользу. Расскажите, кто тут кто, не будем заставлять инспектора ждать.

Инспектор Першор ухватился за это предложение охотнее, чем Харт.

— Если я вам больше не нужен, сэр...

— Да, благодарю вас, инспектор. Полагаю, мы скоро увидимся, — любезно отозвался Хемингуэй.

Першор удалился, и Тимоти представил Хемингуэю пятерых оставшихся. Старший инспектор присматривался к каждому, а доктору Уэструтеру сказал:

— Вы наверняка хотите уйти домой, доктор. Не стану вас задерживать. Инспектор Першор расспросил вас обо всем, и я знаю, где вас найти, если понадобится помощь. Вы находились рядом с доктором Йоксоллом при осмотре тела, и между вами не возникло разногласий?

— Они вряд ли могли бы возникнуть, — ответил доктор. — Смерть наступила в считанные мгновения.

— Именно так, сэр. Мистеру Паултону тоже не терпится попасть домой. Будет лучше, если я начну с него. Прошу вас, сэр!

Годфри Паултон, лениво покинув кресло, ответил низким, немного небрежным голосом «конечно, старший инспектор» и вышел следом за Хемингуэем из комнаты.

— Вы не возражаете побыть здесь, сэр? — промолвил Хемингуэй, открывая дверь будуара. — Кажется, это единственная комната без игральных карт и канапе с креветками.

— Не возражаю, поскольку полагаю... — Паултон сделал паузу, глядя на кресло рядом с телефоном.

— Что вы, что вы! — воскликнул Хемингуэй, поняв намек. — Вряд ли я вас сильно задержу. — Видя, что Паултон смотрит на Гранта, он представил его: — Инспектор Грант. Садитесь, сэр. Итак, вы вышли из библиотеки после мистера Сэттона-Кэрю. Это отмечено в записях инспектора Першора. Покойный являлся вашим другом?

Паултон пожал плечами:

— Я бы так не сказал. Я встречал его раз пять.

Прежде чем войти в гостиную, старший инспектор ознакомился с подробными записями Першора. На свою память он не жаловался.

— Он бывал у вас в доме, сэр?

— Да, — ответил Паултон, безразлично глядя на старшего инспектора из-под тяжелых век. — Моя жена принимает много гостей, а я человек очень занятой и не всегда присутствую на ее вечерах.

— Понимаю, сэр. Мистер Сэтон-Кэрю был скорее другом леди Нест, чем вашим?

— Правильнее называть его ее знакомым. Моя жена познакомилась с ним благодаря своей дружбе с миссис Хаддингтон.

— Вы находились с ним в хороших отношениях, сэр?

— Если вы спрашиваете, не были ли мы с ним в ссоре, то ответ — нет. Если вопрос о другом — нравился ли он мне, то ответ снова отрицательный.

— Забавно получается с этим Сэтоном-Кэрю, — заметил Хемингуэй. — Человек вроде пользовался популярностью, и пожалуйста — убит!

— Забавнее не придумаешь, — кивнул Паултон. — Но не будем путать популярность с полезностью. Неженатые мужчины, старший инспектор, пользуются высоким спросом среди устроительниц приемов.

— Естественно. Вряд ли вы окажете мне помощь. Не стану вас больше задерживать.

Инспектор Грант встал и открыл дверь.

— Благодарю, — сказал Паултон. — Жду не дождусь, когда наконец лягу. Впереди у меня трудный день. Доброй ночи!

Инспектор, затворив за ним дверь, взглянул на своего начальника.

— Вы не стали на него давить, сэр.

— Нет, не люблю терять время зря. Если предоставить Годфри Паултону выбор, кого пустить в свой дом — крысу с помойки или покойного Сэтона-Кэрю, то он, по-моему, выбрал бы крысу. Послушаем, что нам рас-

скажет леди Нест. Сейчас мне нужен Баттеруик. Приведите его, Сэнди.

— Думаете, у него было время совершить убийство?

— Как и у любого из них. Собственно, это редкое дело, в котором фактор времени нас не беспокоит, но и не помогает. Прошло от десяти до двадцати минут между вызовом Сэттона-Кэрю к телефону и моментом, когда сэр Родерик нашел его труп. Скажите, сколько времени потребовалось бы вам самому, чтобы преодолеть один лестничный пролет, закрутить на чьей-то шее проволоку и опять сбежать вниз?

— Было бы странно входить в комнату, где человек, как мне известно, разговаривает по телефону, — заметил инспектор.

— Намекаете, что Сэтон-Кэрю насторожился бы? Конечно, если у Сэттона-Кэрю были причины думать, что Паултон способен покуситься на его жизнь, то логично было бы найти следы борьбы. А если он так не думал? Представьте: Паултон просто входит и говорит «извините», словно хотел что-то принести?

— А что ему было сюда приносить?

— Когда Сэтон-Кэрю спохватился бы, его горло уже сжимала проволока. Я не утверждаю, что все именно так и произошло, но все равно вы зря издаете звуки, которые я расцениваю как неповиновение. Лучше приведите мне этого педика!

Сидни Баттеруик, через несколько минут явившийся в будуар, заметно дрожал, однако успел более-менее взять себя в руки. На его лице еще оставались следы сильных переживаний, но он уже мог улыбаться, пусть несколько нервно, и уверял Хемингуэя, что тот может рассчитывать на его сотрудничество.

— Я был предан Дэну! — заявил Баттеруик. — Любой вам это подтвердит. В определенном смысле он был

чудесным человеком. Он был медленным экстравертом, а я, конечно, быстрый экстраверт, но с кое-каким наложением — ну, вы меня понимаете... Наверное, меня можно назвать интуитивным экстравертом. Но лучше я сразу вам скажу, что признавал и принимал Дэна таким, каким он был. Соглашусь даже, что он был просто ловким грубияном, и я часто с ним ссорился, да еще как! Этим вечером Дэн сильно огорчил меня, и для меня невыносима мысль, что, видя его последний раз в жизни, я был страшно на него зол. Вернее, не столько зол, сколько обижен. Знаю-знаю, я все принимаю слишком близко к сердцу, такие, как я, всегда так делают. Вы читали Юнга?

Инспектор Грант перевел взгляд на старшего инспектора. У того было два увлечения: драма и еще одно, которому он отдавался к ужасу, радости и возмущению коллег, — психология. Хемингуэй благосклонно внимал потоку слов Баттеруика, но последнее высказывание исчерпало его терпение.

— Представьте, читал, как и Вендта, Мюнстербурга, Фрейда и Розанова, — с сарказмом ответил он. — Поэтому знаю, что вы не из аутистов. Пока не решил, антисоциальны вы или маниакально-депрессивны, но надеюсь скоро решить.

Эта неожиданная отповедь вывела Сидни из равновесия.

— Встретить полицейского, интересующегося психологией, — настоящее чудо! — захихикал он. — Думаю, я антисоциальный истерик. Нет, я не питаю иллюзий на свой счет. Не принимать самого себя было бы смертельно опасно. Например, я обожаю Микеланджело, но понимаю, что это, наверное, выражение желания сопереживания, так же как, допустим...

— Сядьте, сэр! — велел Хемингуэй.

Сидни повиновался, пригладил рукой свои светлые волнистые локоны, машинально поправил галстук.

— Задавайте мне любые вопросы! — воскликнул он. — Я отвечу на них абсолютно честно.

— Разумное решение, сэр, — кивнул старший инспектор. — Для начала расскажите о причине вашей вчерашней размолвки с мистером Сэтоном-Кэрю.

— Он меня обидел!

— Как ему это удалось?

— Мы не виделись три дня, он не отвечал на мои телефонные звонки. Дэн часто так поступал, когда бывал не в духе: дразнил меня, не желая обидеть. Однажды заявил, что я слишком серьезно отношусь к жизни, и был, наверное, прав, но...

— Вы решили, что надоели ему? — перебил его Хемингуэй.

— О... Вообще-то нет!

Старший инспектор заглянул в записи:

— Вы сказали ему: «Хотите сказать, я вам надоел?» Он ответил: «Представьте, именно так». Правильно, сэр?

Сидни покраснел до корней волос:

— Откуда вы знаете, что я говорил? Наверное, от этой маленькой стервы Хаддингтон?

— Почему вы так о ней говорите?

— Не сомневаюсь, Синтия Хаддингтон воображала, будто Дэн в нее влюблен, потому что он обращает на нее внимание. Но она ошибалась, ошибалась! Если Синтия навязала вам свои бредни про то, что я заревновал, то это смешно! Смешно, и все!

Трудно было представить нечто более далекое от смеха, чем звуки, издававшиеся Баттеруиком, и его вид; но Хемингуэй, отметив данное обстоятельство, не стал ничего уточнять. Он попросил Сидни рассказать, чем тот занимался с момента, когда встал из-за карточного сто-

ла, чтобы пойти выпить, до своего возвращения в гостиную.

— Разумеется, раз вам это интересно... — начал Сидни, пожимая плечами.

— О, боже, — пробормотал инспектор Грант.

— Рассказывать-то нечего, — продолжил Сидни. — Партия за моим столом закончилась, и я использовал эту возможность, чтобы спуститься в столовую. Я никого не видел, кроме дворецкого. Это вы хотели узнать?

— Никого не видели, сэр? Насколько мне известно, на лестнице у вас произошел разговор с миссис Хаддингтон.

— Ах, это! Я думал, вам важно, видел ли я Дэна или кого-то, кто мог его убить. Да, вроде бы я перекинулся парой словечек с миссис Хаддингтон, только не помню о чем. В любом случае, ничего важного не прозвучало.

— Находился еще кто-нибудь на лестничной площадке или на лестнице, когда вы вышли из гостиной, сэр?

— Кажется, никого.

— А что делала на площадке миссис Хаддингтон?

— Господи, откуда мне знать? Она поднималась на третий этаж, то есть как раз стала подниматься, когда я начал спускаться.

— Мисс Бертли спустилась вниз до того, как вы последовали за ней?

— Да. То есть, наверное, так. Я не помню, что видел ее. Полагаю, она там была, просто я не обратил на нее внимания. После убийства разные мелочи проходили мимо моего внимания.

— Вы слышали, как звонил телефон?

— Нет, но, наверное, и не мог услышать: у него приглушенный, еле слышный звонок.

— Откуда вы знаете?

Сидни, улыбаясь, задержал на нем взгляд:

— Я слышал его раньше: я в этом доме не впервые.

— Вечером вы не слышали звонка, не знали, что звонят Сэтону-Кэрю, не слышали разговор миссис Хаддингтон и мисс Бертли? Мне нужен от вас точный ответ, сэр, чтобы инспектор Грант мог все правильно записать и нам потом не пришлось вносить поправок.

Сидни покосился на невозмутимого инспектора, перевел взгляд на Хемингуэя, опять пригладил волосы.

— Нет, я не знаю, о чем они говорили. Хотя вы освежили мне память: припоминаю, что там находилась мисс Бертли. Если вы считаете, будто я знал, что она ходила за Дэном, чтобы сказать ему о звонке, и это я убил его таким жутким способом, то вы не просто ошибаетесь, а позволяете себе самые абсурдные догадки! Вам наверняка известно, что все это меня страшно опечалило — любой вам это подтвердит! У меня был шок, я чуть в обморок не грохнулся! — Баттеруик посмотрел на инспектора Гранта, сидевшего с блокнотом в одной руке и с карандашом в другой, и сердито затараторил: — И нечего предлагать мне подписать показания, я это не сделаю! Я сам не свой, откуда мне знать, как все было вечером?

— Вы же еще не дали показаний, не так ли, сэр? — заметил Хемингуэй. — Вы всего лишь ответили на несколько вопросов и кое в чем наврали. Не стану скрывать: я вам не верю.

— Вы не имеете права так говорить! — почти взвизгнул Сидни.

— Если вы так считаете, сэр, то вам остается только пожаловаться на меня в Управление, — произнес Хемингуэй. — Вам пришлось бы убедить их, что вы не нагородили дурацкой лжи. Вообще-то лучше бы вам убедить в том же самом и меня, избавив нас обоих от необходимости заниматься неприятными вещами. Пере-

станьте воображать, будто вас обвинят в убийстве, если вы сознаетесь, что знали, что Сэтон-Кэрю говорил из этой комнаты по телефону, — и все пойдет гораздо быстрее. Миссис Хаддингтон и мисс Бертли тоже об этом знали, но я не собираюсь арестовывать за это вас троих!

— Господи! — простонал Сидни и, к ужасу инспектора Гранта, уронил голову на ладони и разрыдался.

— Бедняга, — пробормотал тот.

— Вы лучше меня не злите! — предостерег младшего по званию старший инспектор. — Перестаньте, сэр, не надо так убиваться!

— Знаю, вы думаете, это я его убил! — всхлипнул Сидни. — Ну и думайте! Как будто мне это важно! Дэна больше нет! Ах, Дэн, Дэн, я не хотел!

От этой нелепой сцены инспектор заерзал на месте. Услышав совет Хемингуэя Баттеруику идти домой и лечь в кровать, он облегченно перевел дух. Осталось вывести плаксу за дверь, после чего он вернулся, вытирая взмокший лоб.

— Честное слово, сэр, вы меня порадовали, избавившись от него! Хотя не сказал бы, что Першор ошибся, предположив, что существуют основания подозревать именно его. Он из тех, кто, убив друга, способен выплывать все глаза!

— Не исключено, но, по-моему, все дело в выпитом. Не хватало только тратить зря время на расчувствовавшегося пьяного, не имея улики!

— Разве он напился? — возразил инспектор с гэльским упрямством. — У меня иное впечатление: Баттеруик пережил драму.

— Не одну, а добрых полдюжины. Следующая — миссис Хаддингтон.

Через пять минут в комнату спокойно вошла хозяйка дома. Выглядела она такой же уверенной и накраше-

на была не хуже, чем когда принимала в гостиной гостей несколько часов назад. Не хватало только перчаток и бриллиантов. Она поприветствовала Хемингуэя величественным наклоном головы и расположилась в кресле у камина.

— О чем вы хотите меня расспросить, старший инспектор?

— Первый вопрос, мадам: где вы находились сегодня вечером, когда зазвонил телефон? Далее я бы выслушал, что вам запомнилось из дальнейших событий, вплоть до того момента, когда сэр Родерик Уикерстоун нашел мистера Сэттона-Кэрю мертвым в этой комнате?

Ответ прозвучал без малейшего колебания:

— Когда зазвонил телефон, я находилась в передней гостиной и вышла на лестничную площадку, чтобы сказать принявшему звонок, что сейчас не могу разговаривать по телефону.

— Вы решили, что звонят вам?

— Да. Все моя забывчивость: я ведь знала, что Сэтон-Кэрю ждет звонка, он упомянул об этом за ужином. Мне это не понравилось. Телефонные переговоры в разгар бриджа затягивают игру и чрезвычайно всех раздражают. На звонок ответила мисс Бертли, и я велела ей позвать Сэттона-Кэрю из библиотеки, где он играл, туда, где он мог бы спокойно говорить, не мешая другим. Не могу сказать точно, когда Сэтон-Кэрю поднялся сюда, потому что сама к этому времени уже ушла к себе в спальню. Не могу также сказать, как долго я не возвращалась в гостиную. Вряд ли я отсутствовала дольше нескольких минут. Когда спустилась, на площадке и на лестнице никого не было, дверь в эту комнату была закрыта. Я предположила, что Сэтон-Кэрю все еще разговаривает, и вернулась в гостиную. Мое внимание при-

влек небольшой спор за одним из столов. Помню, я была очень недовольна своим секретарем, мисс Бертли, не сумевшей в мое отсутствие проследить, чтобы все шло гладко, как я просила. Ее даже не было в комнате, она вошла туда только через несколько минут после меня. Потом из библиотеки вернулся доктор Уэструтер, объяснивший, что все ждут возвращения Сэттона-Кэрю, и я попросила сэра Родерика спуститься сюда и... положить конец этой бесконечной телефонной болтовне.

— Вы высказали удивление, что мистер Сэтон-Кэрю никак не наговорится, не так ли, мадам?

— Я подумала, что за это время он успел бы сделать целых два звонка.

— Не могли бы вы прикинуть, сколько времени прошло между вашим уходом в свою комнату и приходом сюда сэра Родерика?

— Лучше я не стану гадать. Видите ли, я не особенно следила за временем. Возможно, минут десять — вряд ли меньше.

— Кто-нибудь, кроме вас и мисс Бертли, знал о звонке?

— Всем, кто здесь ужинал, было известно, что он ждал звонка. Думаю, в библиотеке все знали, что его позвали к телефону. Баттеруик тоже знал: он стоял прямо у меня за спиной, когда я велела мисс Бертли сходить за Сэттоном-Кэрю.

— Вы уверены, миссис Хаддингтон?

Она уставилась на него:

— Разумеется.

— Он точно слышал ваш разговор с мисс Бертли?

— Он же не глухой!

— Я говорю немного о другом. Вы не думаете, что он мог выйти на лестничную площадку уже после вашего разговора с мисс Бертли?

— Ни в коем случае! Говоря с мисс Бертли, я вдруг заметила, что у меня за спиной стоит молодой Баттеруик.

— Благодарю вас за четкий ответ. Продолжим. Насколько я понимаю, проволока на шее у Сэттона-Кэрю была взята из мотка, приобретенного вчера днем мисс Бертли и лежавшего на полочке в туалете?

— Так мне сообщили. Сама я проволоку не видела.

— Вы не заходили в туалет?

— Не успела. Мне известно о словах мисс Бертли, что она оставила лишнюю проволоку на полке. Если это правда, то напрасно она так сделала, полка в уборной — не место для хлама. К тому же, — добавила миссис Хаддингтон, — меня удивляет, что никто из моих гостей не заметил в туалете проволоку.

— У вас есть причины считать, мадам, что мисс Бертли не оставляла там проволоку?

Она пожала плечами:

— Лично я не стала бы так уж доверять словам мисс Бертли.

— Давно она у вас служит?

— Примерно пять месяцев.

— Она вас не слишком устраивает? Скажите, ее рекомендации были в порядке?

— Боюсь, в этом я вам не помогу. Я взяла мисс Бертли на работу по рекомендации Сэттона-Кэрю.

— Вот как, мадам? Мисс Бертли и мистер Сэтон-Кэрю были друзьями?

— Сэтон-Кэрю проявлял дружеский интерес к ее судьбе. Хотя это была скорее благотворительность, чем дружба. Мисс Бертли терпеть его не могла. Хотя вам лучше спросить ее саму. Я, пожалуй, ограничусь тем, что за время работы мисс Бертли у меня причин жаловаться на ее поведение не возникло. Полагаю, это все?

— Не совсем, мадам. Как долго продолжалось ваше знакомство с Сэтоном-Кэрю?

— Очень много лет. Сэтон-Кэрю был близким другом моего мужа, почти членом семьи. После смерти мужа двенадцать лет назад он стал давать мне деловые советы. Смерть Сэтона-Кэрю для меня страшное потрясение, я еще не до конца осознаю, что его больше нет. Мне больно об этом говорить.

— Понимаю, — сочувственно промолвил Хемингвэй. — Он у вас ужинал?

— Да.

— У вас не случилось с ним размолвки, мадам?

Мисс Хаддингтон поджала накрашенные губы.

— По-моему, вы наслушались болтовни слуг, старший инспектор. Действительно, у меня имелись веские основания для недовольства мистером Сэтоном-Кэрю. Верно и то, что после ужина, до прихода игроков на бридж, я резко отчитала его.

— Боюсь, мне придется осведомиться о причине этой ссоры, мадам.

— Ссоры не было. Сэтон-Кэрю никогда ни с кем не ссорился. Он ничего не принимал всерьез. Иногда он бывал легкомысленным, и это раздражало. Сэтон-Кэрю далеко не в первый раз вывел меня из себя.

— Что же послужило причиной вашего раздражения вчера?

— Как вы, наверное, уже знаете, я сказала, что не разрешу ему волочиться за моей дочерью! Моя дочь — девушка исключительной красоты, но она неопытна, и от его ухаживаний у нее в голове стали возникать причудливые мысли. Сэтон-Кэрю был очень привлекательным мужчиной, красавцем, и вы, полагаю, не хуже меня знаете, как лестно для девушки, когда мужчина его возраста начинает ухаживать за ней. Конечно, он не имел

никаких серьезных намерений, но от девушки девятнадцати лет глупо ждать, что она это поймет. Я сказала ему, что надо прекратить глупый флирт, иначе мне придется отказать ему от дома. Он попытался превратить все в шутку, и я разозлилась. Это все. Я могу быть вам полезна чем-либо еще?

— Позвольте только один вопрос, мадам. Мистер Баттеруик — частый гость в вашем доме?

— Сидни Баттеруик? Ну уж нет! Впервые я увидела его на приеме у миссис Четвинд. Он явился на бал, который я устроила для дочери в «Кларидже», а потом, на свою беду, пригласила Баттеруика месяц назад на музыкальный вечер в этом доме. Тогда он устроил нелепую и возмутительную сцену, вообразив, будто Сэтон-Кэрю уделяет кому-то больше внимания, чем ему, и я решила никогда больше его не приглашать. Я бы не изменила своего решения, но вчера один из гостей не пришел, и мне пришлось искать замену в последний момент.

— Не припомните, миссис Хаддингтон, в тот музыкальный вечер телефон не звонил?

Она приподняла брови.

— Господи, нет! Если бы звонок был, на него ответил бы мой дворецкий и сказал, что я занята. Сама я в любом случае не услышала бы звонка, потому что он тихий. Он звонит в холле и в комнате дворецкого, а принять звонок можно с любого аппарата по всему дому.

— Благодарю вас, мадам. Не стану больше вас задерживать, — произнес Хемингуэй.

Инспектор Грант затворил дверь за свисающими до пола бархатными занавесками и с тревогой в глазах повернулся к шефу:

— На мой взгляд, это плохая, очень плохая женщина! У нее в груди не сердце — камень!

— Наверное, — кивнул Хемингуэй.

— Чего она только не наговорила про девушку!

— Вы про мисс Бьюлу Бертли? Удивительно, как она вообще приняла эту девушку к себе на службу? Филантропов я представляю совсем другими, она на них ни капельки не похожа!

— Как же это получилось?

— Разберемся. Кроме Ужасного Тимоти, мисс Бьюла Бертли — единственная во всей компании, с кем я уже сталкивался. Это было полтора года назад, в лондонском суде. Ее посадили на девять месяцев за ограбление работодателя. Кажется, речь шла о подлоге, но дело вел не я, поэтому могу ошибаться. Приведите ее, и мы поговорим с ней.

Глава 9

Вернувшись в гостиную, миссис Хаддингтон застала молодого Харта по-прежнему сидящим у камина. Он развлекал мисс Бертли легкой беседой. Машинально улыбнувшись ему, миссис Хаддингтон обратилась к своему секретарю:

— Полагаю, теперь старший инспектор станет допрашивать вас, мисс Бертли. Вам лучше досидеть остаток ночи здесь, если не решите ехать домой на такси. За мой счет, конечно, но кто знает, который сейчас час и остались ли на улице такси.

— Не беспокойтесь, — произнес Тимоти, вставая. — Перед домом стоит моя машина, я отвезу мисс Бертли, когда закончится допрос.

— Не утруждайтесь! — сказала Бьюла.

— Что вы, дорогая мисс Бертли, для меня это удовольствие!

— Очень великодушно с вашей стороны, — заметила миссис Хаддингтон, слегка приподняв выщипанные брови. — Прошу меня извинить, я иду спать.

— Да, не засиживайтесь из-за меня! — взмолился Тимоти. — Вы, наверное, падаете с ног от усталости.

— Да, я устала, — призналась она. Увидев, что дверь открылась, миссис Хаддингтон добавила: — Полагаю, вы ждете моего секретаря.

— Именно так, мадам, — подтвердил инспектор Грант.

Бьюла порывисто встала:

— Я готова. Я... Вам лучше не ждать, Тимоти.

— Вы уже это говорили, — напомнил он. — Уверен, в беседе вам не помешало бы присутствие юридического консультанта.

— Нет-нет, не надо! Пожалуйста!

— Думаю, старший инспектор предпочел бы пообщаться с одной мисс Бертли, — вставил инспектор Грант.

— К предпочтениям старшего инспектора я равнодушен, — промолвил Тимоти.

— Я хочу пойти туда одна, Тимоти!

— Ладно. Ступайте с богом, дитя мое!

Войдя в будуар, Бьюла не удержалась и бросила взгляд на кресло рядом с телефонным столиком. Оно, конечно, уже пустовало, и от этого ей стало легче дышать. Хемингуэй, еще перед началом опросов пододвинувший себе один из столиков, которых в комнате было множество, встал и предложил Бьюле сесть напротив. Затем он официальным тоном попросил ее назвать свое полное имя.

Она в своей торопливой манере ответила:

— Бьюла Бертли. Вечером я уже называла себя полиции.

— Знаю, — кивнул Хемингуэй. — Но я попросил ваше полное имя. — Их взгляды встретились: Бьюла смотрела с вызовом, он — требовательно. — Имя Бьюла я

помню, но у вас есть, кажется, и другое имя, иностранное. И фамилия ваша была не Бертли.

— О чем вы говорите?

— У меня цепкая память на лица, ваше я бы ни за что не забыл.

— Это ошибка. Вы считаете, что знаете меня, а я вас никогда в жизни не видела.

— Нет, потому что я не имел отношения к вашему делу. Просто оказался в тот день в суде. Предлагаю поговорить серьезно. Не надо врать, ложь меня утомляет. Имя?

Сначала у нее был такой вид, будто она не намерена отвечать, но потом Бьюла угрюмо произнесла:

— Франческа Бьюла Бертли Мериден.

— Так и знал, что имя иностранное, — пробормотал Хемингуэй, записывая услышанное. — Вам тогда дали девять месяцев? Растрата?

— И подлог.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Родители?

— Умерли.

— Другие родственники?

— Есть дядя — хотя он предпочел бы, чтобы я о нем не вспоминала. Он не давал о себе знать с момента моего заключения. Наверное, уже забыл о моем существовании. Ему отлично удастся забывать о неприятностях. — Бьюла мрачно взглянула на него. — Какое это имеет отношение к происшедшему здесь? Наверное, вы думаете, что раз меня признали виновной в краже и подлоге, то на меня можно повесить и это убийство?

— Без улик нельзя. Хотя опытный полицейский сумел бы состряпать изобличающие вас улики, верно? Избавьте меня от этого лепета! Вы не представляете, сколько раз я все это слышал. Вы давно знали Сэттона-Кэрю?

— С тех пор как вышла из тюрьмы.

— Где вы познакомились?

Бьюла замялась.

— Выкладывайте! — сказал Хемингуэй. — Что ему от вас понадобилось? Он любил протягивать руку помощи оступившимся дурочкам? Или это было светское знакомство?

— Нет. Мне посоветовали обратиться к нему. Сказали, что Сэтон-Кэрю найдет мне работу.

— Кто сказал?

— Одна женщина.

— Случайно, не из службы занятости?

— Нет, сокамерница.

— Любопытно! — воскликнул Хемингуэй. — Только не трудитесь убеждать меня, будто не ходили в службу занятости и в полицейский участок, потому что это я и так знаю и хочу обсудить совсем другое. С чего та женщина взяла, что Сэтон-Кэрю найдет вам работу?

Она усмехнулась:

— Не знаю. То есть тогда не знала... Еще полгода назад за мной следили. Наверное, она думала, что Сэтон-Кэрю найдет мне применение. Так и получилось: он направил меня к миссис Хаддингтон. Это устроило всех: Сэтон-Кэрю получил ее признательность, она — секретаря, которая безропотно сносит все ее издевки, я — твердую заработную плату.

— Похоже на благотворительность, вам не кажется? Чем занимался Сэтон-Кэрю?

— Понятия не имею.

— Бросьте! — прикрикнул Хемингуэй. — Вы пару раз намекали, будто он был дурным человеком, то есть вы кое-что о нем знали. Перестаньте изображать Красную Шапочку, я не Серый Волк! Серый Волк пугал бы вас наказанием за то, что не явились в полицию после

условно-досрочного освобождения, а я, обратите внимание, об этом помалкиваю. Вы попали в переплет, и лучший выход — выложить все начистоту.

— Я думала, до угроз еще далеко! — усмехнулась Бьюла.

Хемингуэй вздохнул:

— Пока вы здесь единственная с судимостью. У вас нет алиби. Вы купили проволоку, которой Сэтон-Кэрю был потом задушен. Если из этих слагаемых у вас получается не та сумма, что у меня, то вы гораздо умнее, чем я предполагал! Хотя это мало о чем говорит, — добавил он язвительно.

Бьюла прищурилась и заговорила сквозь стиснутые зубы:

— Слушайте! Было время, когда Красная Шапочка считала полицейских своими ангелами-хранителями и думала, что надо всегда говорить им правду. Потом она поняла, что ошибалась, и решила больше не попадать в ловушку. Я не намерена ничего вам выбалтывать, старший инспектор! Одно вам скажу: Сэтону-Кэрю убила не я, хотя жалею, что сделать это не пришлось в голову мне самой. Сумеете повесить это на меня — удачи! Мне безразлично! Я знаю, в какой ад превращается жизнь отпущенного на свободу заключенного. Лучше умереть! Нисколько не сомневаюсь, что вы не станете скрывать мою биографию, а раз так, то лучше уж идите до конца. Арестуйте меня за убийство!

— Сами знаете, как я ограничен в действиях, — возразил Хемингуэй. — Нам, полицейским, приходится соблюдать осторожность. Раструбить о вашей судимости значило бы нарушить правила.

Бьюла бросила на него быстрый взгляд:

— Мне безразлично. Про Дэна Сэтона-Кэрю я ничего не знаю.

— Ладно. Перейдем к тому, что вы знаете. Что вы сделали с телефонной трубкой, приняв звонок?

— Положила на стол, конечно!

— Покажите мне, как все происходило. Только без фантазий!

Она хмуро посмотрела на него, словно подозревая ловушку, затем встала, подошла к столику, левой рукой сняла трубку с рычагов и положила рядом с телефоном.

— Здесь, а не ближе к краю?

— Не уверена, но, кажется, я оставила ее вот так.

— Спасибо, можете положить обратно. Кто находился на лестничной площадке перед гостиной, когда вы приняли звонок для Сэттона-Кэрю?

— Моя хозяйка.

— Больше никого?

Бьюла наморщила лоб:

— Сначала — никого. Потом вышел мистер Баттеруик.

— Он успел услышать ваш разговор с миссис Хаддингтон?

— Не обратила внимания.

— Вы увидели его опять, когда Сэтон-Кэрю уже был в этой комнате?

— Я заметила мистера Баттеруика в столовой, но не говорила с ним.

— Как бы вы оценили его состояние? Нормальное, огорченное?

— Никак не оценила бы.

— Как вы нам помогаете! — вздохнув, произнес Хемингуэй.

— У меня нет желания помогать полиции.

— Лучше уйдите, пока я не потерял терпение! — посоветовал он.

— Это все? — недоверчиво пробормотала она. — Раз-ве вы не спросите, как я поступила с оставшимся мотком проволоки?

— Вы положили его на полку в уборной, где его никто не заметил, даже миссис Хаддингтон.

— А ведь она лежала на виду, так что любой признался бы, что видел ее! Если миссис Хаддингтон не заметила мотка, значит, это единственное во всем доме, ускользнувшее от ее внимания. Когда кто-то из нерадивых слуг повесил в туалете не то полотенце, она была тут как тут!

— Рачительная хозяйка?

— Еще бы! Из тех, кто водит по мебели пальцем, проверяя, не осталось ли пыли, — усмехнулась Бьюла. — Что-нибудь еще?

— Нет. Отправляйтесь домой, мисс Бертли, и все хорошенько обдумайте. Тогда при следующей встрече мы лучше поладим.

Инспектор Грант тихо встал и открыл дверь. Бьюла неуверенно посмотрела на него, на Хемингуэя, а потом быстро вышла. Инспектор аккуратно затворил дверь. Шеф, глядя на него, сказал:

— Ну, выкладывайте! Вижу, как вас распирает.

— Упорная свидетельница! — воскликнул инспектор.

— Если это все...

Грант робко улыбнулся:

— Я не увидел ничего такого, чего не увидели бы вы сами. Вы не поблагодарите меня за напоминание о показании миссис Хаддингтон, что она не заходила в туалет, как и за мнение, что эта девочка не могла бы убить человека?

— Могла бы, не сомневайтесь. Но где мотив? Изучите ее дело, Сэнди.

— Обязательно. Как интересно! Ни у кого нет мотива.

— У кого-то он был. Беда в том, что мы ни о ком из них ничего не знаем, не считая девушки. Все, что у нас есть, — компания изысканных людей, вращающихся в лучших кругах. С такими надо обращаться аккуратно. Полиции известен только один из них. — Он задумчиво почесал подбородок. — Так и вижу, как какой-нибудь Годфри Паултон подает заместителю комиссара полиции жалобу на невежливое обращение. А какие у всех манеры! Друг о друге ни словечка. Мог ли я подумать, что обрадуюсь, опять столкнувшись при расследовании с Ужасным Тимоти? Это еще раз доказывает то, что я говорил.

— Вы про мистера Харта?

— Да.

— Вряд ли он способен кого-либо задушить.

— Убежден, что неспособен — вернее, был бы уверен до войны, но теперь-то этому бывшему десантнику сам черт не брат. Их учили таким штукам, что волосы дыбом! Но все равно Ужасный Тимоти, по моему скромному суждению, вовсе не первый подозреваемый и даже не последний. Поэтому, Сэнди, я намерен позвонить ему в контору и вытянуть из него информацию обо всех этих людях. В четырнадцать лет он сгорал от желания помочь мне. Наконец-то подвернулся случай принести пользу! — Встав, Хемингуэй добавил: — А то, что сказали бы его мать с отцом, узнав, на какую штучку он положил глаз, никого не касается! — Он захлопнул и убрал в карман блокнот. — Но сначала выясним, что там с отпечатками пальцев. Это мало что даст, но надо действовать по инструкции. Затем побываем в квартире Сэттона-Кэрю и посмотрим, какой улов ждет нас там. С вытаскиванием из постели горничной и ее допро-

сом на предмет ошибки с полотенцем можно повременить.

— Как быть с миссис Хаддингтон, старший инспектор?

— Хотя я и не специалист по змеям, но эта занятный экземпляр! Она мне не понравилась, ее рассказ тоже. Как и то, что еще может открыться. Идем!

Из всего, что показали старшему инспектору специалисту по отпечаткам пальцев, его заинтересовало лишь одно. Как он и предполагал, снять отпечатки с проволоки на шее у Сэттона-Кэрю не удалось. Среди отпечатков на различных предметах в комнате не нашлось таких, каких там не должно было быть. На телефонной трубке — несколько смазанных следов, очень четкие от пальцев мисс Бертли — и ни одного от пальцев убитого.

— Вот это очень важно! — заявил Хемингуэй. — Только не спрашивайте почему: пока сам не знаю. Но чутье подсказывает. Именно оно и сделало меня старшим инспектором, кто бы что ни говорил.

— Это означает, — произнес инспектор Грант, — что Сэтон-Кэрю не прикасался к трубке.

— Много времени у вас ушло на данное умозаключение? — усмехнулся Хемингуэй.

Инспектор как ни в чем не бывало продолжил:

— Из этого следует, что трубку сбросили со стола в борьбе или ее кто-то поднял и бросил. Для чего?

— Борьбу можно исключить: ее не было. Если бы трубка свисала до пола из-за этого, то перевернули бы сам столик, чего не произошло. Нет, похоже, кто-то специально убрал ее со стола и оставил висеть. — Хемингуэй отложил фотографию, которую перед этим разглядывал. — Зачем? Сэтон-Кэрю был крупным мужчиной. Покушавшийся должен был постараться застать его в удобном положении. Предположим, в разгар партии в бридж вас зовут к телефону. Как бы вы поступили?

— Я не играю в бридж.

— Ну, в хоккей, или как там еще называется ваша противоестественная игра? Вы бы схватили трубку стоя! И смотрели бы совсем не туда, куда нужно было вас повернуть преступнику. А теперь представьте, что трубка свисает вниз, как оно и было. Как вам удобнее ее взять? Сев в кресло, разумеется! И подставив шею невысокому убийце. Только не говорите, что все подозреваемые, не считая Ужасного Тимоти, были ниже Сэтона-Кэрю! Сам знаю! Я говорил, что ничего хорошего из этого не получится. Который сейчас час? Семь? После ночи кутежа самое время позавтракать. Потом мы наведаемся на Джермин-стрит и потревожим слугу мистера Сэтона-Кэрю.

Перед отъездом инспектору пришлось сообщить недовольному шефу, что звонок из Донкастера был произведен из телефонной будки.

— Это совершенно не то, что мне хотелось бы услышать в утренний час, — пробурчал Хемингуэй, наливая себе еще одну чашку очень крепкого чая. — Не сказать, что я удивлен. Единственное, что удивило бы меня в данном деле, — появление настоящей ниточки к его разгадке!

— Пока рано, — успокоил инспектор.

— Густой туман я узнаю в любое время, — огрызнулся Хемингуэй. — А я еще сказал Бобу, что рад, что на сей раз буду иметь дело не с поляком, балующимся ножом! Надоели, мол, легко раскрываемые дела...

— Верно, — кивнул Грант. — Хорошо помню ваши тогдашние слова: мотивов столько, что за деревьями не видно леса, да еще сразу трое подозреваемых со списком судимостей, как отсюда до Шотландии.

— Вот что я вам скажу: как только ко мне приставляют помощника, он сразу начинает вспоминать мои ре-

чи, которые ему лучше бы забыть. Однажды, еще до войны, у меня был молодой помощник с такой же привычкой. Знаете, что с ним стало? Ему пришлось уволиться из полиции!

— Если вы про Уэйка, то я знаю, что он уволился, потому что женился на вдовушке с процветающим бизнесом. Теперь у них не то трое, не то четверо ребятишек.

— Пусть это послужит вам уроком! Хватит меня раздражать. Едем на Джермин-стрит!

К этому времени уже началась продажа утренних газет. Пока полицейская машина стояла в уличном заторе, на глаза старшему инспектору попался заголовок в газете, выставленной в киоске. Одна из самых популярных газет завлекала набранным крупным шрифтом заголовком: «УБИЙСТВО ЗА БРИДЖЕМ!» Инспектор Грант поспешно вылез из салона, купил газету и успел запрыгнуть обратно, прежде чем машина тронулась с места.

— Это ушло в набор не позднее двух часов ночи, а то и раньше. Ну и времена! — проворчал Хемингуэй.

Ознакомившись со скудными сведениями, Грант изрек:

— Подозреваю, это дворецкий.

— Вечно дворецкие подрабатывают на стороне. Интересно, сколько ему заплатили?

— Не знаю, — ответил Грант. — Но сдастся мне, он бы на это не пошел, если бы остался на службе у прежнего хозяина. Англичане у меня, конечно, под большим сомнением, но лорд Минстерли был прирожденным джентльменом и пользовался у слуг большим уважением. Не то что миссис Хаддингтон у своих. В комнате дворецкого стоит телефон. Можете быть спокойны, он сообщил о случившемся еще до нашего приезда.

— Не знаю, с чего вы взяли, что это меня успокоит,

ну да ладно. Одно ясно: не успеем мы и глазом моргнуть, как нас начнут изводить криминальные репортеры.

Квартира Сэтона-Кэрю располагалась на четвертом этаже многоквартирного дома. Полицейские поднялись туда на лифте. Дверь им открыл гибкий слуга, не напуганный их появлением, но все-таки нервничавший. По его словам, ему уже сообщили о смерти хозяина. Он поспешно пригласил посетителей в гостиную.

Квартира была невелика: две спальни, столовая, гостиная и так называемые нежилые помещения. Обстановка была дорогой, но невыразительной, в глаза бросались разве что зеркальные панели в спальне и маленький уютный холл. Неплохи были также многочисленные глубокие кресла, накрытые воловьими шкурами и заваленные бархатными подушечками, зеркальный обеденный стол, застекленный шкаф, набитый книгами в дорогих переплетах телячьей кожи, купленными, судя по нетронутому виду, «для мебели». Запоминались огромная радиолы и несколько картин в экзотическом вкусе. Скорее об отсутствии вкуса свидетельствовали стандартная бронзовая лампа в виде обнаженной женщины, алебастровая пепельница, водруженная на серебряный аэроплан, бар с подсветкой и с внушительной батареей бутылок и набором бокалов всех калибров, все до одного с гравировкой на эротические сюжеты.

— В таких декорациях в голове возникают странные мысли, — пробормотал Хемингуэй.

Беглый осмотр квартиры не дал подсказок о профессии Сэтона-Кэрю: все здесь было безлико. Персональная бухгалтерия из верхнего ящика письменного стола ничего не сообщила об источниках очевидного богатства хозяина. Его вложения были немногочисленными и банальными, расходы он почти не учитывал, пренебрежительно обзывая «мелочью».

— Тут ничем не разживешься, — заключил Хемингуэй с циничной усмешкой. — Наверное, он обманывал налоговое ведомство — тоже мне, новость! Это место ничего нам не расскажет, Сэнди.

Инспектор, оскорбленно разглядывавший картины на стенах спальни Сэттона-Кэрю и явно впечатленный его ванной, сурово возразил, что он, наоборот, немало здесь почерпнул.

— Предрассудки! — отмахнулся Хемингуэй. — Ваша беда в узости взгляда. Замечали, что у всех гомосексуалистов одинаковые слуги? Их можно раскусить с первого взгляда. Очень рассчитываю на успех сердечной беседы!

Но вскоре выяснилось, что хозяин не откровенничал с Фрэнсисом Кейстером. Тот, взволнованно приглаживая свои густые кудрявые волосы, рассказал, что служит у Сэттона-Кэрю полтора года и не может пожаловаться на условия, поскольку хозяин, будучи джентльменом, часто обедал и ужинал вне дома. Занимался ли его хозяин бизнесом, слуга не знал. Он скорее назвал бы его праздным джентльменом. О гостях Сэттона-Кэрю он не мог сказать ничего определенного, разве что их бывало немного. Правда, припомнил Баттеруика и с воспитанным покашливанием заметил, что тот все принимал близко к сердцу и порой закатывал истерики, особенно если заставлял у Сэттона-Кэрю другого молодого джентльмена и даже леди.

— Мистер Сэтон-Кэрю часто принимал дам? — осведомился Хемингуэй.

— Дамами их называть не приходится, — стыдливо ответил Кейстер. — Зато, — добавил он, явно гордясь хозяином, — его принимали во многих хороших домах.

— У него имелись родственники?

Никаких родственников Кейстер никогда не видел, имени адвоката Сэттона-Кэрю назвать старшему ин-

спектору не смог. Обыск стола в гостиной почти не дал результата: у Сэтона-Кэрю была, похоже, привычка уничтожать свою корреспонденцию, адресной книги у него тоже не оказалось. Зато из чековой книжки Хемингуэй переписал название и адрес банка.

Отправив инспектора Гранта к управляющему филиала, которым пользовался Сэтон-Кэрю, Хемингуэй позвонил в контору доктора Джонсона, Тимоти Харту. Тот не был занят в это утро в суде и сказал, что с радостью примет старого знакомого, однако оговорился, что делит небольшой кабинет с другим многообещающим адвокатом и предпочел бы встречу у себя дома, в «Пейпер билдинг». Туда старший инспектор и направился.

В жилище Тимоти его впустил мужчина средних лет, типичный ветеран войны. Он пригласил гостя в удобную комнату с окнами в сад, с запахом табака и кожи, всю в книжных полках. Полки были уставлены устрашающими томами судебных решений и прочей юридической литературой, частью приобретенной из вторых-третьих рук и довольно ветхой. Почти весь пол был покрыт старым персидским ковром, у окна высился широкий двухтумбовый стол. За этим столом сидел в черном пиджаке и полосатых брюках, как того требовала его профессия, сам молодой Харт, куривший трубку и рассматривавший бумаги в дешевой папке. При появлении Хемингуэя он отложил бумаги и встал:

— Входите, старший инспектор! Добро пожаловать в мое скромное жилище! Сбросьте с кресла все лишнее и садитесь! Не обращайтесь внимания на беспорядок: так мне больше нравится.

— Должен сказать, сэр, что мне это тоже нравится больше, чем последние апартаменты джентльмена, в которых я побывал, — произнес Хемингуэй, пожимая ему руку.

— Чьи это апартаменты, позвольте узнать?

— Сэтона-Кэрю.

— Надо же! — удивился Тимоти. — Я предполагал, что он устроился со вкусом.

— Так и есть. — Прежде чем сесть, Хемингуэй убрал с сиденья глубокого кресла «Таймс», роман в бумажной обложке, коробок спичек, две пачки бумаг, перехваченные красной резинкой, и черного кота. — Инспектору Гранту там не понравилось. Что поделать, он шотландец! Лично я гляжу на вещи либеральнее. Нет, благодарю вас, сэр, я, если не возражаете, закурю свою трубку. Захотелось, знаете ли, поболтать с вами о былых временах.

— Ваше право. Выкладывайте, с чем пожаловали? Кто я — главный подозреваемый или справочное бюро?

— Вы всегда были хитрее целой стаи обезьян, сэр, не так ли? Как бы это рано или поздно не навлекло на вас неприятности. Мне действительно нужна кое-какая информация. А еще любопытно, чему вы посвятили время после нашей с вами последней встречи.

— Школе, войне, Кембриджу, адвокатской практике, — лаконично ответил Тимоти.

— Рад, что вы закончили войну живым и невредимым. Где воевали?

— Проще перечислить, где я не воевал.

— Звучит впечатляюще! Не рассказывайте, что не служили в отряде коммандос — все равно не поверю!

— С этим покончено! — со смехом заверил Тимоти.

— Но все равно, если бы из спины Сэтона-Кэрю торчал устрашающего вида нож, я бы не задумываясь арестовал вас.

— Значит, я вас перехитрил? Пиво, виски?

— Стакан пива, спасибо, сэр. А теперь шутки в сторону. При желании вы могли бы оказать мне помощь

в расследовании. Честно признаюсь, я в растерянности. Крайне непривычная обстановка. Мне бы взглянуть вашими глазами, так сказать, на действующих лиц. Ваше здоровье, сэр!

Тимоти поднял бокал, после чего устроился в кресле по другую сторону от камина.

— Не обещаю, что отвечу. Что именно вы хотите узнать?

— Что за человек был этот Сэтон-Кэрю, чем зарабатывал на жизнь?

— Хотел бы я сам это знать! — воскликнул Тимоти. — Сколько раз я задавался тем же вопросом. Думал, люди этой породы давно перевелись. Ума не приложу, как в наши нелегкие времена можно жить праздным джентльменом, без видимых средств к существованию. Обитать в привилегированном месте, хорошо одеваться, разъезжать в мощном автомобиле, посещать скачки, премьеры опер и балетов, быть принятым в аристократических домах! Женщины чаще всего были от него без ума, мужчин он обычно раздражал. К ним, — оговорился Тимоти, — мы не станем причислять тех, кого вежливости ради назовем «мальчиками». О мертвых либо хорошо, либо ничего. Мелхиседек!

Запрыгнувший ему на колени кот выгнул спину под ласкающей ладонью, дважды развернулся и, громко урча, уселся на свой хвост.

— Вы назвали бы его джентльменом, сэр?

— Скорее невежей высокого класса. Знаю, что вы имеете в виду, и ответ утвердительный. Неизвестно, какая альма-матер имела честь его взрастить, но если Сэтон-Кэрю не обладал редчайшей способностью все схватывать с пол-оборота, то это было одно из достойных учебных заведений. Ни разу не слышал, чтобы он упомянул каких-нибудь родственников, и сам никог-

да не встречал других носителей его фамилии. Казалось бы, человек с такой громкой двойной фамилией должен иметь по всей стране уйму кузенов! Так нет же! Но будем к нему справедливы, в этой фамилии не было военной приставки. Мне всегда недоставало в нем именно ее. Что еще вам рассказать? Или я уже достаточно наклеветал?

— По-моему, вы его недолюбливали, — заметил Хемингуэй, подмигнув.

— Полагаю, человек вашего ремесла должен обладать развитым инстинктом, — промолвил Тимоти. — Верно, недолюбливал. Вообще говоря, я симпатизирую его убийце, хотя не скажу, что одобряю удушение людей, пришедших поиграть в бридж. Это как-то нарушает гладкое течение мирного вечера.

— Если не возражаете, сэр, я назову вас хладнокровным молодым дьяволом! — заявил Хемингуэй. — Если возражаете, то я, конечно, возьму свои слова обратно, но в голове у меня они останутся. Следующий мой вопрос — деликатный. Кто такая миссис Хаддингтон?

— Здесь мне, как и вам, старший инспектор, остается лишь гадать. Вдова со средствами, пролезшая в свет полтора года назад. По словам моей матери, раньше свет о ней ничего не знал. Утверждает, будто долго жила за границей. Очевидная причина ее проникновения в свет — красавица дочь. Как у нее это вышло, одному богу известно. Ее не назовешь привлекательной особой, правда?

— Может, ей помогли деньги?

— В немалой степени. Но деньги не сделали бы миссис Хаддингтон вхожей в те дома, где я ее видел. Говорят, ее поддержала леди Нест Паултон. Они вроде близкие подруги — вот вам еще один повод для удивления. Не сказать, чтобы леди Нест была такой уж разборчи-

вой, но обычно она покровительствует знаменитостям или очень забавным персонажам, а вовсе не сомнительным и тусклым вдовам с красивыми дочерьми. Деньги ее не заинтересовали бы — у мужа их куры не клюют. Желания поддерживать дебютанток она тоже не проявляет. Но весной представила Синтию Хаддингтон в свете и устроила для нее бал.

— Расскажите мне побольше об этих Паултонах, сэр. Начнем с леди Нест. Не та ли это леди Нест Эл-лербэк, чьи девичьи фотографии красовались во всех газетах?

— Она самая, дочь Грейстоука. В двадцатых годах она вела бурную жизнь. Эдакая Невинная Венера! Неплохо сохранилась, хотя возрастом годится мне в матери. Неугомонная, настоящая афинянка — постоянно в поисках новизны. Паултон — крупный бизнесмен. Его я почти не знаю. С виду спокойный, невзрачный. На приемах своей жены бывает редко. Не хочу сказать ничего дурного, просто деловой человек, постоянно летает в Штаты, на континент, еще куда-то.

— Сэтон-Кэрю был другом леди Нест?

— Да, ну и что с того? На приемах он был нарасхват, хозяйки в нем души не чаяли.

— Вы не преувеличиваете, сэр?

— Нет! Если вам кто-нибудь скажет, что она называла его «дорогой Дэн» или «милый Дэн», не обращайтесь внимания: меня она называет «Тимоти, мой барашек», и в этом нет ни малейшей провокации. Такая у нее манера. Что-нибудь еще?

— А доктор Уэструтер? — произнес Хемингуэй.

— Столп Харли-стрит. Из тех докторов, которые называют пациенток «миледи» и прописывают им прием бокала шампанского и бутерброда с икрой ежедневно в одиннадцать утра.

— Откуда вам известно? — удивился Хемингуэй. — Только не говорите, что от леди Харт, потому что ее я отлично помню, и если она зачастила к модным докторам, то все, что я могу сказать по этому поводу, — за тринадцать лет она сильно изменилась.

— Она совершенно ни при чем! Источник иной — из старой гвардии, и не с приема миссис Хаддингтон! Можете представить Уэструтера в роли главного подозреваемого? Сногшибательная версия!

— Нет, не могу, хотя, согласно показаниям, он отправился в гостиную из библиотеки, чтобы объяснить задержку в игре.

— И по пути задержался, чтобы задушить Сэттона-Кэрю? Зачем?

— Он говорит, что прежде ни разу с ним не встречался.

— Какая стремительность! Управиться за долю секунды! А как насчет сэра Родди? Это ведь он обнаружил тело. Вот вам и ниточка!

— Когда вы путались у меня под ногами в деле Кейна, сэр, — резко произнес Хемингуэй, — вы, может, и сводили меня с ума, но тогда, по крайней мере, относились к происходящему серьезно, а не как к фарсу! Я не говорю, что от вас не было проку, потому что он был, но вижу, что мне пора уходить!

— Не надо! — взмолился Тимоти, насмешливо вытаращив голубые глаза. — Вы из-за звонка в дверь? Нет, сидите! Я велел Кемпси говорить, что меня нет. Все равно в это время могут навевываться одни коммивояжеры. А вообще-то я нарасхват!

Но он ошибся. Раздались неуверенные шаги, и в комнату вошел, прихрамывая, Джеймс Кейн.

— Здравствуй, Джим! — воскликнул Тимоти, поднимаясь с кресла, к неудовольствию кота Мелхиседе-

ка. — Какое блестящее общество! Перед тобой твой старый друг сержант Хемингуэй, рядящийся ныне в личину старшего инспектора.

— Ты был на этом приеме? — вскричал Джеймс Кейн, швыряя на стол ту самую газету, что утром привлекла внимание старшего инспектора. — Какой же ты негодник, Тимоти! Ты сам достоин удушения! Ради бога, Хемингуэй, запирайте его в камеру на Кэнон-роу и не выпускайте! Как поживаете? Не скажу, учитывая обстоятельства, что рад встрече с вами здесь, но все равно приятно видеть, что вы не постарели даже на день! Значит, мой чертов брат оказался одним из подозреваемых?

— Увы, сэр, вынужден признать, что так оно и есть, — ответил Хемингуэй, пожимая ему руку.

Глава 10

— Не станешь же ты утверждать, что все это уже попало в газеты? — недоверчиво промолвил Тимоти.

— Многое, — подтвердил Джеймс Кейн. — Ты не упомянул, но держу пари, мама догадается, что ты там находился.

Тимоти, взявший газету и с интересом читавший роковой абзац, усмехнулся:

— Мама не читает такого мусора! Если бы не твой предосудительный литературный вкус...

— Большое спасибо! Между прочим, это любимая газетенка нашей Нэнни! Умеет же она меня огорчить! «Смотрите, папочка, разве это не друзья дяди Тимоти? Я подумала, вам будет любопытно узнать, что про них написано». Еще как любопытно! Выкладывай худшее! И — кто такой Сэтон-Кэрю? Ты действительно во всем этом замешан?

— А как же! У меня нет алиби, этот тип мне не нравился, а тут еще серж... я хотел сказать, старший инспектор обзывает меня хладнокровным дьяволом! Так что перестань воображать, будто единственный в семье, кого можно заподозрить в жестоком убийстве, — ты! До чего мы докатились! Если что-то не позволяет нашему старому другу арестовать меня здесь и сейчас, то лишь непреложный факт, что проволокой для вешания картин я пользуюсь несравненно хуже, чем ножом. Кстати, это чудесное оружие наверняка найдется где-нибудь неподалеку. — Он огляделся. — Не скажу, что всегда держу его под рукой, но...

— Уверен, что не прямо под рукой, сэр, — заметил Хемингуэй и повернулся к Джеймсу Кейну: — С радостью остался бы и поболтал с вами, сэр, но не могу. К тому же вы пришли поговорить с мистером Хартом, так что я ухожу. Он не очень изменился: постоянно вспоминаю сигнализацию, которую он тогда установил перед вашей дверью!

— Негодный молокосос! — воскликнул Кейн, улыбаясь.

Тимоти проводил старшего инспектора до двери. Вернувшись, он застал единоутробного брата за набиванием трубки.

— Какими судьбами в Лондоне, Джим? — осведомился он.

— По делам. А теперь еще и это! — Кейн указал на газету. — Ты действительно в этом замешан, Тимоти?

— Вряд ли. Хотя я там находился.

Кейн с кряхтением чиркнул спичкой.

— Я полагал, что в нашей семье уже достаточно убийц.

— Нельзя с тобой не согласиться. Но этот не обязательно наш, семейный.

Приминая большим пальцем тлеющий табак в трубке, Кейн хитро покосился на младшего брата:

— У тебя к этому не просто праздный интерес, правда?

— Да, — смело ответил Тимоти. — Совсем не праздный. Девушка, на которой я намерен жениться, принадлежит, как и я, к числу тех, кто мог совершить преступление.

Джеймс Кейн продолжил возиться с трубкой. Наконец из нее показался дымок.

— Значит, все серьезно? Я слышал кое-что от матери.

— Это она подсказала тебе, что твой долг меня образумить? — Тимоти открыл еще одну бутылку пива. — Боюсь, Бьюла ей не приглянулась.

Джеймс взял у него полный стакан и поставил перед собой на каминную полку.

— Нет. Но не воображай, будто я готов безропотно проглотить все, что слышу от матери, ведь я знаю ее гораздо лучше, чем ты. Тем не менее ответ, ты уверен, что сам не совершаешь ошибку, старина?

После этих простых слов продолжать разговор было трудно, но Джейм все-таки постарался:

— Извини за глупый вопрос. Просто хотелось тебя предостеречь: не совершай поступки, о которых будешь жалеть всю жизнь!

— Ладно, не буду.

Кейн выпил пиво и предложил:

— Давай начистоту, Тимоти: только не мезальянс! Видит бог, я далек от вмешательства в твои дела, но, даже допуская, что мама сильно преувеличивает, вынужден признать, что этот брак не для тебя! Не боюсь показаться невежливым, главное, чтобы ты хорошенько подумал и не торопился. На кону не только твое будущее: не забывай о матери, да и об отце тоже!

— Вряд ли отец будет сильно обеспокоен, — заметил Тимоти. — Ему безразлично. Собственно, я всегда считал, что ты ему гораздо интереснее, чем я. Да, мама разочарована. Сначала ты женишься на компаньонке своей двоюродной бабки, потом я — на секретаре миссис Хаддингтон...

— При чем тут это? — возмутился Кейн. — Ну и что, что Пэт была компаньонкой тети Эмили? Она из хорошей семьи, у нее полно родни, и все, если хочешь знать, — люди достойного происхождения!

— Вот здесь я тебя переигрываю!

— Послушай, Тимоти...

— Нет, это ты послушай, Джим! Я очень люблю тебя, твою благородную супругу, ваших несносных отпрысков и то люблю! Ты — парень что надо, и я оплакиваю твою утраченную ногу, но...

— Иди к черту! — прорычал Джим.

— Буквально с языка снял, братец! Еще пива?

— Проваливай!

Тимоти наполнил стаканы.

— Неужели ты принимаешь меня за болвана, которого ничего не стоит переубедить, Джим? Я серьезно спрашиваю.

— Ты далеко не болван. Ты и раньше был крепким орешком, а теперь тем более.

— Да, я держусь. Но учти, если мама внушила тебе, что я влюбился в гибрид кинозвезды и авантюристки, то это неправда! Мне никак не удастся добиться от суженой окончательного согласия. Да, я восхищен ее внешностью, но отдаю себе отчет, что на любом конкурсе красоты у нее не было бы никаких шансов.

— Вот оно что... — уныло протянул Джим. Он опустился в кресло и потянулся к Мелхиседеку, чтобы почесать его за ухом.

— Не сомневался, что ты поймешь. Ты сам отдал должное красоткам, пока не увлекся Пэт, которая по части внешности не выдержала бы сравнения ни с одной из них. Что ж, если тебе надоело изображать старшего брата, то можем продолжить. Если нет, лучше поговорим о погоде.

— Согласен, — буркнул Джим. — Продолжим.

— Рассказывать, собственно, почти нечего, — промолвил Тимоти. — В одном могу тебя успокоить. У нее плохие манеры, но она, несомненно, леди. Нет, черт, даже не так: женщина с хорошим образованием и воспитанием. О ее происхождении мне известно немного: мать — итальянка, отец — английский художник. Никогда о нем не слышал, он определенно оставил дочь без наследства, из чего заключаю, что художником он был неважным и бедным. Но при жизни обеспечивал жене и дочери более-менее достойную жизнь, что свидетельствует о кое-каких средствах — возможно, семейных, переставших поступать после его смерти. Когда умерла мать, Бьюла поселилась у дяди и тети по отцовской линии. По какой-то таинственной причине она с ними порвала и с тех пор зарабатывает на жизнь самостоятельно.

— Бьюла не объяснила тебе этот разрыв?

— Нет. — Тимоти пнул ногой дрова в камине и уставился на взметнувшееся вверх пламя. Потом он снова перевел взгляд на брата. — Я с тобой предельно откровенен, Джим.

— Отлично. Продолжай.

— Я бы предпочел замолчать, но представляю, чего тебе наговорила мать, поэтому лучше открыть истинную картину. В какой-то момент Бьюла перенесла потрясение. Не знаю, что это было, но с тех пор она замкнулась в себе. Она ужасно боится чего-то и прячет свой страх

под внешней воинственностью. Похоже, маме от нее досталось. Она сказала тебе, что Бьюла — авантюристка?

— Не помню, что именно она сказала...

— Мы оба знаем маму! Если Бьюла покушается на мои деньги и будущий титул, то она добивается своих целей противоестественными способами! Отлично знает, что стоит ей дать согласие — и я уже завтра на ней женюсь. Однако Бьюла постоянно отвечает мне отказом.

— Почему?

Тимоти пожал плечами:

— Новый подход к авантюризму?

— Нет, она не авантюристка. Я ее такой и не считал: для авантюристки ты не такая уж лакомая добыча. Но вот что я думаю, Тимоти, хотя знаю, это тебе не понравится: похоже, Бьюла не та девушка, которую любящие близкие хотели бы видеть твоей женой.

— Мои любящие близкие...

— Знаю-знаю, все мы можем идти к чертям! Ты был откровенен со мной, и я отвечу тебе тем же. Эти строго дозированные сведения о происхождении мне не нравятся. Не хочу нести чушь об истинной любви и полном доверии, но настоятельно советую тебе не вступать в брак с особой, скрывающей свое прошлое и семью!

Тимоти помолчал и резко произнес:

— Хочу познакомить тебя с ней. Ты сегодня уедешь из Лондона или нет?

— Я остановился в клубе. Неужели я способен ринуться домой, когда ты оказался в щекотливой ситуации? — Это было сказано с нежной улыбкой.

— Ну и дурак! — отрезал Тимоти. — Какой от тебя толк?

— Могу, например, побывать в Беркшире и отговорить мать мчаться первым же поездом в Лондон!

— Беру назад все пренебрежительные эпитеты, которыми когда-либо тебя награждал! — вскричал Тимоти. — Ты — олицетворение силы, Джим!

— Брось! — отмахнулся неблагодарный брат. — Ты сказал, что твоя Бьюла тоже втянута в историю с убийством. Ты серьезно?

— Она знала Сэттона-Кэрю, терпеть его не могла, имела возможность убить его. Ну как, серьезно? Она под подозрением вместе с еще несколькими людьми, включая меня.

— Могла она это совершить? Я не спрашиваю, сделала ли. Допустим, не сделала. Но в женских ли это силах?

— Вполне, — ответил Тимоти. — Я знаю один-два верных способа отправить человека на тот свет, но перед этим они бледнеют. Я видел труп и понимаю, как все было сделано. Сила не понадобилась. Подними руку, я тебе покажу. Нужен носовой платок и вот эта линейка, больше ничего.

Он обмотал запястье Джима платком, продел под него линейку и дважды повернул ее.

— Больно! — вскрикнул Джим.

Тимоти вынул линейку из-под платка:

— Извини. Нужны считанные секунды, когда вместо руки — шея, согласен? Применили проволоку для вешания картин, купленную в тот же день Бьюлой по заданию миссис Хаддингтон и оставленную на полке в туалете. Все это не составляет тайны — полагаю, наш старый друг того же мнения. А как иначе, при такой умной физиономии?

— Хемингуэй? Он подозревает твою девушку?

— Старший инспектор явился сюда за сведениями о действующих лицах. Показательно, что про Бьюлу он меня не спрашивал — вероятно, догадался, что я заинтересованное лицо, или ему помешал твой приход.

Если Бьюла в разговоре с ним талантливо изображала, как она умеет, моллюска, то теперь он полон подозрений. Я хотел принять участие в ее допросе, чтобы не дать ей повести себя опрометчиво, но она не позволила. Не знаю, что там действительно произошло. Когда все закончилось, я отвез ее к ней домой, но по дороге она не была склонна общаться, а я не настаивал. Сегодня днем я собираюсь побывать на Чарлз-стрит и кое-что разведать. Потом, если получится, приглашу Бьюлу поужинать в какое-нибудь тихое местечко, например в «Арманд». Присоединяйся к нам, Джим! Часов в восемь, форма парадная. Сам я буду там в любом случае.

— Хорошо, — кивнул брат, неуклюже вставая из кресла. — У меня деловая встреча с одним человеком за ланчем в «Савойе», но вряд ли она затянется. Если успею, то побываю днем в Чамфриз, попотчую матушку снотворным и вернусь.

— Я тебя подвожу! — виновато простонал Тимоти.

— Да. Как всегда. Считай, что я в нокауте. Скажу матери, что сам полюбуюсь на Бьюлу, это даст вам отсрочку. Но она захочет узнать мое мнение о ней, так что будь добр, приведи ее сегодня вечером! Твой рассказ меня встревожил, но все равно она лучше той блондинки, если верить маминому описанию!

— Господи, мать и про Синтию Хаддингтон пронюхала? Невероятно! Невинный флирт — а она тут как тут! Синтии Хаддингтон я ни к чему, она охотится за крупной дичью.

Это легкомысленное утверждение вскоре было опровергнуто. Днем явившись на Чарлз-стрит, когда миссис Хаддингтон, по его расчетам, должна была отдыхать, Тимоти был препровожден дворецким Фримби в гостиную, где застал в кресле у камина Синтию. У ее ног валялись газеты, прекрасное лицо выражало неудовольствие.

При виде Тимоти Синтия вскочила и со смутившей его непосредственностью бросилась ему на грудь.

— О, Тимоти, слава богу, что вы пришли! — И она расплакалась.

Молодой Харт побледнел. Бедняжке определенно требовалось утешение, к нему он и прибег.

— Ну, не надо так переживать! — воскликнул Тимоти. — Возьмите себя в руки, Синтия!

— Это было так ужасно! — всхлипнула она, ничуть не обидевшись на бесчувственность кавалера.

— Согласен. — Он разжал ее руки и снял со своей шеи. — Но вы все-таки не плачьте, а то носик покраснеет. Лучше сядем, и вы расскажете мне о событиях, случившихся после вчерашнего вечера.

— Никаких событий! — пожаловалась она. — Это-то и страшнее всего. Все вокруг пугает. А тут еще мама не пускает меня в гости к Мэг, заставляет носить мерзкое черное платье, в котором я сушная ведьма, вылитая тетя Вайолет, спасу от нее нет, да и пудреница куда-то заделалась. Делать совершенно нечего, а по радио сплошь хоралы и учебные программы для военных, лучше умереть! Ну и, конечно, я страшно расстроена из-за Дэна, но никто меня не понимает, всем безразлично! Он бы не возражал, чтобы я ходила в гости, не то что родственники! Маме следовало бы отпустить меня, дать проветриться!

После этой тирады Синтия потащила гостя за руку к дивану, заставила сесть и опять разрыдалась, теперь у него на плече. Было невозможно определить, которая из бед в обширном перечне, пересказываемом пополам со всхлипами, больше всего ее удручила. Тимоти и не пытался разобраться, вся его энергия уходила на утешение. Синтия смущала его тем, что повисла на его лацкане. Плечо пиджака оказалось под угрозой пропитать-

ся ее дорогой пудрой, и Тимоти смирился с необходимостью срочно отправить вещь в чистку.

Синтия лепетала, что если придется ходить в черном до самых похорон, то матери следовало бы купить ей новую одежду, а не посылать за скучной мисс Спеннимур, чтобы та перешла для дочери два платья из материнского гардероба. Даже ненавистная тетка Вайолет согласна: глупо носить траур по чужому человеку. Вероятно, любимую пудреницу стянула подлая горничная матери. Тимоти обязан согласиться, что она, Синтия, излишне чувствительна и огорчается по любому пустяку. Тимоти не уточнил, относит ли она к этой последней категории ужасное убийство старого друга. Он заверил, что ее чувствительность ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения.

— О, Тимоти, вы такой милый! — заявила Синтия. — Я вас люблю! Думала, что с ума сойду, но стоило вам войти — и я почувствовала себя совсем по-другому.

У Тимоти волосы встали дыбом. Внутренний голос подсказывал, что глупо верить этим безыскусным речам, но мужской инстинкт запрещал предаваться излишним рассуждениям. Никогда еще он не бывал настолько рад, когда момент нежности бесцеремонно прерывался. Идиллию нарушило появление миссис Хаддингтон и ее сестрицы. Пальчики Синтии держали его лацкан уже не так крепко, что позволило ему оглянуться на вошедших. Осталось лишь оторвать от себя плаксу и проворно встать с дивана.

Не вызывало сомнения, что обе немолодые дамы имели возможность наблюдать трогательную сцену и теперь взирали на Тимоти с одобрением. Миссис Хаддингтон, волочившая за собой черный шлейф, с улыбкой протянула ему руку и промолвила:

— Как мило, что вы здесь, дорогой Тимоти! Знаю, никто не повлиял бы на мою бедняжку дочь лучше вас. Девочка безутешна, Дэн был ей как родной дядя!

— Вовсе нет, мама! — возмутилась Синтия.

— Вздор! А если не был, то напрасно, — вмешалась мисс Пикхилл. — Вы мистер Харт? Много о вас слышала и очень рада с вами познакомиться! Боже, дитя мое, вытри лицо! Гадость с ресниц испачкала тебе щеки. Нет, что будет с современными девушками? Стыдись, Лили, зачем ты позволяешь ей портить облик, дарованный Всевышним?

— Вы ничего не понимаете! — огрызнулась Синтия.

— Потому что не хочу! — ответила тетушка, смягчая резкость тона снисходительностью, с которой она взирала на это очаровательное создание, сломленное горем. — Я понимаю одно: ты замешана в отвратительном скандале! Я всегда знала, что этим закончится. Сейчас речь не о моих чувствах, хотя кровь не водица: я сообщила Брусли, что не смогу присутствовать на сегодняшнем собрании, и бросилась в Лондон. Мой бедный отец! Наверное, он переворачивается в гробу!

— Лорд Гизборо! — провозгласил из дверей Фримби, уподобившись Провидению.

— Ланс! — взвизгнула Синтия и, к облегчению Тимоти, метнулась на шею вновь прибывшему. — Вы — ангел!

— Синтия, дорогая! — предостерегла дочь миссис Хаддингтон.

Мисс Пикхилл схватила пенсне, прикрепленное длинной золотой цепочкой к специальной пуговке на ее впалой груди, и водрузила его себе на переносицу.

— Он! — неодобрительно изрекла она. — Тот самый молодой человек, о котором я наслышана? Ну-ну...

Ее тон свидетельствовал, что его светлости не следует рассчитывать на сочувствие. Но самолюбие Гизборо от этого не пострадало: он был так очарован и опьянен столь лестным для него поведением прекраснейшей девушки Лондона, что почти не заметил мисс Пикхилл. То, как стремительно исчез траур Синтии, ничуть не поколебало его восхищения. Считая по никому не ведомой причине, что в России траур отправлен в утиль вместе с другими бессмысленными условностями побежденной буржуазии, он выступил с пламенной речью. Ее суть сводилась к тому, что самым правильным для Синтии способом почтить память старого друга, которого постигла столь ужасная судьба, было бы немедленно нырнуть в омут разнузданных увеселений, предлагаемых Лондоном, — предпочтительно в его обществе.

— Молодой человек, — не вытерпела мисс Пикхилл, — вы несете вздор! Одно дело — избыточно горевать, и совсем другое — скакать по Лондону еще до того, как беднягу предадут земле!

Оригинальные воззрения каким-то образом сочетались у лорда Гизборо со впитанным с молоком матери почтением к буржуазным условностям. Поколебавшись, он уточнил:

— Приглашаю вас на спокойный ужин со мной и Трикси. Мы втроем, больше никого.

— Нет, милый Ланс, только не это! — воскликнула Синтия. — В Трикси я, конечно, души не чаю, но уж слишком она тусклая и вялая. Не хватало, чтобы она стала мне внушать, что мне понравилось бы жить в России, где непонятные люди обращались бы ко мне «товарищ» и где я все делала бы из-под палки и имела бы не больше денег, чем остальные. Мне это совершенно ни к чему, особенно сегодня!

— Ничего подобного! — оскорбился Гизборо. — У вас извращенное представление о коммунистическом государстве, вами владеют предрассудки и предубеждения...

— Не понимаю, почему ваши представления должны быть предпочтительнее моих! — возразила Синтия. — Вы же там не были, откуда вам знать? И вообще, это же смертная тоска — беспрерывно болтать о замшелой загранице, которая, наверное, в подметки не годится Англии!

— Это Англия не годится ей в подметки, — отозвался уязвленный Гизборо.

— А вот и нет! Пусть русские живут как хотят, но это же уму непостижимо, когда такие люди, как вы с Трикси, строите восторженные гримасы, стоит кому-нибудь обмолвиться о России, будто она — ваша религия! Будьте осторожны, вас того и гляди примут за русских. Какое падение, Ланс!

Глаза его светлости вспыхнули, он побелел. Было ясно, что при всем ослеплении Синтией он не станет безропотно проглатывать богохульство. Прежде чем с его дрожащих губ слетели подобающие серьезности случая слова, Тимоти поспешил откланяться. Миссис Хаддингтон не пожалела для него самой ослепительной улыбки, подчеркнув этим, что хорошо понимает его нежелание долго оставаться в обществе лорда Гизборо. Задержав руку Тимоти в своих ладонях, она промолвила:

— Учтите, вы здесь всегда желанный гость. Жду вас через день-два на неформальную встречу в узком кругу!

Он ограничился ничем не значащими фразами вежливости, избежав определенного ответа, попросил миссис Хаддингтон не вызывать звонком дворецкого и не провожать его вниз, после чего удрал, чувствуя себя оленем, чудом увернувшимся от наседающих гончих.

Сбегая вниз, Тимоти соображал, где искать Бьюлу. Стук пишущей машинки привел его в библиотеку. Войдя и бесшумно затворив за собой дверь, он радостно произнес:

— Привет, милая! Как ты сегодня?

— Тимоти! — воскликнула она. — Что ты здесь делаешь? Миссис Хаддингтон знает?

— Что я у тебя — нет. Надеюсь, она не крадется за мной по пятам. — Он наклонился и чмокнул Бьюлу в макушку. — Прекрасно выглядишь! Что делаешь?

— Сочиняю грубое письмо в шляпную мастерскую.

— То есть развлекаешься. Послушай, мое сердечко, ты надолго занята? Может, поужинаешь со мной?

— Вряд ли, хотя... Нет, лучше не надо!

— Я противоположного мнения!

Она неуверенно улыбнулась:

— Не напирай! Я не знаю, как быть, Тимоти!

— Не волнуйся, любимая, мы все обсудим в «Арманд». Лучше бы ты, конечно, не тянула с согласием выйти за меня замуж, это спасло бы меня от Хаддингтонов. Только что это адское отродье залило мне слезами весь пиджак, а старая карга-мамаша смущала меня неподобающим намеками. Дался же я им! В восемь часов — тебя устраивает?

Бьюла молча уставилась на клавиши машинки. Тимоти провел пальцем по ее затылку.

— Договорились?

Неожиданно она обернулась и обвила ему шею руками.

— Решено! — крикнула Бьюла. — Да, мне все равно! Я выйду за тебя!

Наградой ей стали удушающие объятия.

— Отлично! — сказал Тимоти. — Тогда — шампанского! Ничего, Джим не отвертится. Знаешь, мой брат

сейчас в Лондоне и хочет с тобой познакомиться. Я позвал его в «Арманд».

Она высвободилась из его объятий.

— Наверное, он приехал отговорить тебя жениться на мне?

— Вовсе нет, дитя мое, успокойся! Он хороший парень, главное, будь с ним вежлива, и он благословит наш брак. А теперь мне лучше исчезнуть, а то меня застанут тут и обвинят в заигрываниях с тобой. Полиция больше не навевывалась?

— Пока нет.

— В случае чего будь повежливее и с Хемингуэем. Он тоже хороший парень и, главное, совсем не дурак, — предупредил Тимоти.

Через несколько часов ему в контору позвонил Джеймс Кейн:

— Тимоти, я уже вернулся. Все прошло в целом неплохо.

— Слава богу! Как они?

— Мать в порядке, у твоего отца опять приступ бронхита. Ты познакомишь меня с Бьюлой?

— Да, причем уже как со своей невестой.

— Неужели? Не зря я предупреждал мать, что все к этому идет.

— Что ты ей наговорил?

— Практически то же самое, что ты мне.

— Что?!

— Все хорошо, разве ты ее не знаешь? Достаточно только показать ей человека, нуждающегося в защите. Я не утверждаю, что она — сторонница этого брака, но готова подождать моего суждения о Бьюле. Более того, мать сказала, что если суждение окажется благоприятным, то она с радостью пригласит Бьюлу в Чамфриз на уик-энд, чтобы самой с ней познакомиться.

— Чудесно, Джим! Ты не представляешь, как я тебе благодарен! Сегодня шампанское за мной!

Благодаря, главным образом, приятным манерам Джеймса Кейна, а также поведению его младшего брата ужин прошел более-менее успешно. Бьюла стеснялась, говорила мало, зато прекрасно выглядела и, держа Джима на расстоянии, все же не проявляла враждебности. Он наблюдал за ней исподтишка и присудил ей весомые очки. Сам он питал пристрастие к блондинкам, но был готов отдать Бьюле должное. Ему понравились ее разлетающиеся ото лба волосы, изящные руки, трогательный затылок. Сначала его насторожил ее натянутый вид, но стоило ей улыбнуться — и вся она преобразилась. Кейн решил, что Тимоти покорила именно ее улыбка. Бьюла улыбалась редко, но уж когда это случалось, глаза переставали смотреть сумрачно и она делалась на несколько лет моложе. Голос имел приятный тембр, она не проглатывала гласные, но и не бубнила в нос, что, увы, пользовалось популярностью среди ее сверстниц. Чего ей не хватало, так это светскости и утонченного очарования, она не старалась придать беседе легкость, на обращенные к ней вопросы порой отвечала отрывисто. Раньше Кейн не мог представить, что его бойкого брата привлечет такая девушка, и на протяжении ужина он вновь и вновь задавался вопросом, что побудило Тимоти отдать сердце этой холодной и даже грубоватой особе. Но, увидев, как они с Тимоти смотрят друг на друга, он был сражен. Со знанием этого пылающего взора нельзя было ошибиться: Бьюла по уши влюблена в Тимоти.

Когда подали кофе и ликер, Тимоти разглядел за дальним столиком своих знакомых, те поприветствовали его, и он отправился к ним перекинуться словечком. Бьюла решительно посмотрела Джиму в лицо и сказала:

— Простите, я не мастерица светской беседы. Наверное, вы не хотите, чтобы я выходила за него замуж?

Откровенный вопрос застал Джима врасплох. Собравшись с мыслями, он проговорил:

— Как на это ответить, скажите на милость?

— Ответ засчитан. Я не понравилась вашей матери.

— Если вы и ее огорошили подобным вопросом, то этому не следует удивляться.

— Я и не удивилась. Я ее не осуждаю. И вас тоже. Но я все равно стану его женой. Сначала отказывалась. Наверное, вы принимаете меня за дерзкую и расчетливую хищницу, но я действительно пыталась отговорить Тимоти. Не вышло! Жаль, что я не могу похвастаться выдающейся родней. Мать у меня простого происхождения, мои итальянские родичи вам вряд ли приглянулись бы. Семья отца считала его брак мезальянсом, и я вынуждена с ними согласиться. Семья решила, что он опозорил их звучное имя, и облегченно перевела дух, когда он переехал в Италию. Я прожила у людей из этой семьи полтора года и поняла, что лучше умереть от голода, чем провести с ними хотя бы один лишний день. Полагаю, наша неприязнь взаимна, и я больше не намерена с ними видаться. Теперь вы все знаете.

— Похоже, вам изрядно досталось, — осторожно прокомментировал Джим.

От взгляда Бьюлы ему сделалось не по себе.

— Да уж, — подтвердила она, — изрядно. Но теперь жизнь дарит шанс, которого мне недоставало. И я не собираюсь отказываться от него. Если придется побороться за это замужество, то я буду бороться! Я считаю, что должна предупредить вас об этом.

— Со мной вам бороться необязательно: я не опекун Тимоти. Собственно, вам вообще ни с кем не придется бороться. Возможно, моей матери и не по душе этот

брак, но если вы с Тимоти действительно друг друга любите, то она не станет вам мешать. С этой стороны вам нечего бояться.

— Я и не боюсь! — быстро ответила она.

— Правда? Как насчет небольшого совета?

— Что за совет?

— Если Тимоти надо узнать о вас или о вашей семье что-то еще, то скажите ему правду прямо сейчас! Не ждите, чтобы он выяснил все уже после свадьбы. Во-первых, так лучше, а во-вторых, шкаф со скелетами в доме не способствует счастью. Простите, если я вас обидел, но я люблю Тимоти и не хочу, чтобы ему причинили боль. Он вам полностью доверяет, а вот вы ему — нет. Я рублю с плеча, но вы сами этого захотели.

Бьюла вспыхнула, губы у нее задрожали.

— Не могу объяснить, но... Порой мне кажется, будто существует причина, по которой ему не следовало бы жениться на мне.

Кейн нахмурился:

— Честно говоря, я не очень-то вас понимаю. Подобная причина действительно существует?

— Нет! Только никто этому не поверит. Никто!

— Звучит мрачно. Поверит ли Тимоти?

— Нет-нет, он не сможет!

— В таком случае вам лучше не выходить за него замуж, — спокойно заметил Кейн.

Глава 11

Пока молодой Харт вынашивал матримониальные планы, а заинтересованные лица тревожно размышляли, почему старший инспектор не проявляет к ним внимания, Хемингуэй не сидел без дела. После возвращения инспектора Гранта из банка Сэттона-Кэрю

с пустыми руками они вдвоем отправились в особняк Годфри Паултона на Белгрейв-сквер. Величественный дворецкий, глядевший на них с терпеливой неприязнью, незадолго до обеда пригласил их в приемную в глубине дома и оставил там скучать, а сам отправился за распоряжениями к хозяйке. Когда он снова появился, Хемингуэй испугался, что у бедняги внезапный приступ тошноты.

— Ее светлость примет вас, — сообщил дворецкий, преодолев овладевшие им чувства ровно настолько, чтобы выдать эти полные презрения слова. — Будьте так любезны следовать за мной.

— Вы ему это спустите? — обиженно пробормотал инспектор.

— Все в порядке, — примирительно произнес Хемингуэй. — Привыкайте! В лучшие дома просто так не попадешь: полицию здесь не жалуют. Вы потише, иначе у бедняги случится апоплексический удар.

Дворецкий раздувал грудь, но его физиономия оставалась деревянно-невозмутимой.

— Будьте добры сюда, джентльмены!

Он величественной походкой повел их вверх по широкой лестнице в гостиную на втором этаже, перед дверью которой задержался, чтобы осведомиться, как их представить. Какого бы низкого мнения дворецкий о них ни был, нужные слова были произнесены с должной тщательностью:

— Старший инспектор Хемингуэй и инспектор Грант, миледи!

Детективы вошли, и дверь за ними закрылась.

— Доброе утро, — сказала леди Нест из кресла у камина. — Садитесь, пожалуйста.

В комнате пахло египетскими сигаретами и оранжевыми розами, вазы с которыми стояли на многочис-

сленных столиках и комодах. Обстановка представляла собой смешение неплохого вкуса и вопиющей вульгарности. Над великолепным образчиком комодного мастерства XVII века висела раскрашенная женская голова из гипса с раскосыми глазами, плачевный плод чьего-то разгулявшегося воображения. По соседству с прекрасным синим «Веджвудом» стояло нечто резное, наполненное ароматической смесью. Портрет, больше всего смахивающий на выпиленный лобзиком лабиринт, висел рядом с акварелью Гёртина. На колченогих столиках красовались огромные фотографии людей, снятых в густом тумане. Пока старший по должности пробирался к камину по обюссонскому ковру с цветочными мотивами, инспектор Грант примостился в кресле за одним из столиков и принялся разглядывать загромождавшие его портреты. С одного смотрел красавчик, сверкавший в улыбке отменными зубами и имевший смутное сходство с задуманным из будуара миссис Хаддингтон. В углу портрета очень кстати было подписано энергичным почерком: «Всегда ваш, Дэн Сэтон-Кэрю».

Тем временем Хемингуэй, сидя напротив леди Нест, произносил полагающиеся слова вежливости, прося прощения за беспокойство.

— Что ты, что вы, никакого беспокойства! — заверила леди Нест. — Это связано с бедным Сэтоном-Кэрю? Вы считаете, я могу помочь? Я с удовольствием, только пока не понимаю как.

— Мы проводим необходимую проверку, леди Нест, — объяснил Хемингуэй. — Вы были хорошо знакомы с мистером Сэтоном-Кэрю?

Она стряхнула сигаретный пепел с подола своего однотонного черного платья. Красивые тонкие руки казались хрупкими и словно трепетали. Хемингуэй подумал, что никогда еще не видел такой неспокойной женщи-

ны. Леди Нест напомнила ему бабочку в конце сезона — с начинающими обвисать крылышками, но все еще бесцельно порхающую повсюду.

— О, да, прекрасно знакома.

— Не расскажете ли мне немного о нем? — попросил Хемингуэй. — Кем он был по профессии? Бизнесменом?

— Честно говоря, даже не знаю. Я считала его кем-то вроде финансиста. Меня это не интересовало, я не спрашивала.

— Вы давно его знали, леди Нест?

— Довольно давно. Простите, у меня неважно с памятью на даты.

— Несколько месяцев, миледи? Или лет?

Она звонко рассмеялась.

— Какой вы настойчивый! Все, что я скажу, будет зафиксировано и использовано как свидетельское показание? Меня привлекут к ответственности за лжесвидетельство или за что-то столь же ужасное? Раньше обо мне говорили, что я кончу жизнь на виселице. Только это было очень давно! Вы удивитесь — надеюсь, что так! — если я скажу, что уже разменяла шестой десяток! Есть от чего прийти в уныние... Только и остается, что не делать из этого секрета. Притворяться, будто ты моложе своих лет? Никогда!

Старший инспектор явился к леди Нест скорее для порядка, чем в ожидании узнать от нее нечто важное, но эти ее речи вызвали у него настороженность. Они не только звучали искусственно; по его мнению, таким знатным дамам не пристало так разговаривать с полицейскими. Леди Нест бросила окурков в огонь и уже вставляла в драгоценный мундштук следующую сигарету. Дважды взбив подушки у себя за спиной, она трижды переложила с колена на колено ноги в нейлоновых чул-

ках. Руки ни секунды не лежали спокойно: то она стряхивала пепел с сигареты, то закладывала за уши жидкие пряди волос, то теребила жемчуг у себя на шее, то расправляла складки на подоле.

— Собственно, я знаю, что вам больше пятидесяти лет, мадам, потому что давно рассматриваю ваши фотографии в светской прессе, — нагло заявил Хемингуэй.

— Неужели? Очаровательно! Веселые были деньки! Однажды я рекламировала крем для лица — как это взбесило всю мою семейку! Мне, конечно, щедро заплатили, однако рекламировать крем для ног я все-таки отказалась.

— Уверен, крем мгновенно раскупили. Так вы сказали, миледи, что познакомились с Сэтоном-Кэрью много лет назад?

— Ничего я не говорила! Ведь вам нужна точность? Вряд ли я смогу вам помочь. Я всегда мучалась с датами: точные люди — ужасные зануды. «Когда это было, во вторник или в среду?» Можно подумать, что это важно! Много лет. Закадычным другом он, конечно, не являлся. Сэтон-Кэрью был потрясающе привлекательным, но не совсем безгрешным.

— Вы были знакомы с кем-нибудь из его родственников?

— Боже, нет! А они вообще у него имелись? Полагаю, они несносные люди: он никогда не упоминал своих близких. Во всяком случае, при мне. Почему бы вам не спросить у миссис Хаддингтон? Она знала его гораздо лучше, чем я.

— Насколько я понимаю, они были старыми друзьями?

— Более того! Почему такой шокированный вид? Говорю же, он был очень привлекательным. Но в мужа не годился. Я вовсе не осуждаю Лилию, более того, на

ее месте я поступила бы так же. Но что в подобных связях хуже всего? При первой же размолвке происходит разрыв. А тут еще красавица дочь! Я так рада, что бездетна! Ни за что не вынесла бы, чтобы возлюбленный оставил меня ради моей дочери! Ни одна женщина такого не вынесет. Это превращает ее в посмешище. Я восхищаюсь Лилией Хаддингтон: она сумела все это проигнорировать. Восхитительно, не правда ли? Она и глазом не повела!

— Вы с ней хорошие подруги?

— Утверждать это было бы сильным преувеличением. Мы просто общаемся, но мало ли с кем я общаюсь!

— Кажется, в прошлом году вы представляли мисс Хаддингтон в лондонском свете. Так мне говорили.

— Да, я оказала им протекцию. Синтия Хаддингтон — милейшее дитя!

— Если вы не станете возражать, леди Нест, то я замечу, что обе они должны чувствовать себя в долгу перед вами. Все знают, что в высшем свете любое ваше слово на вес золота.

Леди Нест застенчиво улыбнулась и загородила ладонью глаза, как от яркого света.

— Вы очень добры. Думаю, кто-то попросил меня помочь миссис Хаддингтон. Так оно всегда и бывает. Отказаться трудно. Потом сама не замечаешь, как возникает определенная степень близости.

Хемингуэй покосился на инспектора Гранта. Тот встал, пробормотал слова извинения и вышел из комнаты. Следуя своей интуиции, которая, как утверждали его оскорбленные друзья, никогда его не подводила, Хемингуэй сказал:

— Мы не всегда записываем слова наших собеседников и не используем их как показания, миледи, особенно в таких расследованиях, как это, которое может ока-

заться весьма деликатным. Не хочется вмешиваться не в свое дело и тем более задавать мистеру Паултону множество вопросов, из-за каких могли бы возникнуть неприятности...

— Мой муж? При чем тут он? — резко спросила она. — И что за вопросы? Моя дружба с Лилией Хаддингтон кажется вам необычной?

— Именно так, миледи, — честно ответил Хемингуэй. — Так я думал сначала. Сам я в высшем обществе не вращаюсь, но при моем ремесле поневоле узнаешь вещи, которые вы назвали бы элементарными. Почему вы представили миссис Хаддингтон вашим друзьям и что связывало вас, ее и Сэтона-Кэрю?

Она соскочила с дивана и отбежала к окну.

— Что за абсурд!

— Миссис Хаддингтон познакомила вас с мистером Сэтоном-Кэрю, миледи?

— Нет!

— Значит, наоборот?

Леди Нест помассировала себе лоб.

— Нет. Зачем это вам? Вы собирались задать моему мужу эти... глупые вопросы?

— Не хотелось бы. Когда возникает подозрение в шантаже, мы проявляем щепетильность. Мы это умеем.

— А вы догадливы! Кто вам рассказал?

— Никто.

— Тогда с чего вы взяли...

— Миссис Хаддингтон вам не пара, миледи. Как и Сэтон-Кэрю, насколько могу судить.

— Выбросьте это из головы! Ничего подобного между мной и Сэтоном-Кэрю не было и быть не могло. Обычное знакомство, не более. Просто человек, которого я приглашала на свои приемы.

— Сэтон-Кэрю был близок с миссис Хаддингтон?

— Это разные вещи. Я познакомилась с ним на юге Франции — о ее существовании я тогда еще не знала.

— Понятно. А с миссис Хаддингтон вы познакомились...

Ее тощая грудь тяжело вздымалась и опадала.

— Полагаю, я не должна отчитываться перед Скотленд-Ярдом за своих друзей! — заявила она, задыхаясь.

— Нет, не должны, — согласился Хемингуэй. — Я, конечно, не знаю точно, но вас могли, так сказать, заставить ввести миссис Хаддингтон в свет. Раз вы не хотите иметь дело со Скотленд-Ярдом... — Он улыбнулся. — Странные мысли иногда меня посещают! Вы удивитесь, если я расскажу, как часто светские дамы совершают неосторожные поступки, а потом не желают рассказывать об этом полиции. Даже предпочитают быть обобранными до нитки. Глупо, но это так!

Леди Нест засмеялась:

— У меня никто никогда не вымогал даже пенни, старший инспектор.

— Порой шантажисты хотят не денег, — задумчиво промолвил Хемингуэй. — Нечасто, конечно, но бывает, я слышал.

— Вы ошибаетесь! — крикнула она, держась обеими руками за спинку кресла.

— Если так, то я не стану вас больше беспокоить, миледи.

— Рада это слышать. Что вы намерены делать теперь?

— Продолжать расследование, — ответил Хемингуэй.

Ее лицо исказилось гримасой:

— Лучше даже не намекайте на эти ваши оскорбительные мысли моему мужу. У него старомодные взгляды, и, боюсь, он возмутится, а то и разозлится. Отнеситесь к этому как к дружескому предупреждению.

— Очень вам благодарен, миледи.

— Вы все-таки расследуете убийство, — напомнила она. — Ни я, ни мой муж не имеем к нему никакого отношения. Я бы советовала вам обратить внимание на другой дом. Разумеется, я не хочу сказать о Лилии Хаддингтон ничего дурного, но с Сэтоном-Кэрю тесно связана она, а не я! Полезно, видимо, упомянуть, что мой муж был с ним едва знаком.

— Да, он говорил мне, — подтвердил Хемингуэй. — Тем не менее вы правильно поступили, сказав мне об этом, миледи, а то вдруг он сам об этом забыл бы.

Пожелав ей всего наилучшего и не получив ответа, он вышел.

Инспектор Грант изучал в холле большую картину маслом. Неподалеку стоял дворецкий, не спускавший с него враждебного взгляда.

— Уэстер Росс, — произнес инспектор. — Не знаю, где написано это неважное полотно. Я бы не повесил его у себя дома.

— Полотно-то неплохое, но стянуть его в присутствии верного цербера у вас все равно не получится. Уходим!

Дворецкий ничем, даже движением брови, не дал понять, достигла ли его слуха издевка. Он величественно приблизился к двери, открыл ее и замер, выпуская двоих детективов из дома. Его чувства нашли выражение только в стремительности, с которой он захлопнул за ними дверь.

— Чуть ногу мне не прищемил! — пожаловался Хемингуэй. — Ну, что скажете обо всем этом?

— Я бы затруднился ответить, что представляет собой эта дама, если бы не видел все собственными глазами, — ответил инспектор. — Теперь я думаю, что мы разворошили гнездо порока.

— Если вы намекаете, что она подозрительно похожа на наркоманку, то я склонен с вами согласиться. Только не знаю, как это может нам помочь.

— Сидя у нее в гостиной, я смотрел на фотографии на столике, — сообщил Грант. — На одной была подпись Дэна Сэттона-Кэрю. Трудно не узнать это лицо: где-то я его уже видел.

— Еще бы! — раздраженно отозвался Хемингуэй. — Только вчера вечером!

— Вчера вечером я его не узнал, — возразил Грант и виновато добавил: — Я столкнулся с ним за несколько лет до войны, и тогда он звался не Сэтоном-Кэрю, а просто Кэрю. А вчерашний задушенный... — Грант замялся.

— Выкладывайте, Сэнди! Кто это был? Рецидивист?

— А вот и нет! Ему ничего нельзя было вменить. Меня тогда только произвели в сержанты и приставили к суперинтенданту Дарлистону. Помните, ему еще поручили...

— Вы когда-нибудь с ума меня сведете! — проворчал Хемингуэй. — Как же не помнить! Опасные наркотические средства! Ваш знакомый проходил по данному ведомству?

— Повторяю, если он и был замешан в торговле наркотиками, мы ничего не могли найти. Не хватало улики, чтобы выписать ордер для допроса. Больше я о нем не слышал. Я совсем его забыл, а тут смотрю — фотография...

Хемингуэй в молчании преодолел еще полсотни ярдов.

— Как я погляжу, вы растете, — усмехнулся он. — Вам случалось получать в ответ на «сколько будет дважды два?» пять? Нет, конечно, ведь вы лишены воображения. А у меня так бывает постоянно. Ничего, присоединяйтесь, давайте изучать леди Нест вместе. Я намекнул вам, что надо выйти, потому что решил прислушаться к своему внутреннему голосу. Я подумал, что леди Нест может разговориться, если у нее останется только один

слушатель. Этого не произошло — по крайней мере, я услышал далеко не столько, на сколько рассчитывал. Однако интуиция не подвела. Меня насторожило кое-что из сказанного Ужасным Тимоти: по-моему, она ввела Хаддингтонов в свет, потому что у миссис Хаддингтон был способ надавить на нее. Не удивлюсь, если в прошлом у леди Нест было много всякого, что теперь приходится скрывать. То, что сообщили вы, подтверждает мои догадки. Вдруг миссис Хаддингтон знала, что Сэтон-Кэрю снабжал ее наркотиками?

— Могли бы прямо спросить: не шантажирует ли он ее?

— Учитывая открытость и дружелюбие леди Нест, я попытался, — холодно промолвил Хемингуэй. — Напрасно вы думаете, что она станет жаловаться. Леди Нест страшно напугана. Особенно она боится, как бы что-то не пронюхал ее муж.

— Если бы он узнал, что ее жену снабжают наркотиками... Вот вы и меня заставили получить «пять» в ответ на «дважды два».

— Не будем торопиться со сложением. Пусть этим занимаются Кэтеркотт и его команда. Они могут порыться в квартире Сэттона-Кэрю.

— Если бы я узнал нашего клиента, когда увидел мертвым, то мы поставили бы у двери его квартиры полицейского.

— Вы не виноваты. Если вообразили, будто кудрявая ошибка природы, с которой мы познакомились в квартире потерпевшего, замешана в преступлении, то это психологический просчет. Проказники подобного сорта не торгуют наркотиками. Если бы у Сэттона-Кэрю был такой помощник, его сцапали бы много лет назад.

— А какова, по-вашему, роль миссис Хаддингтон? Учтите, еще ничего не доказано!

— Я не возражаю, чтобы у вас из двух и двух получилось пять, но, когда вы разгоняетесь до шести, это уже перебор, Сэнди! Не вижу во всем этом места для нашей невозмутимой матроны. Сэтон-Кэрю был слишком хитер, чтобы вовлечь в свои игры женщину. Да и зачем? Кроме всего прочего, торговля наркотиками не сделала бы ее вхожей в лучшие дома, даже при содействии леди Нест. Никто не станет заниматься таким опасным преступным бизнесом ради проникновения в свет. Да, вы осторожничайте с нашим Сэтоном-Кэрю, но я знаком с Джимом Дарлистоном уже пятнадцать лет, и если он считал, что за Сэтоном-Кэрю надо наблюдать, мне этого достаточно. Немедленно возвращаюсь в Скотленд-Ярд и отправляем в эту квартиру Кэтеркотта. Вы составили для меня досье на Бьюлу Бертли Мериден?

— Да. Ею занимался Андербарроу.

— Вот как! Кажется, припоминаю... Он тогда лихо взялся за дело!

— Да, в своей манере, — подтвердил инспектор.

— Рано или поздно эта манера доведет его до беды. Что дальше?

— Присяжные совещались более часа, — продолжил Грант. — Казалось бы, улики позволяли вынести вердикт быстрее, но я поболтал с Бингэмом — если помните, он тогда служил в этом отделе, — и, по его словам, заключение председательствующего звучало весьма неуверенно. В Шотландии...

— Если вы решили, что я стану терять время на спор о достоинствах и недостатках вердикта «не доказано», то ошиблись! Почему председательствующий занял сторону девушки?

— Не знаю, — ответил Грант, — но, если верить Бингэму, он обошелся с молодым Макстоком, дававшим свидетельские показания, в высшей степени сурово.

Девушка работала в компании Макстока. Она только окончила один из коммерческих колледжей, и Максток взял ее к себе секретарем. Он приходится племянником Джасперу Макстоку и в то время был партнером в фирме, поскольку у старика не было сыновей, и...

— В то время?

— Мне сказали, что три месяца назад он оттуда ушел, — объяснил инспектор.

— Иногда я перестаю понимать, зачем с вами связался! — не вытерпел Хемингуэй. — В чем обвинялась девушка?

— В подделке подписи Гарольда Макстока на различных чеках и в их обналичивании. Было доказано, что она располагала банкнотами с переписанными номерами. Казалось бы, очевиднейший случай...

— Вы намекаете, что все не так просто? Я не был в суде во время показаний Макстока. Что он за человек?

— Сам я его не видел. Сержант Бингэм... Тут надо учесть, что он человек грубоватый, — предупредил инспектор. — В общем, он считает, что Максток из тех, кто не пропустит ни одну юбку.

— Уверен, он подобных слов не говорил. И нечего вкладывать такие речи в уста старика Бингэма! Похоже, девушку подставили. Слышал я о таком, но не часто, и вообще, эта Бьюла не вызвала у меня доверия. Судя по ее виду, она из-за шести пенсов не прочь разделаться с собственной бабушкой. Какая-то сокамерница отправила ее к Сэтону-Кэрю — вдруг пригодится? Сдается мне, он быстро сообразил, что от нее не будет толку — во всяком случае, предполагавшегося... Как интересно, Сэнди! По-моему, торговля наркотиками была далеко не единственным его занятием! Не удивлюсь, если окажется, что Сэтон-Кэрю подрабатывал шантажом. Вот вам и связь между ним и невозмутимой матро-

ной! Не утверждаю, что так и есть, но не будем сбрасывать со счетов данную возможность. Я съем свою шляпу, если он не шантажировал леди Нест! У нее много денег, а честные люди с большими деньгами — редкость.

— Я не слышал от слуг подтверждения этого предположения, — с сомнением заметил Грант.

— И не могли слышать. Все, что они способны рассказать, мало нас заинтересует. Никто из них не проработал у нее больше двух лет, а большинство — и года. Она плохая хозяйка, что, конечно, еще не превращает ее в преступницу.

— Но они не считают ее леди, хотя в доме бывают люди из высшего света.

— Один-ноль в вашу пользу, — расщедрился Хемингуэй. — Если они так говорят, им можно верить: кому знать, как не им!

Этим вечером он ужинал в уютном домике в Бромли, где обитал отставной суперинтендант Дарлистон. За едой, а также сразу после нее разговор касался только будущности троих сыновей суперинтенданта, поразительного ума его пятерых внуков, невероятного поведения кур и громкого успеха помидоров на последней местной ярмарке. Но стоило бывшему суперинтенданту ослабить брючный ремень и достать из кармана трубку и выдавший виды кисет, как его супруга с неожиданным для ее полноты проворством покинула кресло, собрала на поднос посуду и сказала:

— Пойду-ка я в кухню. Если Стэнли пожаловал к нам для обсуждения нового парника, Герберт, значит, тридцать лет назад я вышла не за полицейского. Меня не проведешь! Нет, Стэнли, помощь мне не нужна, но все равно спасибо! Просто откройте мне дверь, и хватит проявлять вежливость! — С этими словами чудесная женщина подхватила поднос и ушла.

— Мать не обведешь вокруг пальца, — пробурчал Дарлистон и подвинул Хемингуэю кiset. — Попробуй-те моего! Так что лишает вас покоя?

— Я пришел позаимствовать вашей мудрости, — произнес Хемингуэй.

— Вот оно что! — Дарлистон откинулся в кресле. — Учтите, я забыл больше, чем вы когда-либо будете знать.

— Ну, так напрягите память, дедушка! Давайте так: вы Мафусаил, а я ношу свою первую пару длинных штанов.

Дарлистон затрясся от смеха и указал большим пальцем на кружку с пивом, напоминая о ней гостю. Молча выслушав его, он сказал:

— Помню молодого Гранта, хороший парень. Как он?

— Неплохо для такого сосунка, — ответил Хемингуэй. — Я передам ему, что вы его помните. Он обрадуется этому гораздо больше, чем я. Мне бы хотелось, чтобы вы вспомнили кое-что другое.

— Я успел многому научить его, пока он находился у меня в подчинении. Как вы с ним ладите?

— Можно было бы и хуже. Если Грант по любому поводу не дышал на меня своим гэльским наречием, мне было бы не в чем его упрекнуть.

— Не пойму, почему он пристрастился к чесноку!* Передайте, пусть немедленно прекратит!

— Грант его не ест, только говорит на нем, по крайней мере утверждает. На Рождество ему дали отпуск, и он запрыгнул в первый же поезд до Инвернесса. Насколько я понял, Грант целые сутки добирался до своей деревни, но воображает, будто не зря потратил время. Забудем о нем! Лучше скажите, вы помните некоего Сэтона-Кэрю, когда-то обходившегося первой половиной этой фамилии?

* Игра слов: gaelic созвучно garlic — «чеснок» (англ.).

— Представьте, помню! Скользкий тип, Стэнли.

— Если он выскользнет из мертвецкой, я признаю вашу правоту. А пока был бы рад услышать, из-за чего вы за ним следили: инстинкт требовал или имелись улики?

— Уликами я бы это не назвал, скорее намеки. Зато их было много. Впрочем, ни один не привел меня к его дверям. Если надо, я подниму свои старые дела, только вряд ли они вам помогут.

— Необязательно. Когда вы расправились с той бандой, что стало с нашим приятелем Кэрью?

— Он как сквозь землю провалился. У меня сложилось впечатление, что он удрал во Францию.

— Французская полиция им не занималась?

— Неизвестно.

— Я отправил в его квартиру Кэтеркотта, но наркотики — не моя специализация, так что буду признателен за любую подсказку. Стал бы он хранить их у себя дома?

— Не исключено — чтобы своевременно сбывать. Хотя я знал типа, который снимал для своего товара сейф. Так он и попался: подозрительно наведываться в хранилище два-три раза в неделю!

— Думаете, мы найдем искомое?

— Запросто. Если он сбывал его таким людям, как ваша леди Нест, то вам нужен белый порошок, он же «снег»: героин, морфий... Только не «трава»! Его товар на вес золота и может обнаружиться где угодно. Не пропускайте сигареты — впрочем, Кэтеркотт сам не вчера родился. Клиент мог сбывать товар покупателям в виде пакетиков с порошком. Один сообразительный мошенник шлепал на свои пакетики аптекарские наклейки, вроде «борной кислоты», и запечатывал их красным воском. Точь-в-точь настоящие!

— Это ему больше подходит, чем сигаретные пачки, — заметил проницательный Хемингуэй. — Если

Сэтон-Кэрю специализировался на этом, то ходил на приемы, чтобы сбывать товар. Он был очень осторожен и спешил уничтожить любые письменные улики, разве что обнаружится секретный сейф с бумагами. Не удивлюсь, что именно здесь вы и оплошали: спугнули его, а расхлебывать теперь мне!

— Что ж, — промолвил Дарлистон, потянувшись за пивной кружкой, — я не стану вас осуждать, Стэнли, за желание найти убийцу, это ваша работа. Но я насмотрелся на страшные дела, которые творили такие, как он, поэтому скажу: совершенно благое дело, за какое и медали не жаль! Более того, — добавил он, наполняя стакан старшего инспектора, — из-за этих мерзавцев я поверил в ад! Если бы их там не жарили на сильном огне, мне были бы гарантированы бессонные ночи.

Глава 12

Вернувшись в Лондон в десятом часу вечера, старший инспектор направился в Скотленд-Ярд и застал в кабинете терпеливо ожидающего его инспектора Гранта. Тот сидел за столом и изучал какое-то дело. При появлении шефа он встал и закрыл папку.

— Так и знал, что вы сюда заглянете! — сказал он.

— То же самое я хотел сказать вам, Сэнди. — Хемингуэй повесил на вешалку шляпу и пальто. — Ценю вашу добросовестность. Есть что-нибудь для меня?

— Боюсь, немного. Недавно звонил Кэтеркотт, спрашивал, продолжать обыск или нет. Они все-таки нашли в самом неожиданном месте сейф и долго возились, прежде чем он открылся. Внутри было двести-триста фунтов банкнотами, немного ценных бумаг и ни грана «снега». Никаких следов, что он хранился там раньше. Столько трудиться, потом выбиваться из сил, вскрывая

чертов сейф, — и ни малейшего удовлетворения! Понятно, что он в бешенстве! Еще сержант Кринглфорд нашел в столе секретный ящик. Можете не сомневаться, они и его сумели открыть!

— Вы велели ему продолжать? — усмехнулся Хемингуэй.

— Да, скрепя сердце. Но если Сэтону-Кэрю было что прятать, то почему не в сейфе?

— Не знаю. Логично, казалось бы, но старый Дарлистон не зря предупреждал, что клиент у нас исключительно скользкий. Остроумно, ничего не скажешь: завести секретный сейф только для того, чтобы сбить со следа Кэтеркотта со всей сворой! Двести-триста фунтов, говорите? Сдается мне, Кэтеркотт так старательно вынюхивал наркотики, что не почуял крысу. Я бы на его месте не оплошал. Зачем держать дома такие деньги? Чтобы сбежать, если мы пожалуем к нему среди ночи?

— Иметь под рукой деньги — не преступление, — заметил инспектор.

— Разумеется. Например, когда владеешь крупным поместьем, иногда приходится класть в сейф много наличных, чтобы расплачиваться с работниками. Но если вы объясните, зачем понадобилась пачка банкнот в городской квартирке, то я буду вам признателен! Между прочим, вы обратили внимание на рассказ мисс Бертли про скандал, который закатила ее хозяйка из-за забытого в туалете полотенца? Вы проверили, с чего бы это?

— Не получилось. Надо было спрашивать старшую горничную, но она уже два дня как слегла с гриппом. Не мог же я ломиться к ней в спальню!

— Вы правы, деликатность прежде всего. Недопустимо, чтобы наши сотрудники бросили на себя малейшую тень!

— Я мог бы заразиться от нее гриппом, — сурово произнес инспектор Грант. — Ни за что не стал бы так рисковать!

— Ничего страшного, — успокоил Хемингуэй. — Проверить не мешало бы, но риск компрометации велик. Когда люди друг друга чернят почем зря, нам не пристало попадаться на удочку. Другое дело, что с миссис Хаддингтон связано слишком много необъяснимого. Будь я в силах поверить, что дама, в которой, на мой взгляд, не больше страсти, чем в мороженой треске, способна убить близкого друга за то, что тот волочился за ее дочерью, сидеть бы ей в кутузке!

Инспектор Грант давно раскусил своего шефа, но от этих слов изумленно разинул рот, а потом пробормотал по-гэльски:

— А улики? Вы шутите?

— Уверен, — сурово изрек Хемингуэй, — что, бомбардируя меня своим несносным гэльским, вы просто издеваетесь, зная, что я ни слова не пойму! Берегитесь, вот возьму и овладею этим языком. Тогда вам будет грозить разжалование, милый мой! Нет никаких улик — хотя еще вопрос, что называть уликами! — против любого из них, в том-то и беда! Взять хотя бы старшую Хаддингтон: тем вечером у Сэттона-Кэрю вышла с ней размолвка...

— Как и у мисс Бертли.

— Да. Не воображайте, будто я вычеркнул ее из списка подозреваемых! Но это еще не значит, что у нее был мотив удавить его.

— Может, она боялась, что он скажет Харту, что она сидела в тюрьме?

— Не исключено. Но что выигрывал сам наш клиент, выбалтывая Ужасному Тимоти ее секрет?

— Не знаю, — вздохнул Грант.

— Так и со всеми остальными. Иначе пришлось бы согласиться, что у нее были основания разделиться с кучей народу. Если на то пошло, то наушничать Ужасному Тимоти скорее стала бы сама миссис Хаддингтон. Он — неплохой кандидат в мужья для ее дочери, очень даже неплохой! Его папаша был состоятельным человеком, да еще и баронетом. Отвлечемся на время от злополучной Бертли. Чем мы располагаем против каменной матроны? Ну, повздорила с Сэтоном-Кэрю. Известно, что тот был ее любовником. Почти нет сомнений — он ухлестывал за ее дочерью. Она знала, что в тот вечер он ждал звонка, даже время, когда позвонят. Имела возможность совершить убийство. Ее показания некому подтвердить. Знаете, чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что по ней плачут наручники.

— А как же остальные? Взять хоть молодого Баттеруика...

— Потому-то она и на свободе. Вы видели его сегодня?

— Да, но ума не приложу, как с ним поступить! Ясно, что он опасается за свою жизнь. То рыдает, то вдруг начинает бушевать, того и гляди, сам кого-нибудь лишит жизни! Я осторожно намекнул ему, что, если верить миссис Хаддингтон, он бывал в ее доме всего дважды, и то по случаю больших приемов, когда вряд ли мог услышать телефонный звонок. Баттеруик побледнел, и я испугался, что он хлопнется в обморок. Мол, однажды, ужиная у Хаддингтонов, он слышал звонок. Спросите у миссис Хаддингтон, говорит, зачем она нас обманывает. Мы дураки, если считаем, что он способен на убийство друга. Об этом человеке сообщается такое, что даже вы, сэр, покраснели бы! Баттеруик твердил, что близок к помешательству, — думаю, это было единственной правдой во всех его речах. У него ушло не более пяти минут, чтобы доказать мне, как широк выбор

убийц Сэтона-Кэрю: тут и миссис Хаддингтон, и мисс Бертли, и Паултон, и Харт. Потом этот глупец стал мне внушать, что рассказы о его ссоре с бесценным другом в тот вечер — наглое вранье. Ну, как с таким работать?

— Трудно, согласен, — кивнул Хемингуэй, почесывая подбородок. — С неврастениками всегда так. Впрочем, он мне не нравится.

— У него больше причин для совершения преступления, чем у остальных.

— Не уверен. Это зависит от того, что Кэтеркотт отыщет в квартире. Да, войдите!

На пороге возник Кэтеркотт в тяжелом шерстяном пальто, со спрятанным в кашне подбородком. Размотав кашне, он поставил на стол пакетик.

— Ваша взяла, шеф! Полюбуйтесь! Каково?

— «Снег»? — догадался Хемингуэй. — Молодец! Где вы это нашли?

— Несколько книг в книжном шкафу оказались пустыми муляжами. Я бы отыскал их быстрее, если бы не проклятый сейф. Ну и голова была у этого Сэтона-Кэрю! Жаль, что он уже не с нами: вот бы потолковать с ним хотя бы полчаса! Зато, — добавил Кэтеркотт с видом терьера, учуявшего добычу, — теперь нам будет легче ухватить за хвост банду, которую мы выслеживаем уже четыре месяца.

— Мне это поможет? — осведомился Хемингуэй.

Кэтеркотт равнодушно покосился на него.

— Вам? А-а, вы про свое убийство! Вряд ли, сэр. Если повезет, эта партия наведет нас на след преступников, которые завозят товар в страну. Утром я доложу о находке суперинтенданту Хиткоту. — Он потер руки. — То-то он заинтересуется!

— Не сомневаюсь, — сказал Хемингуэй. — Отправляйтесь домой, на боковую. От зубной боли хорошо по-

могает клеверное масло, Джордж. Вы отлично поработали, не вздумайте на ночь глядя засесть за рапорт!

— Если я вам больше не нужен, то я пошел. — Кэтеркотт забрал свой драгоценный пакет. — Чую скорый снегопад. Теперь постояльцы отеля «Ритц» застрянут не на один месяц. Спокойной ночи, сэр! И тебе, Сэнди!

— Вот она, узость кругозора! — усмехнулся Хемингуэй, когда за Кэтеркоттом закрылась дверь. — Плевать ему на такие мелочи, как убийство! Ну, а наше дело, Сэнди, получило важное развитие. Утром нам предстоит новый визит к леди Нест Паултон.

— Почему не к миссис Хаддингтон? — спросил инспектор с легкой улыбкой.

— Потому что я не страдаю от узости кругозора! — отрезал Хемингуэй.

Но на следующий день в доме на Белгрейв-сквер ему сообщили, что ее светлости нет дома.

— Если имеется в виду, что она никого не принимает, то просто отнесите ей мою визитную карточку, — попросил Хемингуэй.

Дворецкий, тщательно скрывая злорадное торжество, отвечал, что ее светлость накануне вечером отбыла из Лондона. Он сожалеет, что не может сообщить старшему инспектору адрес или подсказать, когда она вернется, и рекомендует обратиться с этими вопросами к мистеру Паултону.

— А он не уехал?

— Нет, — подтвердил дворецкий, приподняв брови.

— Он дома?

— Мистер Паултон никогда не бывает дома в дневное время. Вы найдете его в конторе, старший инспектор. Есть ли у вас ко мне еще какие-либо вопросы?

— Да. Адрес мистера Паултона в Сити?

Детективы вернулись в машину. Пока она везла их в восточном направлении, Грант медленно произнес:

— Странно, что она укатила, хотя вчера ни словом вам об этом не обмолвилась...

— Зачем ей было говорить мне что-то? Леди Нест не подозреваемая. Хотя вы, конечно, правы: это дурно пахнет. Ей отлично известно, что ее муженек тоже под подозрением. Ну и момент выбрала, чтобы улизнуть в деревню! Что ж, посмотрим, чем нас побалуует наш невозмутимый друг.

Сначала всезнающий секретарь доложила, что у Годфри Паултона совещание, но долго ждать в приемной посетителям не пришлось. Уже через несколько минут их пригласили в просторный кабинет, устланный турецким ковром. Годфри Паултон восседал за широким двухтумбовым столом и разговаривал по одному из телефонов. Поприветствовав вошедших кивком, он указал им на кресла. Не похоже было, чтобы Паултон испытывал какое-то неудобство. Глядя на детективов отсутствующим взглядом, он слушал голос в трубке.

— Прекрасно... Жаль, нет! Я могу предоставить вам... — Паултон заглянул в лежавший перед ним открытый блокнот. — Двадцать минут завтра в одиннадцать сорок пять утра. Годится? Жду вас в это время. До свидания! — Он положил трубку. — Не беспокоить меня до ухода этих джентльменов, мисс Метуолд. Доброе утро, старший инспектор! Чем могу быть вам полезен?

— Мне очень поможет, сэр, если вы скажете, где я могу найти леди Нест Паултон, — ответил Хемингуэй. — Она ведь в отъезде?

— Вы ищете мою жену? — удивился Паултон. — Позвольте поинтересоваться, с какой целью? Насколько мне известно, она никак не связана с расследуемым вами делом.

— Тем не менее мне нужен ее адрес, сэр.

— Полагаю, вы сможете обойтись без него.

— Должен ли я понимать это как отказ его раскрыть, сэр, или он вам неизвестен?

— Первое, — спокойно промолвил Паултон. — Вы уже допросили мою жену — теряюсь в догадках, по какому поводу! — и она больше не желает, чтобы ее беспокоили.

— Без сомнения, сэр, но...

— Сам я тоже этого не желаю, — добавил Паултон. — Если бы существовала хотя бы отдаленная вероятность ее участия в убийстве, то все было бы иначе, и я ни минуты не утаивал бы от вас ее адрес. Но ситуация такова, что я считаю себя вправе отказаться раскрыть его вам.

— Сэр, никто не имеет права препятствовать представителю закона, находящемуся при исполнении служебных обязанностей, — отчеканил Хемингуэй.

— Я и не препятствую. То, что моей жены нет дома, как-то вам мешает, старший инспектор?

— Мне необходимо задать леди Нест кое-какие вопросы.

— Очень жаль... Наверное, на ваши вопросы смогу ответить я?

— Я предпочел бы задать их ее светлости.

— Сожалею, старший инспектор, я не могу позволить вам увидеться с ней. Ради экономии времени и во избежание дальнейшего спора скажу вам, что леди Нест нездоровится, и это не позволяет ей кого-либо принимать.

— Грустно слышать, сэр. Внезапный недуг?

— Нет. Несколько недель моя жена находилась на грани нервного срыва. Несчастье на Чарлз-стрит ускорило наступление кризиса. Удивлен, если вы сами не увидели вчера, как сильно ей было не по себе.

— Разумеется, я заметил, что ее светлость сама не своя, — мрачно подтвердил Хемингуэй.

— Странно было бы услышать иное. Ее нервы всегда на пределе. Леди Нест легко вывести из равновесия. С некоторых пор она страдает неврастенией.

— У меня создалось иное мнение, сэр.

Паултон усмехнулся:

— Вы по совместительству врач, старший инспектор?

— Нет, сэр, просто служу в полиции. Работа учит распознавать кое-какие симптомы.

— Неужели? Как загадочно! Хотя в болезни моей жены, как и в ее местонахождении, никакой загадки нет. Спешу сообщить вам, что она в частной лечебнице, и лечащий врач даже мне запретил навещать ее минимум неделю. — Он выдержал паузу. — В случае сомнений я бы советовал...

— Никаких сомнений, мистер Паултон. Охотно верю, что леди Нест находится в лечебнице и ей запрещены визиты. Благодаря этому у меня есть возможность беседовать с вами откровеннее, чем если бы меня сначала допустили к ней. То, что я скажу, вряд ли станет для вас неожиданностью. Во время нашего вчерашнего разговора с ее светлостью нам с инспектором Грантом, имеющим немалый опыт в подобных делах, стало ясно, что она употребляет наркотические средства.

— Полагаю, она принимает больше фенаcetина, чем это необходимо для ее здоровья. Да, еще валерьяна — хотя излишне объяснять, что то и другое ей прописали.

— Нет, сэр, препараты иного рода. Мы называем их «белыми»: кокаин, героин, морфий. В случае вашей супруги — кокаин.

Паултон машинально вертел в руках карандаш. Теперь он положил его и сказал ледяным тоном:

— Скверное предположение, старший инспектор!

— Поверьте, сэр, я никому не стал бы предъявлять подобное обвинение без веских оснований.

— Вы пожалеете, что выдвигаете против ее светлости это обвинение!

— Да, если оно окажется ложным. А теперь я открою вам, сэр, что в квартире Сэтона-Кэрю обнаружено большое количество кокаина.

На невозмутимом лице собеседника не появилось признаков удивления или тревоги. Он лишь нахмурился.

— Вот оно что! Я был недостаточно знаком с ним, чтобы судить, можно ли этого ожидать. Уверен, моя жена ничего не знала. Вы как будто считаете их близкими друзьями, но они ими не являлись. Это превратное мнение вместе с нервозностью ее светлости привело вас к заключению, будто Сэтон-Кэрю снабжал ее наркотиками. Дальнейшее понятно: будь это так, у меня возник понятный мотив задушить его. Добавлю, что ввиду сделанной в его доме находки я симпатизирую тому, кто его задушил! Но это так, к слову. Я не возражаю против обыска в моем доме. Рекомендую также позвонить лечащему врачу моей супруги. Вы уже его встречали: это Теодор Уэструтер. Пусть он объяснит вам причину нездоровья моей жены. А теперь, поскольку я почти уверен, что в связи с фантастичностью ваших предположений вы не обзавелись ордером на мой арест, вынужден просить вас удалиться. Я очень занят и не имею ни времени, ни желания слушать полицейские версии, тем более близкие к оскорблению! Всего доброго, джентльмены!

На тротуаре перед зданием инспектор вытер вспотевший лоб.

— Ну и ну, — пробормотал он.

— Хорош, не правда ли? — произнес Хемингуэй, сверкая глазами. — С самого начала повел себя так, будто мы пришли продать ему пылесос, который ему да-

ром не нужен. Смелая и решительная игра! У него было одно преимущество: он знал, что мы явимся с допросом. Интуиция подсказывает, что голыми руками его не возьмешь.

— А по-моему, он повел себя так, как должен себя вести приличный человек, которому сказали, что его жена наркоманка, какой она на самом деле не является.

— Вероятно. Милости прошу, мол, обыскивайте мой дом! Хотя кое в чем он перегнул палку.

— Назвал имя врача. Странно, что оно снова всплыло! Вы его навестите?

— Придется. Он ничего мне не скажет, кроме непонятных длинных слов, но не повидать его было бы неправильно.

— По-моему, это станет напрасной тратой времени. Он начнет все опровергать.

— Да. А если к нему не явиться? «Вы говорили с врачом? — Нет. — Почему? — Потому что я знал, что он будет лгать». Вы представляете, чтобы я попал в такую ловушку?

— Но у меня вопрос: если Паултон знал, что его жена принимает наркотики, то почему отправил ее лечиться только теперь? Момент выбран неудачно, словно специально, чтобы вызвать у нас подозрения.

— В таком состоянии она выдала бы себя, не говоря о нем. Паултон прекрасно знает, что при любом допросе жена выболтала бы все. Более того, ее источник снадобья иссяк, а от этого всего шаг до помешательства. Так он рискует гораздо меньше, чем оставляя жену на вольном выпасе. Наверное, смерть Сэттона-Кэрю заставила ее согласиться на лечение. Нельзя, знаете ли, засунуть человека в больницу для лечения от наркотической зависимости без его согласия.

— Разумеется.

— Более того, — продолжил Хемингуэй, — Паултон мог надеяться, что мы не станем обыскивать квартиру Сэттона-Кэрю, а если даже и сделаем это, то ничего не найдем. Любопытно, у потерпевшего были при себе наркотики в роковой для него вечер? Когда мы пришли к леди Нест, она не находилась под воздействием наркотика, а жаждала принять его. Очевидно, он собирался незаметно сунуть ей вожделенный пакетик. У убийцы было время залезть ему в нагрудный карман и забрать то, что там находилось.

— Это все теория, — напомнил Грант. — Доказательства отсутствуют.

— Иногда выстраивается стройная, хоть и не доказуемая версия, — заметил Хемингуэй. — А тем временем наступило время обеда. На полный желудок вы сможете попробовать выяснить, говорила ли Бьюла Бертли правду, утверждая, что после того, как она оставила в туалете проволоку, туда наведалась миссис Хаддингтон. Вряд ли хозяйка позволяла своим слугам оставаться в постели хотя бы на минуту дольше необходимого, так что после двух суток лежания с гриппом горничная снова должна была вернуться к делам. На Харли-стрит вы мне ни к чему. Закончив там, я вернусь в Скотленд-Ярд. Хочу приглядеться к вещественным доказательствам. Вперед!

В три часа, проскучав в приемной, Хемингуэй был приглашен во врачебный кабинет доктора Уэструтера — помещение в серых тонах, от бледно-жемчужных стен и прозрачных гардин до ковра оттенка слоновьей шкуры. Стены облагораживали скромные китайские гравюры. Посередине каминной полки красовался экран из тусклой яшмы, охраняемый двумя фарфоровыми фигурками богини Куан Инь периода Мин. Увязая в густом ковре, Хемингуэй гадал, насколько умиротворя-

ет нервных пациентов доктора Уэструтера эта неяркая, но дорогая обстановка. Уэструтер заработал репутацию успешного эскулапа, пользующего в основном состоятельных светских дам. Полиции он почти не был известен, если не считать отголосков отвратительных скандалов, задевших и его. Уэструтер владел контролирующей долей стоимости роскошной лечебницы, труд персонала которой оплачивался с необычайной щедростью; был с иголочки одет в визитку с бабочкой, словно позаимствованную из эпохи наивысшего взлета портновского искусства. Помимо дома на Харли-стрит, имел в собственности роскошную резиденцию у реки в Марлоу. Несколько недель в году он проводил в Биаррице или в Жуан-ле-Пэн.

Уэструтер поприветствовал старшего инспектора с безупречным хладнокровием и извинился, что заставил ждать. Его вызывали к больному, и он только что вернулся на Харли-стрит. Как Хемингуэй и ждал, он не услышал ничего из того, что хотел узнать. Леди Нест Палтон была, что называется, комком нервов. Доктор не гипнотизировал старшего инспектора заумными словесами, а лишь заверил, что состояние, в котором находится пациентка, хорошо знакомо любому профессионалу. Он не стал спорить, что несведущий человек способен принять данные симптомы за последствия применения наркотиков. Учитывая находки полиции в квартире Сэттона-Кэрю, он с готовностью прощал старшему инспектору его заблуждение, однако считал себя обязанным указать на серьезность подобных измышлений в отношении пациентки с таким происхождением и воспитанием. Доктор с пониманием отнесся к желанию старшего инспектора допросить леди Нест и высказал надежду, что подобная возможность появится приблизительно через неделю. Пока же ни о каких

визитах не могло быть речи. На первом месте для нее — отдых и покой.

Старший инспектор вернулся на службу и послал записку в отдел дактилоскопии. Вернувшийся инспектор Грант застал его за изучением фотографий при помощи увеличительного стекла. Рядом со старшим по должности находился белокурый молодой человек. Когда открылась дверь, он оглянулся и произнес:

— Полюбуйтесь, Сэнди! Ну, что скажете?

Грант подошел и кивнул блондину.

— Простите, что задержался. Девушка спала, пришлось ждать. Потом она спустилась в комнату слуг попить чаю. Я тем временем поболтал с личной горничной миссис Хаддингтон, постарался втереться к ней в доверие. Что это у вас, отпечатки с телефона?

— Они самые — то есть да! Так и знал, что вы меня заразите. Того и гляди, меня тоже начнут принимать за шотландца.

— Ничего не выйдет! — сухо промолвил Грант и наклонился над столом, чтобы приглядеться к разложенным на нем снимкам. — Это я уже видел. Ни одного отпечатка самого Сэттона-Кэрю.

— Это не важно. Больше ничего не замечаете?

Лоб инспектора прорезала морщина, он взял один снимок и уставился на него. У него за спиной раздалось деликатное покашливание блондина.

— Снимок нечеткий, — проговорил он извиняющимся тоном. — Сам я ничего не стал бы утверждать...

— Вас никто и не просит. Не пытайтесь влиять на решение инспектора!

Блондин густо покраснел.

— Прошу прощения, сэр, я вовсе не собирался...

— Цыц! — негодуя одернул его инспектор Грант. Взяв со стола еще две фотографии, он сравнил их с той,

которую держал в правой руке. — Я вижу то же, что и раньше: четкий отпечаток большого, указательного и среднего пальцев мисс Бертли. Вероятно, она взяла трубку всей рукой, но другие два пальца почти не отпечатались. Ясно вижу указательный палец дворецкого — но это, полагаю, к делу не относится.

— Да. Рассмотрите в лупу вот этот отпечаток! — потребовал Хемингуэй.

Инспектор взял лупу, настроил ее и уставился на фотографию. Потом, отложив один из снимков, которые держал в левой руке, подверг оставшийся тщательному изучению. Старший инспектор, глядя на фотографию, достал из кармана пачку сигарет и протянул молодому человеку.

— Держите! Даже скорбный умом шотландец видит то, что вы проглядели всем отделом!

— Ничего мы не проглядели, сэр! — возразил Фирск, вытряхивая сигарету из пачки. — Просто так неразборчиво, что никто не осмелится присягнуть в суде, что это такое!

Инспектор поднял голову от фотографий, которые держал теперь веером.

— По-вашему, это отпечаток пальца миссис Хаддингтон, накрывший отпечатки безымянного пальца и мизинца мисс Бертли? — произнес он. — Я согласен с Фирском: я бы воздержался от присяги. Слишком размыто.

— Но не настолько, чтобы помешать вам увидеть то, что вижу я, — сказал Хемингуэй.

— А вдруг мисс Бертли не прикасалась к трубке всеми пятью пальцами? В таком случае отпечатки миссис Хаддингтон — именно то, что должно там оказаться.

— Вам осталось лишь повторить, что рассказ этой девушки — ложь, и успокоиться! — вознегодовал Хемин-

гуй. — Хорошо, Фирск, с этим пока все. Можете унести. — Дождавшись ухода молодого дактилоскописта, он спросил: — Ну, что, Сэнди? Все подтвердилось?

— Скорее да, — признал Грант. — Я бы не доверял рассказам девушек в ее положении, потому что знаю об их склонности к вранью без причины, если не по причине нелюбви к полиции. Но, думаю, миссис Хаддингтон заглядывала в туалет до прихода гостей и уж точно отругала Элзи, что та достала из бельевого шкафа не то полотенце. В доме разноцветные полотенца, а Элзи взяла персиковое, из тех, что предназначены для комнаты самой миссис Хаддингтон, а не абрикосовое, из других, для туалета. — Он улыбнулся. — Сам я их, конечно, не различил бы. В общем, Элзи, меня полотенца, не увидела на полке никакой проволоки. Так она утверждает, хотя это может оказаться неправдой. Не знаю, зачем бы она стала отрицать, что видела ее. Элзи, глупышка, боится, что мы предъявим ей обвинение в убийстве! В общем вряд ли она видела проволоку. А вот другая, Гвенни Мапперли, не боится и с удовольствием причинила бы своей хозяйке вред. В конце месяца она увольняется. Гвенни охотно рассказывает обо всех неприятностях в доме; сами судите, насколько ей можно верить. Итак, первое — слуги, не поддерживающие миссис Хаддингтон, кроме дворецкого и повара, которым она платит щедрое жалованье. Дальше — мисс Бертли, которую слуги не любят — но, думаю, это зависть, поскольку она тоже в услужении у миссис Хаддингтон, но выше их по рангу. Когда миссис Хаддингтон на нее набрасывается, она не лезет за словом в карман. Чего мне только не наплели про ее вспыльчивость, взять хоть их стычку этим утром! А тут еще беда с мисс Синтией... Видел я ее краешком глаза — до чего хороша! Вовсю кокетничает по всему городу. Вчера легла только в три часа ночи —

долго танцевала невесть где с молодым лордом Гизборо. Разве это прилично? Но как бы ни хотелось миссис Хаддингтон выгодно пристроить дочь, лорда она, говорят, не жалуется, а нацелилась на Харта. Слугам, как и нам с вами, известно, что этот молодой человек повадился к ним не из-за мисс Хаддингтон, а из-за мисс Бертли. Думаю, вы не ошиблись, заподозрив, что миссис Хаддингтон вьет веревки из леди Нест: Гвенни Мапперли слышала, как она говорила с ней по телефону. Приказывала и прикрикивала, как будто ее светлости оставалось только повиноваться.

— Насплетничались вволю, не так ли? — подытожил Хемингуэй. — Что-то придется счесть преувеличением, но в целом картина правдоподобная. Рассказала что-нибудь ваша подружка Гвенни про покойного Сэттона-Кэрю?

— Кое-что, но гораздо больше она негодовала на хозяйку. Он уделял много внимания мисс Синтии, и ее матери это не могло понравиться. Но никто из служанок не знает, была ли та сама его любовницей. Даже если и была, то раньше, до переезда в Лондон.

— Что они говорят про ее реакцию на его смерть? Мне показалось, что она осталась равнодушной к происшедшему.

— Разве таких поймешь? Слуги утверждают, что она и глазом не повела. Правда, сегодня ее посетил врач и надолго задержался. Может, она опечалена гораздо сильнее, чем кажется? Это был доктор Уэструтер, — добавил Грант. — Он вам не говорил?

— Нет, я же не спрашивал. Я не удивлен, хотя он как будто не из тех, кто мотается по пациентам с чемоданчиком. Представляю, во сколько влетает одно его посещение! Чрезвычайно дорогой врач, скажу я вам!

— Опять этот доктор, шеф!

— Куда же без докторов! Если вы считаете, что закрученная на шее у Сэттона-Кэрю проволока — дело его рук, то позвольте напомнить о существовании более удобных способов прикончить ближнего. Нет, чем дольше я размышляю о фактах, тем больше меня тянет обратно на Чарлз-стрит для разговора по душам с миссис Хаддингтон.

— По-прежнему думаете, что это она? — уточнил инспектор.

— Так далеко я не захожу. Пока не знаю, но думаю, что все указывает на нее.

— Вопреки всему, что мы узнали, у вас все равно под подозрением она? Вы же хотели мотива, а у кого из них он есть, если не у Паултона?

— Знаю, — кивнул Хемингуэй и указал карандашом на телефон на столе. — Вот что застряло у меня в глотке, Сэнди! Как с самого начала застряло, так и торчит! Не важно, что и о ком мы еще узнаем, я постоянно возвращаюсь к одному и тому же.

— Из-за впечатков, похожих на пальцы миссис Хаддингтон, на аппарате, к которому ей было вполне естественно прикасаться?

— Из-за сильного подозрения, что они появились там уже после того, как мисс Бертли положила трубку. А я не понимаю, как трубка повисла на проводе, разве что ее намеренно привели в это положение. Только не надо предположений, будто ее столкнули в борьбе: может, я и смахиваю на легкого человека, но это лишь видимость. Сэтон-Кэрю мог бы опрокинуть столик, но не сделал этого. И к трубке он не прикасался...

— Наверное, потянул ее за провод? — высказал догадку Грант.

— Нет, иначе весь телефон сполз бы со столика. Давайте я обмотаю вам чем-нибудь шею — и посмотрим на

вашу реакцию, если только у вас останется время отреагировать, что вряд ли. Вы схватитесь не за телефон, а потянетесь к собственной шее, мой дорогой!

Инспектор молчал. Хемингуэй встал и снял с вешалки в углу свое пальто.

— Давайте больше не терять времени, — произнес он. — Едем на Чарлз-стрит!

— Они как раз одеваются к ужину! — напомнил Грант.

— Полагаю, популярности это нам не добавит, — согласился Хемингуэй. — Но я не стал бы сильно переживать из-за этого. Надеюсь, мы застанем их именно за данным занятием: так мы наверняка поймаем их до того, как они ринутся кокетничать с кем-то в городе. Поспешим!

Глава 13

Инспектор не преувеличивал: весь дом на Чарлз-стрит был охвачен беспокойством. Синтия ослушалась мать и провела предыдущий вечер с лордом Гизборо в ночном клубе. Вернувшись домой только под утро, она отправилась в кровать, даже не позаботившись смыть с лица краску. Мамаша, выплыв из своей спальни в бархатном халате до полу, издала недовольный возглас. Синтия, с трудом ворочая языком, заявила, что не допустит, чтобы за ней шпионили, и скрылась в своей комнате, хлопнув дверью.

В девять часов ее разбудила младшая горничная, явившаяся с полным подносом и этим вызвавшая у нее приступ истерики.

— Оставьте меня в покое! — велела Синтия. — Уберите мерзкий поднос! Ничего не хочу!

— Синтия, дорогая, выпей хотя бы немного кофе! — вмешалась миссис Хаддингтон, оказавшаяся тут как

тут. — Тебе станет лучше. Пора вставать. Мисс Спеннимор придет для примерки платья. Поставьте поднос на стол, Мэри!

— К черту мисс Спеннимор! — крикнула Синтия. — Если это твоё старое платье, я не стану его носить, мама!

Миссис Хаддингтон налила в чашку кофе, добавила сахару и протянула ей.

— Сядь и выпей! — распорядилась она. — Давай же, детка, порадуй мамочку!

Синтия нехотя села.

— Ну, ладно... Где молоко?

— Не надо молока, — мрачновато ответила миссис Хаддингтон. — Что ты вчера пила, Синтия?

— Конечно, шампанское. Ланс пригласил меня в...

— Синтия, говорила я тебе: никуда с ним не ходи! Теперь я вижу, что была права. Ты слишком много выпила, милая. Я не осуждаю тебя, но учти, ни из-за чего мужчина так не теряет облик, как от перепившей девушки! И потом, если бы тебя увидели в таком состоянии, например, Петуорты, то больше они тебя к себе на прием не пригласили бы. Я хочу, чтобы ты перестала встречаться с Лансом. Титулы — ещё не все, а даже если бы на них свет клином сошелся...

Синтия повела плечиком:

— Можно подумать, мне есть дело до какого-то дурацкого титула! Он мне нравится, понимаешь? Он не всегда пытается меня воспитывать — не считая, конечно, этого его идиотского коммунизма, но тут я всегда могу заткнуть ему рот. Ланс на все готов, чтобы сделать мне приятное! Даже повез меня вчера вечером во «Фринтон»! — Она вдруг хихикнула. — Разве он не душка, мамочка? Когда я туда попросилась, Ланс сначала перетрухнул, но потом проявил такую властность, я даже загляделась! Там находились эти несносные Кенелм Гизборо с супругой со всей

своей пыжащейся братией, но Ланс и перед Кенелмом не сплеховал. Как ни тошно было Кенелму, пришлось ему признать Ланса за своего. Забавно! Мы с Лансом долго хохотали, не могли остановиться.

Это занимательное изложение приключений ненаглядной дочери укротило миссис Хаддингтон. Видя, что мать помалкивает, Синтия добавила:

— Если заставить Ланса забыть про миллионы голодающих — а у тебя это отлично получается! — то он становится таким милым, что словами не опишешь. Конечно, он далеко не так хорош собой, как Тимоти, но Тимоти не посмеет проникнуть в клуб, в котором не состоит, да и потом, Тимоти нужна не я...

При всей практичности миссис Хаддингтон имелось слабое место и у нее: она никак не могла допустить, чтобы мужчина, любующийся ее дочерью, оглядывался на других женщин.

— Чепуха! — воскликнула она. — Если ему нужна не ты, то зачем он сюда ходит? Ты забыла, что вчера днем я застала тебя чуть ли не у него в объятиях?

— В нем бездна сочувствия, что верно, то верно, — согласилась Синтия, осторожно кусая тонкий тост. — Но какая же ты ненаблюдательная, мамочка! Тимоти без ума от Бьюлы Бертли! Не утверждаю, что не могла бы отбить его, если бы захотела, потому что этой Бертли со мной не тягаться! Но я уверена: именно Ланс — то, что мне нужно.

В памяти миссис Хаддингтон теснились неприятные воспоминания.

— Расчетливая негодница! — поморщилась она. — Ничего, скоро я с ней разберусь! Не обращай на нее внимания, деточка! Ни один мужчина даже не взглянет на нее, когда рядом ты. Не сомневаюсь, что она старается приманить его, но скоро я положу этому конец!

— Да ладно, мне безразлично! — сказала Синтия, утонув в огромных кружевных подушках. — Не нужен он мне. Я предпочитаю Ланса. И потом, ты здесь бессильна. Вчера она ужинала с ним в «Арманд». Там была Мойра, она их видела.

— Ах, так? — протянула миссис Хаддингтон и плотно сжала и без того тонкие губы. Посмотрев на дочь сверху вниз, она, поколебавшись, произнесла с деланой небрежностью: — Ничего страшного! А теперь вставай, милая, и ступай в мой будуар, мисс Спеннимур примерит на тебя платье.

Эта нехитрая просьба вызвала небольшой взрыв. Синтия, вздумавшая щедро оросить себя духами из резного флакона, разбила его при попытке вставить в держатель. Зато эта неловкость, спровоцированная приступом негодования, побудила ее наконец встать, поскольку даже она не могла долго находиться в комнате, пропитанной ароматами «Аравии». Сантия спустилась в будуар, к терпеливо дожидавшейся ее мисс Спеннимур.

Там она позволила себя раздеть, после чего ей было надето через голову старое шерстяное платье матери.

— Ну и вид у меня в черном! — закапризничала Сантия. — И потом, оно мне не по фигуре.

— Это лишь для похорон, деточка, — успокоила миссис Хаддингтон. — Постой спокойно, позволь мисс Спеннимур разобраться, что можно сделать. Только не на одной ноге!

— Мама, какие еще похороны? — взывала Синтия. — Не пойду, и все! Зачем мне этот мрак? Знаю, Дэн не настаивал бы на моем присутствии. Господи, в этой гадкой тряпке я сгнию заживо! Снимите ее с меня!

Мисс Спеннимур снисходительно поцокала языком и сказала:

— Моя дорогая, что вы такое говорите? А я как раз подумала: как это идет мисс Хаддингтон! Блондинкам лучше всего подходит черное. Подождите, то ли еще будет, когда я над ним поколдую! Вы получите выдающийся наряд! Вот заколю в паре мест булавками, и вы удивитесь... Сама я к похоронам равнодушна, но о вкусах не спорят. Иное дело — свадьбы. Когда мне охота пролить слезу, я иду посмотреть на пышное венчание в нашей церкви Святой Маргариты. А похороны... Никакого сравнения! Поневоле задумаешься, конечно, когда гроб передают земле, но если разобраться, то девять шансов из десяти, что произошло счастливое избавление. Взять хоть мою бедную мамашу, когда умер папаша. Как все изменилось, стоило вынести гроб из дома! Похороны папаши больше смахивали на пирушку. Как мы ликовали! Матушка полночи не спала, потчевала гостей, все отплясывала. В этот раз, ясное дело, все иначе, в доме нет гроба, но я уверена, что достойному джентльмену устроят пышные похороны!

Не обращая внимания на эти искренние утешения, Синтия сказала:

— Мамочка, если Ланс увидит меня в этом платье, его хватит кондрашка!

— Дитя мое, на твоем месте я бы не следовала за представлениями этого молодого человека о приличиях.

— Золотые слова! — поспешила прогнусавить мисс Спеннимур, вынимая изо рта булавки. — Вы уж на меня не сердчайте, я знаю, на кого вы намекаете. Как давеча говорила вам, миссис Хаддингтон, я хорошо знала его мать, бедняжку Моды Страттон. Уж если кто... Неудивительно, что она окрестила своего сынка Ланселотом! Начиталась стишков о каком-то Ланселоте, которые ей подсунил Хилари, вот и начудила. Хотя как это у нее вышло, ума не приложу, ведь что смог вымолвить

этот тип в поэме, когда увидел девушку, неподвижно лежавшую в лодке? Только что она пригожа лицом. Все это очень мило, и сам он был хорош собой, шлем и все прочее, да еще верхом — ведь, согласитесь, лошадь облагораживает мужчину. Я всегда так думаю, когда нахожу время заглянуть в Гайд-парк — позволяю себе порой подобное баловство... И все же внешность — еще не все, и я нахожу противоестественным обмирать от человека, который только песенки распевать горазд — а тот Ланселот, как я поняла, на одно это и был способен. Обхохочешься! Но Моды взяла и нарекла своего малыша Ланселотом! Она с самого начала не сомневалась, что родится мальчик, сколько я ее ни пугала, что не надо дразнить Провидение. И кто оказался прав? Я! Кого Моды произвела на свет? Двойняшек!!

Миссис Хаддингтон, молча внимавшая этим воспоминаниям, посмотрела на мисс Спеннимур. Впоследствии маленькая портниха назвала происшедшее «взглядом».

Мисс Спеннимур ужасно смутилась, закашлялась и пролепетала:

— Что-то я замешкалась...

От волнения она даже всадила в нежную Синтию булавку. Когда чувствительную девицу удалось наконец успокоить, мисс Спеннимур давно думать забыла о лорде Гизборо и его романтических предках и продолжила работу в почтительном молчании.

Едва она удалилась в свою рабочую каморку на третьем этаже, как в будуар вошла Бьюла, чтобы предъявить хозяйке счета за прошедшую неделю.

— Оставьте, я все сверю с книгами, — произнесла миссис Хаддингтон, прищурившись.

Бьюла вспыхнула:

— Разумеется. Вот они!

— Ступай, милая, — обратилась миссис Хаддингтон к дочери совсем другим тоном. — На твоём месте я бы здесь не задерживалась. Позвонила бы Бетти, может, она захочет прогуляться с тобой в парке, а потом пообедать с нами? Было бы чудесно, верно?

— Было бы ужасно! — заявила Синтия. — Лучше я пойду лягу. Мерзкое самочувствие!

После этого изящного признания она покинула будуар, не позаботившись затворить за собой дверь. Миссис Хаддингтон села за письменный стол и протянула руку за бумагами. Бьюла молча положила перед ней стопку счетов, бухгалтерские книги и собственную выписку.

— Кажется, вы верно подвели сумму, — после паузы промолвила миссис Хаддингтон.

— Неужели? А я думала, что мне удалось утаить целых полпенни, — съязвила Бьюла.

— Советую воздержаться от дерзостей, девочка моя. В этом доме такое не пройдет. — Миссис Хаддингтон достала из ящика стола чековую книжку и обмакнула ручку в чернила. — И вот еще что. Как мне известно, вчера вечером вы ужинали в «Арманд» с мистером Хартом.

— Что дальше?

Перо продолжило медленное движение по чеку.

— Полагаю, излишне спрашивать, знаком ли мистер Харт с вашей не совсем обычной историей?

С щек Бьюлы пропал румянец, сменившись мертвенной белизной.

— Не знаю, какое отношение это имеет к вам, — прошептала она.

— Самое непосредственное. Мистер Харт познакомился с вами под моей крышей, и совесть требует, чтобы я предостерегла его.

Бьюла схватилась за край каминной полки.

— Замысел понятен, — заговорила она, ловя ртом воздух. — Шарахнувшись от меня в отвращении, Тимоти угодил бы прямоком в объятия вашей дочери! Только, боюсь, этому не бывать: ему не по вкусу безмозглые блондинки. — Спohватившись, она добавила: — Простите, напрасно я это сказала!

Миссис Хаддингтон поставила на чеке кляксу, после чего повернулась в кресле и оглядела Бьюлу с головы до ног.

— Вы действительно намереваетесь женить на себе этого молодого человека? Забавно! Что-то мне подсказывает, что Харты не ищут невест в Холлоуэй*. Что ж, поглядим!

Бьюла сняла руку с каминной полки и шагнула к хозяйке:

— Что бы вы ни предприняли, он не женится на Синтии!

— Мисс Синтии, — поправила ее миссис Хаддингтон вкрадчивым голосом.

— Да будем вам! Если на то пошло, моя семья гораздо благороднее вашей. Вы специально выводите меня из себя, но напрасно! Я не отбивала Тимоти Харта у вашей дочери, он никогда всерьез о ней не думал. Ну, выйду я за него, вам-то что за забота? На ее руку найдутся десятки претендентов. Почему бы вам не оставить в покое меня и того единственного, кто меня предпочел? Я намерена выйти за него замуж не из-за его состояния и происхождения, не из-за того, что он унаследует титул баронета. Я люблю его! Думаете, вы мне помешаете? Не заблуждайтесь! Я уже не прежняя святая невинность, так что лучше выбросьте это из головы. Я столько месяцев терпела ваши нападки, потому что меня устраивала

* Большая женская тюрьма в Лондоне.

работа, однако вторжения в свою личную жизнь не потерплю! Если меня принудить, я на все пойду! Если Тимоти не будет со мной, то остальное мне безразлично. Я вас предупредила.

Из двери раздалось осторожное покашливание Фримби.

— Прошу прощения, мадам, я думал застать здесь мисс Синтию. Ее просит к телефону лорд Гизборо.

Бьюла, закусив губу, сердито сверкнула на него глазами.

— Вот чек, мисс Бертли, — холодно произнесла миссис Хаддингтон. — Будьте любезны завтра утром, до прихода на работу, оплатить счета. А сейчас спуститесь к миссис Фостон и выясните, какие покупки необходимы к завтрашнему дню. Мисс Синтия отдыхает, Фримби. Я поговорю с лордом Гизборо сама.

Пересказывая позднее данный любопытный эпизод своей коллеге экономке, Фримби был взволнован:

— Помяните мои слова, миссис Фостон, эта молодая женщина совсем не такая, какой кажется. Не зря я с самого начала относился к ней с подозрением.

— Что ж, — промолвила миссис Фостон, добродушная, как полагается толстушкам, — чему бывать, тому не миновать. Мне жаль девушку, мистер Фримби, но мой девиз — «следуй своему долгу». Я останусь тут до конца сезона, как я обещала миссис Хаддингтон, но ни минутой больше! Здесь все не так, как я привыкла, святая правда! Только наступили такие времена, что в лучших домах увольняют прислугу... — Она покачала головой. — Сами знаете, мистер Фримби!

— Да, — вздохнул дворецкий. — Куда катится мир?

— Вот, например, разговоры про рабочих, — продолжила миссис Фостон, тщательно исследуя и снова складывая чайную скатерть. — Можно подумать, люди тру-

дятся только на заводах и верфях. Никто не заботится о таких, как мы с вами или, скажем, мой брат, вынужденный наниматься садовником поденно, потому что никто больше не может держать старшего садовника, а ведь раньше ему подчинялись четверо! Устала я от всего этого, мистер Фримби!

— А еще говорят, прогресс...

— Он самый! Это когда любая девчонка, подготовленная хуже моей канарейки, требует столько же, сколько обученная горничная, начинавшая с самых низов. Делать меньше, загребать больше! Вот чего нынче всем подавай. И ведь добиваются, вот жалость-то! Нет на них никакого моего терпения!

Тут Фримби, понявший, что коллега оседлала своего любимого конька, счел за благо удалиться, вынудив миссис Фостон договаривать свой содержательный монолог в пустоту.

Слуги миссис Хаддингтон, за исключением миссис Фостон, предпочитавшей отмалчиваться, и повара Гастона, высокомерно безразличного ко всему за пределами его кухонной епархии, дружно заявляли, что не привыкли к убийствам. Старшая горничная, набравшись сил после говяжьего бульона, уведомила свою помощницу, принесшую ей в постель этот эликсир, что трупы задушенных имеют неприятный вид, а горничная, прислуживавшая за столом и подумывавшая об увольнении, утверждала, будто убийство Сэттона-Кэрю повлияло на ее душевное равновесие. Кухонная служанка, сирота, сказала, что ее тетушка не желает, чтобы племянница задерживалась в доме, где происходят столь противостественные события. Она, без сомнения, последовала бы примеру горничной из столовой, если бы не ее страх перед поваром Гастоном и не опасение увольняться без его согласия. Сам Гастон заявлял с галльским пылом,

что происходящее наверху несколько не затрагивает ни его, ни ее, неразумную и безгласную. Он полностью подавлял своим красноречием послушную Марджи, остальной же персонал, не одобряя его расхлябанную жизненную позицию, считал, что французу позволено и не такое.

Как ни сильно покорило убийство тонкие чувства слуг, трудно было отрицать, что оно их немало взбудоражило, а то и обрадовало. Мало того что преступление служило темой для бесконечных пересудов. Менее опытные друзья и родственники теперь проявляли к ним больше интереса, и это само по себе становилось причиной для гордости. Дошло до того, что младшая горничная оправдалась волнением из-за убийства, разбив утренний заварной чайник миссис Хаддингтон и забыв закрыть в ее ванной комнате занавеску. Эльзи, после постельного режима, утверждала, будто намерение Гранта допросить ее ставит под вопрос выздоровление после гриппа, хотя его визит добавлял ей значимости, и она ни за что на свете не отказалась бы удовлетворить любопытство инспектора. Фримби, подслушавший из своей каморки короткий телефонный разговор хозяйки с лордом Гизборо, внимал всем их утверждениям с видом исключительной осведомленности и ронял полные тайного смысла реплики, не зная, что еще Гамлет предостерегал своих друзей против подобных оплошностей.

В целом денек для персонала выдался стоящий, а тут и визит доктора Уэструтера, исполненный неясного мрачного значения. Напрасно чуждая возвышенности экономка напоминала, что врач навещает в дом не впервые. Факт, что он на целый час заперся с миссис Хаддингтон, предоставил пищу для догадок. Как мудро заметила мисс Мапперли, если хозяйке требовался лишь рецепт успокоительного средства для расшатавшихся

нервов, то на это ушло бы, по самым щедрым ожиданиям, не более двадцати минут. Вскоре за врачом пожаловал инспектор, и хотя его спуск на нижний этаж прогнал перепуганную кухонную служанку в судомойню, всем остальным он пришелся по сердцу. Во-первых, комната слуг резко выросла в значимости, а во-вторых, он вовсе не чурался тамошних собеседников, с похвалами и благодарностями пил предложенный чай и запросто болтал со всеми, вплоть до уборщицы, помогавшей кухонной служанке. В общем, инспектор покорила всех, и даже его певучая речь, сначала показавшаяся смешной, позднее добавила ему шарма. В комнате для слуг расстелили чайную скатерть, и миссис Фостон настолько расщедрилась, что достала из буфета банку с медом, который считала особенным шотландским лакомством. Добавочное восхищение инспектор вызвал тактичностью, с какой он загладил допущенную младшей горничной оплошность: та вслух прочитала надпись на наклейке, согласно ей, в банке находился отборный цветочный мед, продукт безоговорочно английского происхождения. Элизи, с трудом спустившаяся вниз с твердым намерением предстать триумфаторшей после изматывающего допроса, поведала, что завтра состоится дознание по случаю смерти бедного Сэтона-Кэрю. Задать вопрос о сроках дознания никто больше не удосужился, и хотя все были признательны храброй Элизи за дату и место события, ни эти откровения, ни даже хрупкое состояние ее здоровья не помешали мисс Мапперли посоветовать ей не изображать Мату Хари.

Сразу после ухода инспектора сенсацию произвел приход Сидни Баттеруика. Само по себе это никого не взволновало бы, но пикантности визиту придало сообщенное горничной из столовой обстоятельство, что раньше он звонил миссис Хаддингтон и просил разго-

вора, а на просьбу оставить сообщение ответил, что никакого сообщения оставлять не станет, и бросил трубку. Не располагая инструкцией не впускать Баттеруика, Фримби проводил его наверх, в гостиную, где миссис Хаддингтон, за полчаса до того закончившая чаепитие, пыталась убедить дочь, что идти вечером на прием с коктейлями ей было бы совершенно неприлично. Синтия уведомила мать, что любая попытка ограничить свободу сведет ее с ума, когда в комнате появился Баттеруик, тоже в лихорадочном состоянии. Пренебрегая приличиями, он заговорил прежде, чем Фримби успел доложить о нем:

— У меня к вам разговор, миссис Хаддингтон!

Никогда еще Фримби так не хотелось найти предлог, чтобы задержаться. Но такового не существовало. Чайный столик вынесли. По случаю тусклого февральского денька он сам в четыре часа задернул во всех гостиных шторы. В камине ярко горел огонь. Не нашлось даже полной пепельницы. Дворецкий был вынужден удалиться на лестничную площадку, а оттуда через две минуты к себе, поскольку Синтия, используя возможность ускользнуть от материнской опеки, вышла из гостиной и сильно удивилась, застав перед дверью его. Он смог поведать миссис Фостон совсем немного: Баттеруик спросил миссис Хаддингтон, зачем та, черт возьми, наврала про него полицейским. Она ледяным тоном ответила, что не понимает его, а он в ответ закричал: «Вы все отлично понимаете! Хотелось бы мне знать, зачем вы бросаете на меня тень подозрения, будто я виновен в смерти Дэна!»

Через четверть часа — Баттеруик еще не выходил от миссис Хаддингтон — Фримби открыл дверь новому посетителю — лорду Гизборо. Утром дворецкий слышал разговор миссис Хаддингтон с ним по телефону и ждал его прихода. Лорд Гизборо звонил с целью предложить

Синтии провести вместе еще один вечер, на что миссис Хаддингтон ответила, что ей самой срочно нужно с ним поговорить и она будет рада, если он найдет возможность заглянуть к ней во второй половине дня. Миссис Фостон заметила, что мадам давно пора научить его светлость уму-разуму, а мисс Мапперли уточнила, что старая-то устроит ему взбучку за то, что он задерживает мисс Синтию допоздна.

Поскольку лорд Гизборо был без шляпы, черная шевелюра растрепалась сильнее обычного, но это, похоже, волновало его не сильнее, чем отсутствие перчаток и трости. Он отверг попытку Фримби помочь ему снять пальто и прочитал ему краткую лекцию на предмет всеобщего равенства, что заставило дворецкого сильнее его презирать. Он зашел еще дальше и попросил Фримби не докладывать о нем хозяйке, но это возмутительное предложение дворецкий отмел и стал молча подниматься по лестнице, опередив его светлость.

В этот момент дверь на лестничной площадке над ними открылась, и стал слышен голос Баттеруика, заверявшего миссис Хаддингтон, что ничто теперь не принудит его появиться в ее доме. После этого он ринулся вниз по лестнице и чуть не врезался во Фримби. Обругав дворецкого, он увидел лорда Гизборо, занесшего ногу на первую ступеньку, покраснел, смущенно пробормотал извинение и кинулся мимо него в холл. Фримби, немного поколебавшись, завершил величественное восхождение, распахнул дверь в гостиную и объявил о приходе его светлости.

— А, лорд Гизборо! Рада, что вы смогли уделить мне несколько минут, — проговорила миссис Хаддингтон, вставая с дивана и протягивая ему руку.

Было ясно, что визит обойдется без драм, поэтому Фримби удалился, готовый при необходимости подать

Баттеруику пальто. Однако внизу он его уже не застал. О Баттеруике напоминала лишь ротанговая тросточка, которую он, видимо, забыл от волнения. Фримби спустился в свою комнату и устроился поудобнее, чтобы погрузиться в чтение вечерней газеты. Не позднее чем через полчаса его потревожил сильный хлопок входной двери, от которого содрогнулся весь дом. Позвонили из гостиной. Фримби встал с кресла, привел в порядок волосы и галстук и поднялся на второй этаж. Он не торопился, поскольку был грузным мужчиной, к тому же берег свое достоинство. В пути услышал голос хозяйки, спрашивавшей, не собирается ли он потратить целый день на то, чтобы явиться на звонок. Не дав ему времени на ответ, она продолжила самым едким тоном, какой только имелся у нее в запасе:

— Лорд Гизборо изволил нас покинуть. Имейте в виду, впредь для его светлости меня нет дома! Когда бы он ни позвонил, отвечайте, что ни я, ни мисс Синтия к телефону не подойдем. Вы хорошо меня поняли?

Дворецкий был далек от понимания того, что вызвало столь стремительную перемену, однако ответил с поклоном:

— Конечно, мадам.

— И передайте мисс Бертли, что я хочу ее видеть, прежде чем она уйдет.

— Мадам, мисс Бертли ушла четверть часа назад, в шесть часов, — доложил Фримби.

— Все эти профсоюзы с их правилами! — фыркнула миссис Хаддингтон и неприязненно усмехнулась. — Что ж, прекрасно! Можете нести в верхнюю гостиную коктейли.

Фримби опять поклонился, борясь с желанием заметить, что он и так намеревался принести коктейли, и если хозяйке захотелось коктейлей за полчаса до по-

ложенного времени, то она их получит, а свои неизбежные при этом соображения он оставит при себе.

— А еще, — крикнула миссис Хаддингтон, — я потеряла свою бриллиантовую брошь!

Дворецкий расправил плечи:

— Неужели, мадам? Крайне опечален и могу вас заверить...

— Я не обвиняю вас в воровстве! Застежка разболталась и, наверное, расстегнулась. Я просто сообщаю вам, что она где-то в доме и должна найтись при утренней уборке.

— Непременно, мадам. Я сам поставлю в известность служанок, — промолвил Фримби, готовясь к спуску.

Когда он принес поднос с коктейлями в гостиную, там было пусто. Пока Фримби поправлял подушки и приводил в порядок камин, с третьего этажа спустилась миссис Хаддингтон. Ее лоб был нахмурен.

— Не знаете, мисс Синтия ушла?

— Не могу сказать, мадам.

— Она не просила вас вызвать такси?

— Нет, мадам. Я не видел мисс Синтию.

— Что ж, видимо, сидит в будуаре, — продолжила миссис Хаддингтон.

В спальне дочери она заметила признаки быстрого переодевания и хотя не исключала, что Синтия всего лишь переоделась в вечернее платье, подходящее для дома, считала более вероятным, что дочь сбежала в новом смелом наряде на запретный прием.

В будуаре было темно. Миссис Хаддингтон закрыла дверь и, видя, что Фримби спустился следом за ней, произнесла:

— Мисс Синтия ушла. Сообщите Гастону, что к ужину я ее не жду, если она не вернется до восьми часов. Боже правый, кто там опять?

— Сказать, что вас нет дома, мадам? — осведомился Фримби, готовясь спуститься в холл и открыть дверь.

— Да. То есть нет! Если это леди Нест, сэр Родерик, мистер Харт, кто-либо еще, я их приму. — И она отошла в сторону, чтобы из двери ее не было видно.

Гость не принадлежал к перечисленным персонам. Однако миссис Хаддингтон, услышав с лестничной площадки ровный голос Годфри Паултона, вышла на свет и промолвила светским тоном:

— Мистер Паултон! Приятный сюрприз! Я как раз говорила дворецкому, что никого не приму, но вы — всегда желанный гость! Дорогая леди Нест не с вами?

Паултон отдал Фримби перчатки и шарф и ответил, задрав голову:

— Добрый вечер, миссис Хаддингтон! Нет, супруга не со мной. Буду очень признателен, если вы уделите мне несколько минут.

— Разумеется! — сказала она, не переставая улыбаться. — Надеюсь, вы не принесли дурных вестей о ней?

Он двинулся к ней вверх по ступенькам. Не ответив на вопрос, он сказал:

— Мы можем побеседовать наедине? Надеюсь, я вас долго не задержу.

Миссис Хаддингтон открыла дверь в будуар.

— Вы меня встревожили, мистер Паултон! Входите! Здесь нас никто не потревожит. Знаете, я весь день беспокоюсь за леди Нест. Так на нее не похоже — даже мне не позвонить!

Он проследовал за ней в комнату и закрыл дверь. Фримби вернулся вниз, где, встретив мисс Мапперли, сообщил, что назревает нечто необычное.

— У мистера Паултона нет привычки сюда заглядывать, — заявил он. — Судя по его виду, он пришел не от нечего делать.

— Не удивительно, — покачала головой мисс Мапперли, — если он пришел объявить, что после случившегося больше не пустит сюда ее светлость! Я видела его на приеме — очень властный джентльмен. Похож на Гэри Гранта, только старше и не такой красавец. Я так и сказала тогда Эльзи. Много бы отдала, чтобы узнать, что он сейчас говорит старой карге!

Однако ни ей, ни Фримби не было суждено выяснить, что говорилось в будуаре. Беседа была недолгой, звонок, оповестивший дворецкого о готовности гостя уйти, прозвучал минут через двадцать пять.

Выйдя в холл, Фримби увидел неторопливо спускающегося Годфри Паултона. На его бесстрастном лице нельзя было прочесть никаких эмоций. Паултон лаконично поблагодарил Фримби, помогшего ему одеться, принял у него перчатки и шляпу и направился к своей машине. Выпрыгнувший оттуда водитель распахнул перед ним дверцу. Он сел, и в тот момент, когда Фримби закрывал дверь, автомобиль тронулся с места.

Мисс Мапперли, с нетерпением ждавшая от дворецкого отчета, была разочарована и заметила, что сама больше почерпнет на предмет успеха или неудачи завершившегося визита из манеры миссис Хаддингтон, когда поднимется помочь ей переодеться к ужину.

— Всегда видно, когда она чем-то разозлена. Вот бы заключить с кем-нибудь пари!

Но звонок из спальни миссис Хаддингтон все не звенел. Фримби уже убирал в столовой со стола, а мисс Мапперли еще не вызывали наверх. Он сворачивал скатерть в виде водяной лилии, когда из холла послышались легкие шаги. Выглянув, он увидел Бьюлу Бертли, собиравшуюся покинуть дом.

— Я думал, вы уже ушли домой, мисс, — сказал Фримби.

Она вздрогнула и, обернувшись, покраснела.

— Не знала, что вы здесь! Ушла, но забыла чек миссис Хаддингтон, вот и пришлось за ним вернуться. Только не говорите ей, очень прошу!

Фримби, конечно, знал, что у мисс Бертли есть ключ, благодаря чему ему не приходилось открывать и закрывать дверь всякий раз, когда хозяйка куда-то посылала ее, однако он напустил на себя вид чрезвычайного неодоления и произнес:

— Мадам хотела увидеть вас до вашего ухода, мисс. Хорошо, что вы вернулись! Полагаю, вы найдете ее в будуаре.

— Не имею никакого желания ее искать, благодарю! — воскликнула Бьюла. — Я ушла с работы в шесть часов и теперь направляюсь домой. Не надо сообщать ей о моем возвращении!

— Если вы немного подождете, мисс, — продолжил Фримби, — я проверю, нет ли у мадам для вас задания.

Не без удовольствия заметив, что его слова заставили мисс Бертли нахмуриться, он важно направился в будуар.

Глава 14

Старший инспектор прибыл на Чарлз-стрит в половине восьмого. Фримби, с необычным проворством открывший дверь, уставился на двоих детективов так, будто не верил своим глазам.

— Не думал, что вы примчитесь так быстро! — признался он.

— Примчимся? — переспросил Хемингуэй, глядя на беспорядок в облачении дворецкого. — Мне нужна ваша хозяйка!

— Да, сэр, конечно. Прошу сюда.

Дворецкий подождал, пока оба гостя сбросят на кресло свои пальто, и повел их в будуар. Молча открыв дверь, он отошел, пропуская детективов в комнату и отводя взгляд. В кресле перед телефонным столиком сидела миссис Хаддингтон с вытаращенными глазами и отвратительно вываленным языком. Из-за ее затылка торчали концы проволоки для вешания картин. Старший инспектор замер на пороге.

— Святая Дева! — раздался у него за спиной голос Гранта.

— Когда это случилось? — спросил Хемингуэй, резко обернувшись к дворецкому.

Фримби покачал головой и облизнул губы:

— Не знаю. Я нашел ее десять минут назад. И сразу позвонил в Скотленд-Ярд. Там ответили, что вы будете здесь через несколько минут.

— Наверное, мы тогда уже были на улице, — пробормотал Хемингуэй. — Есть догадки, кто мог это сделать?

— Да, сэр! Или мистер Паултон, или мисс Бертли! Мисс Бертли я запер в библиотеке. Мистер Паултон ушел примерно полчаса назад.

— Хорошо! Скоро я с вами поговорю. А пока можете идти.

— Спасибо, сэр! — сказал Фримби и ушел.

Хемингуэй закрыл дверь будуара, несколько секунд подержал запястье миссис Хаддингтон и произнес:

— Похоже, чутье меня подвело. Ну и зрелище! Думаю, врача уже отправили, но вы на всякий случай позвоните в отдел. Не знаю, как давно она мертва, но тело еще теплое. Сообщите им, что у меня здесь убийство-дубликат и мне нужен стандартный набор инструментов.

Инспектор достал платок и, накрыв им телефонную трубку, поднял ее. Пока он говорил, Хемингуэй тша-

тельно осматривал труп. Кресло, в котором сидела миссис Хаддингтон, немного отъехало от столика с телефоном, голова была запрокинута, затылок опирался на позолоченную деревянную раму подголовника, ноги были вытянуты вперед. Руки свисали с подлокотников, платье с одного боку задралось. Старший инспектор обвел комнату цепким взглядом.

Грант положил трубку.

— Дактилоскописты и фотографы уже в пути, сэр, — доложил он. — Вот ужас!

Хемингуэй кивнул.

— Думаете, тут действует маньяк?

— Кто ж его знает!

— Полное повторение! — заметил инспектор, глядя на труп.

— Вы полагаете? А я нет. Если не ошибаюсь, хозяйку дома убили не в кресле. Посмотрите на ее позу! Чтобы так откинуться и прижаться затылком к подголовью, она должна была сидеть на самом краешке. А следы на ковре? Она сидела перед камином. Эти следы оставлены ее каблуками, когда ее тащили сюда.

Инспектор посмотрел на ковер. На нем остались две диагональные борозды против ворса.

— Зачем? — удивился Грант.

— Если бы я знал! Возможно, вы правы и мы имеем дело с маньяком. Или у преступника просто оригинальное чувство юмора.

— Паултон — кто угодно, только не сумасшедший! — возразил Грант. — Никогда не видел более здравомыслящего человека!

— Ради бога, Сэнди, не спешите с выводами! — раздраженно прикрикнул Хемингуэй. — Этим вы осложняете нашу задачу. Как будто без этого она простая... Мне нравится хладнокровие преступника: я еще расследую

первое убийство, а он уже подбрасывает второе! Бьет ду-
плетом! И не повторяйте, что у Паултона хватило бы на
это выдержки!

— Ch'an abair mi dad!

— Вы решили довести меня до белого каления? Что
означает эта тарабарщина?

— Случайно вырвалось, — вздохнул инспектор. —
Это значит: «Я больше ничего не скажу».

— Держитесь данного обещания, а я попробую вытя-
нуть дело из трясины, — произнес Хемингуэй и, смяг-
чившись, добавил: — Не сердитесь, Сэнди. Знаете, на
вечер я уже планировал арест, а тут...

— Где уж мне знать, — проворчал Грант.

— Нет, как вам это нравится? Предчувствую голово-
ломку от начальства! Кого там еще принесло?

Инспектор открыл дверь и впустил полицейско-
го врача. Доктор Йоксолл стремительно вошел, равно-
душно взглянул на труп в кресле и поставил чемодан-
чик на пол.

— Добрый вечер, Хемингуэй! Что тут у вас?

— Новая работенка для вас, сэр. Вам не надоело од-
нообразие?

Врач, не соизволив ответить, наклонился над трупом.
Через несколько секунд он сказал:

— Не могу сообщить ничего такого, чего вы сами
не заметили бы. Мертва менее часа. Задушена, способ
идентичен первому убийству в этой комнате. Ваша вер-
сия, старший инспектор? Маньяк-убийца?

— Она умерла там, где вы ее видите?

Острый взор врача мгновенно оценил расположение
тела.

— Трудно сказать. Она могла сползти вперед в пред-
смертной агонии. Скорее поза трупа должна была быть
другой, но я не готов утверждать, что эта поза проти-

воестественна. Действовал жестокий человек. Удачи вам, Хемингуэй. Когда закончите с телом, отправьте его в морг. Это не значит, что позднее я смогу сказать вам больше: не надейтесь. Тоскливое дело! Я сразу так подумал. Спокойной ночи!

— Единственное, что вызывает у этого типа интерес, — заметил Хемингуэй после ухода врача, — кровавая баня, когда с показаниями в суде приходится выступать врачам половины всех медицинских специальностей, выдающим черное за белое и посрамляющих вторую половину.

— Потише! — призвал его к порядку инспектор. — Здесь Брумли!

Вошло еще несколько человек. Хемингуэй поприветствовал кивком главного среди них.

— Все то же самое, Том! Придется повозиться, да? Сделайте общий снимок с телом и следами на ковре. Не мне вам рассказывать, на что обращать внимание, Брумли. Займитесь мебелью, каминной полкой, всем, к чему можно прикоснуться. Останьтесь, Стэнли; пусть санитары уносят тело, как только эти сотрудники закончат. И запирайте комнату!

Отдав распоряжения на ходу, он покинул комнату и спустился в холл, где его ждал Фримби.

— Послушаем, что расскажете вы. Пойдемте.

Он отвел дворецкого в столовую, где стол был накрыт на две персоны, что сильно коробило дворецкого.

— В ту минуту я как раз закончил накрывать стол для мадам и мисс Синтии, — объяснил он, ежась.

— В какую минуту?

— Точно не знаю, сколько было времени. Примерно семь часов. Я услышал в холле крадущиеся шаги, словно кто-то шел на цыпочках, приблизился к двери — вот так, и увидел мисс Бертли, выходящую из дома.

Его рассказ не произвел на старшего инспектора впечатления.

— Когда она обычно уходит?

— В шесть, если хозяйка ее не задерживает. Она уходила, старший инспектор, я собственными глазами это видел!

— Зачем мисс Бертли вернулась?

— У нее собственный ключ. Я очень удивился, когда опять увидел ее. Мне показалось, будто она старается остаться незамеченной. Я с ней заговорил, она вздрогнула.

— Вот как? Зачем она возвратилась?

— Объяснила мне, старший инспектор, что забыла взять чек, выписанный ей утром миссис Хаддингтон для оплаты счетов. Разумеется, я не должен навлекать на ближнего неприятности, но что делать, если это сразу показалось мне странным! Не подозрительным, а именно странным. Зная, что миссис Хаддингтон хотела поговорить с ней, прежде чем она уйдет, я попросил ее подождать, пока я все разузнаю у хозяйки. — Дворецкий сделал паузу и продолжил: — Мисс Бертли не захотела ждать. Собственно, ей не понравилось, что я направляюсь в будуар. Но я проявил настойчивость — и застал там... Не знаю, выпадало ли мне раньше такое же потрясение, старший инспектор!

— Что вы делали? — спросил Хемингуэй.

Голыми руками Фримби было не взять.

— Как только понял, что миссис Хаддингтон подло умертвили, я велел мисс Бертли идти в библиотеку и сразу послал за миссис Фостон, экономкой, чтобы та побыла с ней до вашего прихода.

— Что же делали вы сами? — повторил свой вопрос Хемингуэй.

— После ухода мистера Паултона приблизительно без четверти семь я находился в своей комнате, а потом пошел накрывать на стол.

— Теперь постарайтесь перечислить людей, побывавших здесь этим вечером.

— Сначала я должен поведать вам, старший инспектор, о весьма неприятной сцене между миссис Хаддингтон и мисс Бертли, которую подслушал сегодня утром. Конечно, я бы предпочел об этом не упоминать, но считаю своим долгом сообщить, что мисс Бертли говорила миссис Хаддингтон угрожающие слова. Мол, она не допустит вмешательства в свои дела и на все пойдет, если ее принудят. А потом — и это, должен признать, меня шокировало — что если ей не достанется мистер Харт — Тимоти, как она сказала, — то ей безразлично, что с ней будет дальше. В этом месте я счел подобающим вмешаться, что и сделал, старший инспектор. У мисс Бертли был такой вид, будто она готова убить — так я в тот момент подумал.

Хемингуэй слушал рассказ Фримби с полным безразличием на лице. Ему было интересно, но он намеренно огорчал дворецкого своей бесчувственностью. Он и не испытывал никаких чувств. Полагал, что мисс Бертли могла задушить свою работодателя, но допросил на своем веку столько свидетелей, что умел с ходу определить враждебную предвзятость. Своими умелыми вопросами Хемингуэй вытянул из Фримби вполне связное изложение событий дня.

— Итак, не считая врача, в дом никто не приходил между его уходом и появлением мистера Баттеруика? Отлично! Вы говорите, лорд Гизборо пришел до ухода Баттеруика. Вы видели, как ушел Баттеруик?

— Нет, я как раз провожал в гостиную его светлость. Когда я снова спустился, мистера Баттеруика уже не бы-

ло. Лорда Гизборо я тоже не провожал, хотя слышал, как он ушел. Его светлость не стал ждать, чтобы я его проводил, и сильно хлопнул дверью. Миссис Хаддингтон была вне себя: она обратилась ко мне совершенно непривычным образом и вышла на лестницу взглянуть, что меня задержало, хотя я не задержался, старший инспектор, просто не имею привычки бегать по лестнице! Затем хозяйка приказала мне в случае будущих появлений или звонков его светлости отвечать, что ее нет дома. Полагаю, миссис Хаддингтон не симпатизировала его светлости. Конечно, мне не подобает выражать свое мнение, старший инспектор, но трудно не сложить дважды два. Нельзя было не заметить, что его светлость ухаживал за мисс Синтией. Миссис Хаддингтон сама пригласила его сегодня днем, а он потом убежал, после чего миссис Хаддингтон произнесла вышеуказанные слова. Значит, она заявила ему, чтобы он забыл о мисс Синтии, потому что она не даст ему своего согласия. Напомню, мисс Синтия несовершеннолетняя. Строго между нами, старший инспектор, весь дом знает, что миссис Хаддингтон хотела видеть женихом мисс Синтии мистера Харта. Когда он пришел сюда впервые, я подумал, что это может получиться. Но ему сразу приглянулась мисс Бертли, и все выходило не очень-то приятно, ведь мисс Бертли — молодая женщина с характером и, увы, не всегда достаточно вежлива. Сегодня утром она меня сильно удивила, и я, естественно, не мог не вспомнить ее слова, сказанные мистеру Сэтону-Кэрю перед тем, как его убили. Это были почти те же самые слова, хотя сейчас я уже не могу воспроизвести их точно. Это была угроза.

— Забудьте пока про мисс Бертли! Что произошло после ухода лорда Гизборо?

— Я пошел вниз за коктейлями, чтобы подняться с ними в гостиную. Полагаю, миссис Хаддингтон загля-

дывала в комнату мисс Синтии, потому что, спустившись оттуда, спросила меня, где мисс Синтия. Мапперли — личная горничная миссис Хаддингтон — считает, что она убежала на вечеринку, но сам я этого не видел.

— Что было дальше?

— Миссис Хаддингтон проверила, нет ли мисс Синтии в будуаре. После этого явился мистер Паултон.

— Миссис Хаддингтон была рада его приходу или нет?

— Я подумал, сэ, что скорее миссис Хаддингтон рада его видеть, чем он — находиться здесь. Мистер Паултон вряд ли бывал в этом доме более двух-трех раз. Он недолюбливал миссис Хаддингтон. Но этот джентльмен не показывал своих чувств. Он пожелал говорить с миссис Хаддингтон с глазу на глаз, и она пригласила его в будуар. Это был последний раз, когда я видел ее живой.

— Понятно. Расскажите мне еще раз, что произошло, когда раздался звонок из будуара.

— Когда раздался звонок, я его уже ждал. Поднимался из полуподвала и, дойдя до холла, увидел спускавшегося по лестнице мистера Паултона.

— Он выглядел взволнованным или, как обычно, спокойным?

— Насколько я мог судить, спокойным. Но я плохо его знаю, и мистер Паултон, повторяю, не выдает своих эмоций. Спускался он медленно, надевал пальто тоже без спешки. Его ждала машина.

— Ясно, — кивнул Хемингуэй. — Вы сказали, я найду мисс Бертли в библиотеке?

— Да, сэ. Я не мог самостоятельно разрешить мисс Бертли покинуть дом. С ней миссис Фостон.

— Хорошо. Я знаю дорогу.

Бьюла и экономка сидели в библиотеке по разные стороны от электрического камина. Бьюла была без шляпки, но в твидовом пальто, в карманах которо-

го прятала руки. Она была бледна и напугана. Миссис Фостон, спокойно вязавшая, при появлении старшего инспектора встала. Сложив свое рукоделие, она произнесла:

— Сэр, мы с мисс Бертли сочли правильным послать за тетей мисс Синтии, мисс Пикхилл.

— Правильно сделали, — одобрил Хемингуэй.

— А я еще послала за мистером Хартом! — добавила Бьюла.

— Вы вправе вызвать кого хотите. Кому еще вы звонили?

— Никому.

— Хорошо. Если бы здесь столпилось пол-Лондона, это никому из нас не помогло бы. Спасибо, миссис Фостон, я вас больше не задерживаю.

Экономка посмотрела на Бьюлу.

— Воля ваша, сэр, но если мисс Бертли захочется, чтобы я осталась с ней, я не возражаю. Никто не заставит меня поверить, будто молодая леди способна такое натворить, что бы ни нес Фримби. Надо поговорить с ним по душам, пока он не состарился!

— Ступайте и поговорите прямо сейчас! — посоветовал Хемингуэй. — Если останетесь здесь, толку не будет. Если вы думаете, что полицейские носят в кармане тиски, то вас обманули: нам не разрешают!

— Все в порядке, — промолвила Бьюла, улыбаясь через силу. — Я не стану отвечать на вопросы до приезда мистера Харта.

— Ну, раз вы так уверены, мисс... — пробормотала миссис Фостон.

Старший инспектор открыл дверь, и экономка ушла. Затем посмотрел на Бьюлу.

— У вас дар влипать в неприятные ситуации? — усмехнулся он.

— Эта — худшая! Вам, наверное, уже рассказали про мою ссору с миссис Хаддингтон утром?

— Разумеется! Вы позволили себе угрозы? Глупо с вашей стороны, если вы задумали ее убить.

— Я ее не убивала!

— Вот с этого и начнем! Когда вы ушли?

— Я больше ничего не скажу! Знаю, до чего могут довести разговоры с полицейскими.

— Послушайте, — терпеливо произнес Хемингуэй. — Я готов верить, что полтора года назад вы стали жертвой подлого обмана. Но давайте договоримся: я не страшный серый волк! Я даже не инспектор Андербарроу!

— Если вы говорите об инспекторе, который вел мое дело...

— О нем, о нем! У него своя манера, у меня своя, и чем быстрее вы это поймете, тем лучше мы с вами работаем.

— Это вы мягко стелете? Я не убивала миссис Хаддингтон!

Вошел Грант и тихо сказал что-то шефу на ухо.

— Пришел, значит? Да, впустите, не возражаю. Минутку! — Взяв инспектора под локоть, он вывел его из комнаты. Там уже снимали пальто Тимоти и его брат. — Что происходит? Сколько еще людей сюда пожалует? Тут что, званный вечер? Добрый вечер, мистер Кейн! Кто вас сюда прислал, хотелось бы мне знать?

— Извините, но когда мисс Бертли позвонила моему брату, с ним находился я. Все взвесив, я решил его сопровождать.

— Из чувства заботы? Действительно, кто знает, что взбредет мне в голову и что я с ним сотворю? Мне казалось, сам может за себя постоять — и даже неплохо! Если захотите поговорить с мисс Бертли, мистер Харт,

то она там. — Хемингуэй указал на библиотеку и, когда Тимоти проходил мимо него, добавил: — Если вам удастся убедить ее, что самое глупое — отказаться отвечать на мои вопросы, то я буду очень рад, что она вас вызвала.

— Я тебя подожду, Тимоти, — сказал Джим брату.

— Как хочешь. Повторяю, в этом нет никакой необходимости! — бросил Тимоти через плечо.

— Если она предупредила его, что миссис Хаддингтон убили, значит, так оно и есть, сэр. Не желаете подождать в столовой? Там горит камин.

— С радостью. Не знаю, насколько серьезно вы отнеслись к провалу моего брата в том, другом деле, но новые события дают ему шанс оправдаться.

— Одно ясно: данное убийство — не его рук дело, — заметил Хемингуэй. — Если это вас успокоит, сэр, то я не намерен тратить время на вопросы о его занятиях сегодня днем. Вы покажете, что провели с ним весь день, а у меня и так достаточно дел, чтобы попытаться доказать, что вы меня обманываете.

Джим засмеялся и захромал в столовую. Старший инспектор повернулся к Гранту:

— За вами Паултон, Сэнди! Никаких обвинений, просто отвезите его в Скотленд-Ярд, пусть ответит на вопросы. У меня достаточно подозрений для ордера. Обращайтесь с ним вежливо и задержите, пока я не закончу здесь. Ничего с ним не делается!

Глава 15

В библиотеке Бьюла, вжавшая голову в плечи, когда открылась дверь, бросилась молодому Харту на шею:

— Тимоти! Господи, что мне делать?

Харт, научившийся хранить в тяжелом положении хладнокровие, поспешил прекратить то, что он верно оценил как начинающуюся истерику.

— Привет, милая! — Тимоти ласково поцеловал невесту. — Только не повали меня! У тебя в сумочке найдется пудра для лица?

— Конечно! Но...

— Припудри носик! Приведи себя в порядок! Какая ты отчаянная! Разве тебе неизвестно, что искусство очастливить молодого мужа начинается с умения всегда оставаться элегантно в его глазах? Если хочешь знать, здесь все важно, начиная с пудры и...

— Спасибо, закончить я могу сама! — перебила Бьюла, немного воспрянувшая от его оптимизма. — Не смейся надо мной! Я никогда в жизни не попадала в такой переплет. Я находилась здесь, Тимоти! Утром у меня с ней произошла ссора, которую подслушал Фримби. К тому же мне не полагалось тут быть...

— Так и вижу эшафот! Успокойся, любимая!

Бьюла высвободилась из его объятий.

— Дальше — больше. Я скрыла от тебя... Но теперь в этом нет смысла: не скажу я, так сообщит этот полицейский. Лучше тебе все узнать от меня.

— Не торопись! Не скрою, мне хотелось бы пролить свет на твоё темное прошлое, но если ты воображаешь, будто Хемингуэй откроет мне или любому другому юристу какой-то ужасный секрет, — избавься от своей иллюзии! Этого не случится.

Бьюла достала из сумочки носовой платок. Громко высморкавшись, она проговорила:

— До чего же ты милый! Твой брат почти напрямую обозвал меня скотиной за то, что я тебе не покаялась. Скорее всего, он прав.

— Единственное, что мешает мне немедленно предложить Джиму выбор между пистолетами и шпагами, — убеждение, что он ничего подобного не говорил! — заявил Тимоти.

— Ну, может, не в таких словах... В общем, я — бывшая арестантка!

Это признание не возымело ожидаемого результата. Бьюла думала, что Харт предпримет рыцарскую попытку скрыть свои чувства, и была готова, что он неприязненно отшатнется. Но то, как он себя повел, застигло ее врасплох: Тимоти упал в кресло у стола, уронил голову на руки и притворно простонал:

— Вот это да! Какой ужас, моя дорогая!

— Это правда! — в отчаянии крикнула она.

— Нет, я этого не вынесу! За что тебя посадили, моя радость? За непредумышленное убийство за рулем?

— За подделку и растрату! — выпалила Бьюла.

Тимоти вскинул голову, посмотрел на нее и протянул руку, которую она стиснула. Он усадил Бьюлу к себе на колени.

— Ты — моя драгоценность! Немедленно все выкладывай!

Вместо того чтобы внять этому призыву, Бьюла упала ему на грудь и разрыдалась. Харт разумно ограничивался словечками «брось!» и «будет, будет!» и терся щекой о ее всклокоченную голову и успокоительно похлопывал по плечу. Эта находчивость быстро принесла результат: Бьюла перестала рыдать и, икая, зашептала:

— Я этого не делала! Это не я, Тимоти!

— Послушай, милая, хватит меня пугать! Необязательно мне это повторять! Кто был твоим защитником?

— Я забыла... Запросила адвоката, и мне назначили какого-то старичка. Сказали, что по суду.

— Ладно, дорогая, все понятно! — воскликнул Тимоти. — Впервые за свою карьеру юриста я жалею, что выбрал стезю красная из Центрального уголовного суда! Вот если бы я мог выступить твоим защитником...

— О, Тимоти! — Бьюла уткнулась ему в плечо и всхлипнула. — Это ничему не помогло бы! Я была дурачкой! Мне никто не верил — и теперь вряд ли поверит! Я не могла придумать доказательств, что не делала этого, а если пришла в тот кабинет в позднее время — так это потому, что он мне позвонил и велел туда пойти и достать из сейфа конверт. Сказал, что забыл про него и теперь у него возникнут неприятности с дядей. Я должна была отправить ему конверт по почте. Но в суде было просто мое слово против его, и хотя судья был, по-моему, склонен принять мою сторону, жюри решило по-другому.

Харт не пытался решить загадку. Он просто достал большой носовой платок и, вытирая Бьюле щеки, приговаривал:

— Когда все это закончится, ты мне расскажешь. А пока сядь прямо, перестань меня поливать, а то промочишь насквозь! Сюда вот-вот войдет мой приятель сержант, он же старший инспектор Хемингуэй, не хочешь же ты, чтобы он застал тебя в луже из слез! И хватит бояться, что он арестует тебя за убийство по той причине, что однажды тебя осудили за подлог: он слишком хитер, чтобы так сглупить!

— Я не все тебе рассказала, — не унималась Бьюла, решившая облегчить душу. — Моя фамилия не Бертли. То есть это не вся моя фамилия.

— Дай наберусь смелости! Потому что если твоя фамилия Снукс или что-то в этом роде...

Она улыбнулась:

— Нет-нет! Мериден!

— Что может быть лучше? Правда, единственные известные мне Мерилены — консервативная семья из Уорикшира, помешанная на физкультуре и благих намерениях.

— Это они и есть! — воскликнула мисс Бертли.

— Прости, но наша помолвка расторгнута. Половина твоей ценности заключалась для меня в том, что у тебя нет родни такого пошиба! Прочь с моего колена!

Поспешность, с какой Бьюла выполнила команду, была вызвана появлением старшего инспектора Хемингуэя. Подбежав к висевшему над камином зеркалу, она стала приводить в порядок свой облик, лишь изредка издавая конвульсивные всхлипы.

— Милости просим! — сказал Тимоти. — Атмосфера очистится, если я скажу, что уже все знаю. Не стесняйтесь, старший инспектор! Я как раз внушал нашей очаровательной рецидивистке, что вы не арестуете ее только из-за того, что она попала впросак прежде, чем сподобилась познакомиться со мной и заручиться моим советом и поддержкой.

— Не арестую, — подтвердил Хемингуэй. — Но предупреждаю вас, мисс Бертли: если вы и дальше будете воспринимать меня как какого-то гестаповца, то мне и впрямь придется этому соответствовать и напустить на вас Андербарроу за то, что вы не соизволили зарегистрироваться после освобождения. Решайте сами!

Она обернулась и, вспыхнув, попробовала улыбнуться.

— У вас все равно ко мне предубеждение. Опыт общения с полицией не позволяет мне доверять вам.

— Старший инспектор докажет тебе, что бывают злые полицейские, а бывают добрые, — произнес Тимоти. — Ведь так, Хемингуэй?

— Ничего я не стану ей доказывать! Она сама убедится, что в полиции служат разные люди. Впрочем, про-

сто чтобы вам объяснить, что мы с Гиммлером не являлись друзьями, я все-таки замечу, что ваше дело вызвало у меня интерес. Я выяснил, что партнерство между Гарольдом Макстоком и его дядей прекращено.

Грустные глаза мисс Бертли вспыхнули, и она воскликнула:

— Так вы думаете...

— Ровным счетом никаких мыслей у меня нет! Собственно, откуда у меня возьмется интерес? То дело расследовал не я, меня занимают лишь умышленные убийства. Вы лучше мне объясните: что снова привело вас в этот дом сегодня вечером?

Бьюла покосилась на Тимоти, и тот сразу приказал:

— Сядь и отвечай полицейскому как на духу, дитя мое!

Повиновавшись, она нехотя проговорила:

— Это прозвучит совершенно невероятно!

— Как и все рассказы, которые мне приходится выслушивать, — успокоил Хемингуэй. — Притом что не все они — ложь.

— В общем, сегодня утром миссис Хаддингтон вручила мне чек, — начала Бьюла. — Она делает так каждую неделю. Я должна его обналичить и оплатить домашние счета. Я сунула чек в ящик этого стола и забыла. Пришлось вернуться, мне же полагалось оплатить счета завтра утром, перед приходом на работу.

— Можно мне взглянуть на чек?

Она порылась у себя в сумке.

— Вот он. Книг и счетов здесь нет, они у меня дома. Если вы кого-нибудь за ними пошлете, я могу объяснить, где их искать. Чек выписан на их точную сумму.

Хемингуэй взял чек, посмотрел на него и вернул Бьюле.

— На предъявителя. Где вы их обналичиваете?

— В банке на Пикадилли.

— Вы располагаете ключом от входной двери?

— Да.

— Когда вы сюда вернулись?

— Я... Не знаю!

— Давайте попробуем разобраться. Сколько было времени, когда вы ушли?

— Шесть часов, — с готовностью ответила она. — В холле били часы. Я давно закончила все дела, но миссис Хаддингтон не отпускала меня раньше шести.

— Что вы сделали, уйдя?

— Дошла до Грин-парк-стейшн и села в поезд до Ирлс-Корт.

— Вы живете на Неверн-плейс? Пять-семь минут пешком в каждую сторону. Что потом?

Она нахмурилась, напрягая память.

— Зажгла у себя в комнате газовый камин, сняла... Нет, не то! Я положила в свой секретер бухгалтерские книги и отдельные счета. Потом проверила, при мне ли чек, и обнаружила, что его нет. Я принесла книги обратно в чемоданчике. Знаю, это звучит глупо, но я подумала, что если сразу поспешу обратно, то миссис Хаддингтон будет одеваться к ужину и не узнает о моей оплошности. Обычно она очень сердилась на подобную забывчивость, и мне не поздоровилось бы, если бы она поймала меня здесь с чеком завтра утром. Напрасная трата хозяйского времени из-за моей беспечности! Вот я и вернулась.

— На метро?

— Да, на метро. Я отперла дверь своим ключом, неслышно юркнула в дом и шмыгнула в комнату.

— Не так быстро! — попросил Хемингуэй. — Вернемся ненадолго назад. Вы еще не ушли в шесть часов. К миссис Хаддингтон кто-нибудь приходил?

Бьюла заколебалась:

— Я никого не видела, но слышала звонки в дверь.

— Еще что-нибудь?

Она посмотрела на Тимоти, и тот тихо произнес:

— Будь умницей, милая! Что именно ты слышала?

— Собственно, ничего. Я узнала голос мистера Баттеруика. Но могла легко ошибиться. Я не прислушивалась.

Хемингуэй кивнул.

— Что потом?

— Пришел лорд Гизборо. Но я знала, что его ждали: слышала, как раньше об этом судачили слуги. Они часто обсуждали его... намерения. Я слышала его разглашательства... то есть разговор с Фримби.

— Вам известно, когда удалился мистер Баттеруик?

Бьюла покачала головой.

— А лорд Гизборо?

— Тоже нет. Когда я уходила, он еще оставался у миссис Хаддингтон: в холле висело его пальто.

Хемингуэй заглянул в свои записи.

— Хорошо. Возвращаемся к вашему второму приходу в дом. Долго вам пришлось ждать поезда на Ирлс-Корт?

— Нет. Я даже пробежалась, чтобы попасть на поезд.

— Как долго вы обычно едете?

— Минут пятнадцать-двадцать. Дорога занимает, как правило, полчаса.

— Можете прикинуть, сколько времени вы провели дома?

— Немного. Мне трудно вспомнить... Наверное, минут десять-пятнадцать.

— Полагаю, мы не ошибемся, если предположим, что вы вернулись в половине восьмого?

— Примерно, — подтвердила она, взволнованно глядя на него.

— Вы, случайно, не заметили, оставалось ли на вешалке в холле пальто?

— Я туда не взглянула, извините. Сразу поспешила сюда. Я заметила лишь свет в столовой, но никакого движения. Решила, что Фримби внизу. Он меня на дух не переносит — как, впрочем, и я его. Я знала, что, заметив меня, дворецкий обязательно наябедничает миссис Хаддингтон. Я открыла этот ящик — она указала на верхний ящик стола, — забрала чек и... попыталась незаметно сбежать. Но Фримби все же оказался в столовой и услышал, как я ухожу. Остальное вам известно. Я сглупила: попросила Фримби не выдавать меня. Да еще хотела не пустить его к миссис Хаддингтон с докладом, что я опять в доме, потому что знала: она непременно придумает для меня какое-нибудь гиблое задание... Напрасно я вам все рассказываю. Сама слышу, как фальшиво это звучит!

— Я бы так не сказал, — возразил Хемингуэй, делая запись в своем блокноте.

— Понятия не имею, зачем я ей здесь понадобилась! — воскликнул Тимоти. — Чудо, а не свидетель, верно, старший инспектор? Я бы без малейшего колебания поручил ей дать показания в суде.

Бьюла слегка улыбнулась.

— Еще один вопрос, мисс Бертли, — произнес Хемингуэй. — Вероятно, вы предпочтете, чтобы я задал его без вашего юридического консультанта? Он мог бы выйти к мистеру Кейну в столовую. Вам достаточно будет разок вскрикнуть, чтобы он примчался к вам на выручку.

— Неужели впереди новые отвратительные откровения? — предположил Тимоти.

Бьюла покачала головой:

— Нет, я не стану ничего утаивать от мистера Харта. Спрашивайте!

— Что явилось причиной вашей размолвки с миссис Хаддингтон утром?

Она вспыхнула.

— О!..

— Я вас предупреждал, — напомнил Хемингуэй.

— Надо полагать, причина размолвки вам уже известна. Не сомневаюсь, Фримби подслушивал. Миссис Хаддингтон пронюхала, что вчера вечером я ужинала с мистером Хартом и... и изволила гневаться.

— Дальше!

— Она... грозила рассказать ему... про меня. — Бьюла подняла голову. — Пообещала обязательно это сделать.

— А что сказали на это вы?

— Зачем спрашивать? Вы и так знаете.

— Неверно! — вмешался Тимоти. — Ему известен только рассказ Фримби. А ты озвучь собственную версию. Если хочешь, я выйду.

— Дело не в этом! Просто ты предлагаешь мне самой вдеть голову в петлю.

— Боже сохрани! — воскликнул Тимоти. — Теперь, любимая, ты должна все рассказать старшему инспектору!

— Я заявила, что собираюсь выйти за тебя замуж и пойду ради этого на все. Что-то в этом роде... Точных слов не помню, потому что была взбешена. Сказала, что не позволю ей помешать мне. Добавила, что ни перед чем не остановлюсь, если она попытается вмешаться. Но я же не имела в виду убийство!

— Нет? — уточнил Хемингуэй. — Тогда, может, объясните, что вы имели в виду, мисс Бертли?

Вид у нее был встревоженный.

— Ничего! Люди болтают много глупостей, не думая.

— А теперь подумайте! — посоветовал он. — Это может оказаться важным. Вы произнесли угрозу и сейчас

сами это признали. Если вы подразумевали не насилие, то что? Как вы могли навредить миссис Хаддингтон?

Тимоти, пристально наблюдавший за ним, проговорил:

— Бьюла, тебе известно что-то, чего она не желала разглашать?

— У меня были подозрения, но... Послушайте, это было несерьезно! Я просто хотела припугнуть ее. Я бы никого не стала шантажировать, даже миссис Хаддингтон!

— Какие подозрения, мисс Бертли?

— Я бы предпочла не отвечать. У меня нет доказательств, и потом... она мертва!

— Да, и я стараюсь выяснить, кто убийца, — сказал Хемингуэй.

— Я знаю, чем вы занимаетесь, — кивнула Бьюла. — И если какие-то мои слова... приведут к разоблачению преступника... — Она помедлила и воинственно закончила: — Будет очень жаль!

— Брось! — подбодрил ее Тимоти. — Твои личные симпатии здесь ни при чем. Я догадываюсь о твоих подозрениях, Хемингуэй, по-моему, тоже. Здесь замешана леди Нест Паултон?

Она опустила голову:

— Думаю, да. Я слышала один разговор... Не услышать было нельзя: обе стояли в задней гостиной, а я вошла в переднюю. Поняв, что я рядом, они, конечно, сразу прикусили языки.

— Что вы слышали? — спросил Хемингуэй.

— Леди Нест сказала: «И не подумаю, будь я проклята!» Мисс Хаддингтон издала свой злобный смешок и говорит: «Полагаю, вы поступите так, как я вам велю, дорогая Нест, потому что иначе вас ждет проклятие!»

— Спасибо! — промолвил Хемингуэй.

— Это не могло иметь того смысла, который я вообразила!

— Смысл сейчас не важен. Женщина, отправившая вас к покойному Сэтону-Кэрю, не думала, что вы станете доносчицей. Она считает, что вы принадлежите к преступному миру?

— Наверное. Видимо, она мне поверила.

— Сомнительно. Сэтон-Кэрю, увидев вас, сразу сообразил, что вы не та, кто ему нужен.

— Да.

— Вы догадывались, какой работы он ждал от молодой леди вроде вас?

— Тогда — нет. Лишь позднее, поразмыслив и вспомнив вопросы, которые он мне задавал, я поняла, что мне полагалось стать кем-то вроде осведомительницы.

Хемингуэй кивнул.

— У вас имелись основания считать его и миссис Хаддингтон сообщниками?

— Не знаю. Все, что могу сказать, — они были очень близки.

Он захлопнул блокнот и убрал его в карман.

— Что ж, больше я вас сегодня не задерживаю, мисс Бертли. Передаю вас вашему юридическому консультанту. Не скрою, пока он будет кормить вас ужином, я поручу своему сотруднику проверить ваши слова. Так принято, мистер Харт это подтвердит. Необходимо удостовериться, что счета лежат там, где вы сказали. Не хочется, чтобы возникли пересуды, так что извольте написать записку своей квартирной хозяйке. Пусть она позволит нашему человеку забрать из вашего секретера книги и счета.

Бьюла встала и шагнула к столу.

— Спасибо! Очень благородно с вашей стороны. Но я не уйду отсюда, пока не явится мисс Пикхилл. В лю-

бой момент может вернуться Синтия Хаддингтон, должен же здесь кто-то остаться, помимо слуг. Мисс Пикхилл приедет из Путни.

Зазвонил телефон. Бьюла потянулась за трубкой, но, опомнившись, вопросительно взглянула на Хемингуэя.

— Не беспокойтесь, доверьте это моим людям.

Когда Бьюла засовывала сложенный листок в конверт, бесшумно вошедший мужчина в штатском подал старшему инспектору клочок бумаги. Прочитав записку, Хемингуэй сказал:

— Хорошо, Снеттисхэм. Ступайте по данному адресу. — Он отдал сержанту адрес Бьюлы. — Вручите записку квартирной хозяйке. Не надо представляться сотрудником полиции. Она отведет вас в комнату мисс Бертли и позволит забрать стопку счетов и бухгалтерских книг на имя миссис Хаддингтон. Вы найдете их в секретере. Он не заперт, мисс Бертли?

— Нет, ключ внутри. Откроете крышку и увидите счета. Вот только... Вас не затруднит закрутить газ? Я оставила его гореть, а поскольку утром опустила шиллинг, он, наверное, еще не погас.

— Да, погасите огонь! — распорядился Хемингуэй. — Поедете на метро со станции Грин-парк, вернетесь тем же путем. Засеките время. — Он отпустил сержанта и повернулся к Бьюле: — Телефон надо переключить на эту комнату или я могу сразу взять трубку?

— Сразу. После прихода мисс Пикхилл я смогу уйти или мне следует дожидаться возвращения вашего сотрудника?

— Нет, я доверяю мистеру Харту, он за вами приглядит, — ответил Хемингуэй, открывая дверь.

Она помедлила.

— Спасибо. Простите мне мою прежнюю грубость.

— Все в порядке. Вы мне очень помогли.

Выпроводив ее и Тимоти, он уселся за стол и снял трубку.

— Это вы, сэр? — раздался голос инспектора Гранта.

— Я. Откуда вы звоните?

— Из вашего кабинета, сэр. Мистер Паултон прямо с Чарлз-стрит отправился на аэродром Нортхолт и улетел в Париж.

Глава 16

За этим сообщением последовало такое долгое молчание, что инспектор Грант не выдержал:

— Вы слушаете, сэр?

— Да, — отозвался Хемингуэй. — Где вы об этом узнали?

— От вас я поехал на Белгрейв-сквер. Там дворецкий мне и сообщил, что Паултон улетает в Париж на деловую встречу, намеченную на завтрашнее утро. Я спросил, когда он ожидает Паултона обратно, и он ответил: завтра вечером. Я что-то сомневаюсь...

— Вы съездили в Нортхолт?

— Разумеется. Но было поздно, самолет уже взлетел. Я видел водителя. О поездке на аэродром ему сообщили еще позавчера.

— Велели встречать самолет завтра?

— Конечно. Но что это доказывает? Он может съездить в Нортхолт и вернуться оттуда пустой. Прикажете запросить экстрадицию?

— Нет, бесполезно. У меня маловато улик, чтобы добиться ее.

— Разве есть еще кто-нибудь с таким же мотивом, чтобы совершить эти преступления?

— Пока не знаю. Поверьте мне, большой бизнес мои улики не потревожат. Утром поезжайте в офис Паултона и проверьте, что там за деловая встреча. У меня тут

возникают всякие забавные мысли насчет этого дела... Приходится постоянно напоминать себе, что самые лучшие догадки — те, что пришли в голову первыми. Я побуду здесь до прихода сестры миссис Хаддингтон. А вы поезжайте туда, где обретается Сидни Баттеруик — у вас есть адрес, кажется, это на Парк-лейн? Что он вам поведаст? Если не узнаете от него ничего неожиданного, можете не показываться до завтрашнего утра.

— А вы, старший инспектор, куда отправитесь с Чарлз-стрит? — вежливо осведомился инспектор.

— В Скотленд-Ярд, куда же еще!

— Там и увидимся.

— Хорошо, Сэнди. Вы, конечно, тот еще тупица, но, если исключить вашу привычку дышать на меня гэльским, у меня еще не бывало такого хорошего помощника!

— *Moran taing!** — откликнулся инспектор.

Судя по щелчку, он положил трубку. Хемингуэй сделал то же самое, решив при первой возможности выяснить смысл данной таинственной прощальной формулировки, и вышел в холл, где сидел один из его подчиненных. Последовали инструкции об опечатывании дверей в спальню и в будуар миссис Хаддингтон. Подчиненный преодолел только первый лестничный пролет, когда во входную дверь позвонили. Заменяя Фримби, отдохавшего у себя в полуподвале, Хемингуэй открыл дверь и впустил мисс Вайолет Пикхилл, напялившую, как приходилось предположить, первую шляпу и первое пальто, попавшиеся ей под руку. Пошарив в складках пальто, она нашла пенсне на тонкой цепочке и насадила его себе на нос, чтобы через стекла с сильным увеличением подвергнуть старшего инспектора подозрительному рассмотрению.

* Далее в тексте следует объяснение инспектором значения этого слова. (Примеч. ред.)

— Кто вы такой?

Хемингуэй представился, с неприятною уловив в собственном голосе извиняющиеся нотки.

— Отвратительно! — заявила мисс Пикхилл и сдернула пенсне с носа. — Я не о вас, — оговорила она более милостиво. — Надо же до такого дойти! Но я всегда знала, что Лили нарвется на неприятности. Твердила ей, что от ее поведения наш бедный папаша перевернется в гробу. Разве я не оказалась права? Где моя племянница?

— Мисс Хаддингтон еще не возвращалась, — по-лакейски доложил Хемингуэй. — По мнению слуг, она на каком-то приеме, но к ужину должна вернуться. Мисс Бертли — секретарь миссис Хаддингтон...

— Еще бы мне не знать, кто такая мисс Бертли! — перебила его мисс Пикхилл. — Это она мне позвонила, за что я ей признательна. Самое подходящее поведение, что бы ни говорила моя сестрица. Конечно, теперь моя сестрица уже ничего не скажет, потому что я не верю в спиритизм и никогда не поверю!

К облегчению старшего инспектора, появился таксист, принесший чемодан и ожидавший теперь платы за свои услуги. Покопавшись в своей вместительной сумке, мисс Пикхилл вручила ему вознаграждение и не удержалась от критики: мол, чаевые были бы выше при более умеренной таксе. Любые возражения, заключила она, таксисту следует адресовать Хемингуэю, которого она представила как «полицейского». Таксист благоразумно ретировался, оставив при себе просившуюся с языка отповедь, и мисс Пикхилл, захлопнув за ним дверь, обратилась к Хемингуэю с требованием посвятить ее в обстоятельства убийства сестры.

Отведя ее в библиотеку, он поведал об удушении миссис Хаддингтон в будуаре. Она назвала это божьей карой, а затем велела Хемингуэю ответить, за что сия ка-

ра последовала. К его удивлению, миссис Пикхилл никак не прокомментировала его слова.

— Только вчера я говорила мистеру Бросли — это наш викарий, в высшей степени просветленный человек! — что женщина без веры подобна кораблю без руля, — наконец произнесла она. — И он меня поддержал! Мы не упоминали мою бедную сестру, боже упаси! Какие бы мысли меня ни посещали, я слишком предана своей семье, чтобы обсуждать ее даже с преподобным Бросли. Но ведь все к этому шло! С момента замужества с Хьюбертом Хаддингтоном — учтите, ее отец был против! — Лили покатила по наклонной плоскости. Отец всегда говорил — он весьма своеобразно выражался, хоть и был прилежным прихожанином, — что Хьюберт негодяй. Лили, ясное дело, пошла в семейку Уолли, тут уж ничего не поделаешь. Это родня моей матушки — я дурного слова о ней не скажу, однако нельзя отрицать, что до Пикхиллов им было далеко! Матушка, естественно, было совсем другой, но, помнится, батюшка повторял, что ее родня — неприятные люди. Боюсь, они были далеки от веры и, как говорил папаша, только и высматривали, чем бы поживиться. Лили в них. Сама бесчувственность! Разве что о моей племяннице заботилась и, как это бывает, баловала ее! Что в итоге? Девочка занимается только своим личиком и снует по коктейлям, а мою бедную сестрицу и вовсе убили! Не будь мистер Сэтон-Кэрю сам уже мертв, я бы сказала, что это его рук дело!

— Неужели, мадам — рассеянно произнес Хемингуэй, хотя инспектора Гранта его тон не ввел бы в заблуждение. — Любопытно почему?

— Я всегда доверяю своей интуиции. И она никогда меня не подводит! Стоило мне разок на него взглянуть — и все стало ясно. Разумеется, он приятельство-

вал с Хьюбертом Хаддингтоном. Только не спрашивайте меня о его отношениях с моей сестрой! Об этом я предпочитаю даже не думать. Дурного лучше не слышать, не видеть, не упоминать!

— Верно, мадам! — кивнул Хемингуэй. — Можно осведомиться о профессии покойного мистера Хаддингтона?

— Если вы раскопаете это, то значительно превзойдете моего отца! Он считал Хьюберта авантюристом. То они разъезжают в «Роллс-Ройсе», то у них ни пенни в карманах! Не забуду тот день, когда выяснилось, что портной подал на Лили в суд графства за неоплату счета! Как выразился тогда папаша, многое можно стерпеть, только не иск в суде графства! В другой раз смотрим — она опять ездит в собственной машине, да еще с водителем, и так все естественно, что отец даже впустил ее в дом, хотя раньше клялся, что больше этого не будет. Это происходило много лет назад, Синтия была еще совсем ребенком. После смерти Хьюберта Лили слонялась по Европе вместо того, чтобы поселиться со мной, как я ее ни упрашивала. И Синтия могла бы учиться в нашей нормальной школе, что лучше, чем этот дурацкий пансион в Швейцарии, куда ее сбагрила Лили! Но сестре всегда хотелось всего самого лучшего. Даже когда была малышкой, она требовала себе самые красивые платья с ручной вышивкой! Одному богу известно, сколько она потратила на дочь! Не стану отрицать, девочка загляденье как хороша, но моя сестра вбила себе в голову, будто для нее годится только самый состоятельный жених, чем исчерпала терпение самого Провидения! «Гляди, возьмет и сбежит с шофером!» — предостерегла я однажды Лили. Никогда не забуду, как бесценная престарелая тетушка Мод спросила, не собирается ли Лили выдать дочь за принца Уэль-

ского. Это было сказано для красного словца, ведь тогда у нас не было принца Уэльского и тетушка Мод знала это не хуже любого другого, потому что если и заговаривалась, то только на определенные темы, да и то уже перед самой кончиной...

Она замолчала, чтобы перевести дух, Хемингуэй, при всей признательности ей за столь познавательное выступление, сделал вывод, что мисс Пикхилл не осведомлена о частных делах сестры. Он воспользовался паузой, чтобы узнать, как зовут юриста миссис Хаддингтон.

— Я удивлюсь, если Лили забрала свои дела у дражайшего мистера Эддлстона, — ответила мисс Пикхилл. — Конечно, теперь всем занимается Эддлстон-младший, но я точно знаю, что ее завещание хранится у них. Лили говорила, что назначает меня одним из опекунов бедной Синтии на случай, если с ней самой что-нибудь произойдет, чего она совершенно не ждала, как и я, да и Эддлстоны тоже. Я еще сказала ей тогда: «Только не Лоуик, иначе я откажусь». Лоуик — младший партнер, и когда меня угораздило заглянуть к нему по поводу земельной ренты, то он заставил меня прождать целых десять минут, а принял с трубкой в руке! Вы же понимаете, почему я так о нем отзываюсь: всему есть предел!

Соглашаясь с этим последним заявлением, Хемингуэй записал имена юристов и сказал:

— Спасибо, мадам. Думаю, пока что это все. Я немедленно свяжусь с мистером Эддлстоном. Как вы понимаете, мне придется заглянуть в бумаги миссис Хаддингтон — в присутствии ее адвоката, конечно. Ее будуар и спальня останутся заперты.

Мисс Пикхилл истолковала его слова превратно.

— Не возьму в толк, — произнесла она оскорбленным тоном, — зачем вам личные бумаги моей бедной

сестры. Что касается запертой двери ее спальни, то это и просто возмутительно!

— Требование инструкции, только и всего! — отрезал Хемингуэй.

— Кто бы сомневался! Именно об этом мне и говорил третьего дня преподобный Бросли! Незаконное посягательство — вот что это такое! С самой войны чиновники возомнили, будто могут творить все, что пожелают. Увы, полиция ничем не лучше министерства продовольствия, полюбившего лезть не в свои дела и указывать людям, как готовить капусту, хотя это было известно всем задолго до того, как эти самозванные учителя народились на свет!

— Мне не пришло бы в голову учить вас готовить капусту, мадам, — заверил Хемингуэй. — Во-первых, я в этом не разбираюсь, а во-вторых...

— Лучше муштровали бы своих новичков! Во времена моей молодости полицейские были такие вежливые, сама учтивость, а что я вижу теперь, когда бываю в Лондоне? Молодых констеблей со впалой грудью и с выпяченными животами, позволяющих себе повышать голос! Отец наверняка переворачивается в гробу!

Подумав, что от такого беспокойного усопшего, как мистер Пикхилл, достается, похоже, всему кладбищу, Хемингуэй робко поддакнул:

— Да, мадам! Я и сам часто прихожу к подобному заключению. И все же вы вряд ли станете мешать мне в поисках убийцы миссис Хаддингтон?

— Ни в коем случае! Чувства чувствами, но я считаю себя добросовестной гражданкой. «Добросовестный гражданин» — так называлась последняя лекция в Консервативном женском институте. Чрезвычайно интересно! Но мне невдомек, как изучение писем и вещей моей сестры поможет найти того, кто ее убил. Учтите, — за-

кончила мисс Пикхилл туманно, но все равно устрашающе, — все мы в равном положении.

К счастью для старшего инспектора, его спасло появление детектива Бэгби, доложившего о возвращении домой мисс Хаддингтон, за которой в данный момент приглядывает мисс Бертли.

Мисс Пикхилл поежилась и встала:

— Иду к ней. Бедное несведущее дитя! Какой ужас — смерть во цвете лет! Вряд ли ей знакомы эти справедливые слова, ведь она воспитывалась в чужой стране...

Синтия Хаддингтон, сидевшая в столовой в норковом манто поверх изысканного лимонно-желтого платья и в каштановой шляпке с желтыми перышками, с любопытством разглядывала Джеймса Кейна. В одной руке она держала сигарету, в другой сумочку и пару длинных перчаток. Нетрезвой ее назвал бы только пурист. Даже чрезвычайно высокие каблуки открытых туфель не делали ее походку шаткой, а если глаза и были немного покрасневшими и припухшими, а смех слегка неуместным, это ничуть не сказывалось на связности речи.

— Так вы — брат Тимоти? Замечательно! Дорогой Тимоти, почему вы не были на приеме у Джун? Могли бы пригласить меня куда-нибудь поужинать. Ко мне привязался Филипп Арнклифф, до того перебравший, что даже не отвадил эту несносную Террингтон с ее новым дружкой! «Вот тоска! — сказала я ему. — Даже не подумаю!» И поехала домой. Наверное, мама на меня зла? Честно говоря, я бы не смогла просидеть дома целый день. У Джун подавали восхитительные новые коктейли с абсентом, от них становится так весело! Господи, и вы здесь, тетя Вайолет? А вы кто?

Хемингуэй, к которому был обращен последний вопрос, сохранил тактичное молчание. Он впервые видел красавицу дочь миссис Хаддингтон и был потрясен: ему

говорили, что она хороша собой, но к настолько безмозглой красоте оказался не готов.

Мисс Пикхилл, постаравшись удалить из своего голоса присущую ему визгливость, предупредила Синтию о грядущих дурных известиях и вызвалась проводить ее наверх, в спальню. Синтия вытаращила на нее глаза.

— И не подумая! Еще чего, тащиться к себе! — возмутилась она. — Собственно, с какой стати? К ужину никто не придет. Останусь в чем есть. — Она поморгала и вдруг спросила: — Что вы все здесь делаете? Я опоздала к ужину? Где мама?

Мисс Пикхилл откашлялась:

— Твоя дорогая матушка... С ней произошло несчастье, Синтия.

— Несчастье? Какое? — спросила Синтия, швырнув окурок в камин.

— Нет, я не смогу! — смалодушничала мисс Пикхилл, поспешно села и от волнения зажала себе перчаткой рот.

— Говори, Тимоти, — тихо промолвила Бьюла. — Лучше ты.

Тимоти, пытавшийся вместе с Джеймсом Кейном незаметно выскользнуть из комнаты, бросил на невесту полный упрека взгляд, однако не смог не внять ее призыву. Подойдя к Синтии, он взял ее за руку.

— Хорошего способа все равно нет... Вы должны подготовиться к потрясению.

— Господи, это же не мама? Она не умерла?

— Умерла! — выпалил Тимоти.

Синтия внимательно посмотрела на него, перевела взгляд на его молчаливых спутников и неуверенно хмыкнула:

— Что еще за глупости? Это совершенно не смешно, дорогой!

— Полностью согласен, — брякнул Тимоти.

— Как она могла умереть? За чаем она была совершенно здорова! Не скажете же вы, что ее сбила машина?

— Машина ни при чем. Ее убили, Синтия.

— Убили? — повторила она с глупым видом. — Как Дэна?

— Да.

— Но это невозможно! Невозможно! — крикнула Синтия. — Что будет со мной?

Ее восклицание потрясло присутствующих. Мисс Пикхилл взглянула с ужасом на нее и схватила за рукав Кейна.

— Это шок! — стала объяснять она торопливым шепотом. — Может, дать ей капельку бренди? Просто чтобы пришла в себя. Я против любых опьяняющих жидкостей, но в подобном случае...

— Не надо, — возразил Джим.

— Я вам не верю! — заявила Синтия Тимоти, высвобождая руку. — Вы решили надо мной посмеяться.

Он промолчал, тогда она схватила его за лацканы и попыталась тряхнуть.

— Скажите, что это неправда! Мне придется переехать в Путни, а то и хуже. Я этого не вынесу! Вот для чего здесь тетя Вайолет? Я с ней не поеду, не поеду, не поеду!

— Господи, какой ужас! — простонала Бьюла.

— Тяжело наблюдать, — тихо согласился Джим. — Теперь нужно побыстрее уложить ее в постель.

Но возможности осуществить этот совет, судя по всему, не существовало. Синтия, убедившаяся, что мать мертва, старательно приводила себя в истерическое состояние. Слетавшие с ее уст слова повергали слушателей в испуганное молчание.

— Это все из-за того, что я разбила свое зеркало! — лепетала она. — Я знала, что случится нечто ужасное. Мама назвала это суеверием, и что же? Все пошло пра-

хом! Сначала я потеряла пудреницу, и Дэн обещал мне другую, но где там, ведь его убили! Все покрылось мраком, мама заставила меня носить траур и говорила гадости про Ланса, а теперь и ее убили, и до меня, до того, что со мной будет, никому нет дела! Напрасно я не вышла за зануду Билла Уффингтона! Нужно было выйти хоть за кого-нибудь! Мама виновата, что я даже не помолвлена, за меня сватались десятки кавалеров, а она твердила, что я слишком молода и надо повременить и дожидаться предложения получше... Вот что из всего этого получилось!

— Синтия! — крикнула мисс Пикхилл. — Тихо, дитя мое! Ты не осознаешь, что говоришь!

— Идите прочь! — взвизгнула она и швырнула в тетку сумочку — скорее со зла, чем с целью попасть. — Я знаю, что у вас на уме. Вы задумали затащить меня в свой мерзкий дом, завернуть в покрывала, заставить ходить в церковь... Лучше сдохнуть! Никто не убедит меня, что мою пудреницу стащила не ты! — неожиданно напустилась она на Бьюлу. — Либо ты, либо Мапперли, больше некому. Это же ты сказала, что никогда не видела такой красоты! Мапперли ответила, мол, золотая пудреница ей больше нравится, так что все ясно! Что же мне делать, теперь у меня нет никого, кроме тети Вайолет! Mamочка! Дэн!

Синтия опять разрыдалась, потом рыдания сменились воплями — их вызвало приближение тетки. Ни теткины уговоры, ни суровые призывы Тимоти замолчать не имели ни малейшего эффекта. Сцене, внимать которой можно было, наверное, даже на Беркли-сквер, положил конец Кейн. Дохромав до буфета, он налил в стакан воды и выплеснул ее Синтии в лицо. Шок прервал истерический приступ; она ахнула, погрузилась в молчание и наконец бурно разрыдалась.

— Уложите ее в постель! — властно распорядился Джим.

Вдвоем Бьюле и мисс Пикхилл удалось вывести Синтию из комнаты и заставить подняться по лестнице.

— Бедняжка! — сказал Хемингуэй. — Такая нервная! Прошу меня извинить, мне нужно позвонить.

Он вышел в библиотеку, чтобы узнать домашний адрес Эддлстона. Братья остались в столовой одни.

— Боже мой! — вздохнул Кейн. — Что у тебя за компания, Тимоти?

— Ты сам напросился! — зло отозвался тот. — Я тебя не звал.

— Как бы я после этого смотрел на мать? — стал оправдываться Джим. — Она считает, что я должен находиться рядом с тобой на каждом важном этапе твоей карьеры. Послушай, Тимоти, это какая-то фантастика! Кто убил женщину? У тебя есть догадки?

— Лишь что я почерпнул из вопросов Хемингуэя и ответов Бьюлы. Если исключить ее и слуг, то все указывает на Годфри Паултона. Похоже, он последним видел миссис Хаддингтон живой. Баттеруик — ты его не знаешь, он дружок Сэттона-Кэрю, Гизборо и Паултон — вся эта троица, именно в таком порядке, навестила ее сегодня. Понятия не имею, зачем и что произошло. Не понимаю, по какой причине Баттеруик или Гизборо стали бы ее убивать. Если верно мое подозрение, что миссис Хаддингтон шантажировала леди Нест, то у Паултона появляется мотив — но надо быть непроходимым болваном, чтобы совершить второе такое же убийство сразу после первого! Провалиться мне на этом месте, если я понимаю, зачем ему было убивать Сэттона-Кэрю, разве что тот на пару с миссис Хаддингтон занимался шантажом. Хотя даже в этом случае... В общем, бессмыслица! Он — один из тех, кто мог бы убить

Сэтона-Кэрю, как и молодой Баттеруик — тот, кстати, неврастеник, способный на убийство в припадке ревности. Гизборо не может иметь отношения к первому преступлению. Зачем ему врываться к миссис Хаддингтон и душить ее, дублируя первое убийство? Единственный вероятный мотив — миссис Хаддингтон не одобряла его сватовства. Может, ты считаешь, что он нашел удачный способ себя прорекламирровать, но я другого мнения. Да, он неуравновешенный, назойливый тип, донимающий всех своими незрелыми политическими взглядами, но никак не безумец!

— А Паултон тем более полностью в своем уме, — напомнил Джим. — Я плохо его знаю, но в Сити у него репутация чрезвычайно предусмотрительного человека. Он славится невозмутимостью. Смотри, не откуси мне голову, я не собираюсь тебя дразнить, но какова роль Бьюлы во всем этом?

— Поверь мне, она этого не делала. Если я не ошибаюсь, Бьюла невольно обзавелась алиби. Как раз сейчас его проверяют. Вряд ли она догадалась, куда клонит Хемингуэй, а я сообразил. Если человек, которого он отправил в ее дом, найдет там то, что она сказала, — а он найдет! — то ее оправдает фактор времени. Бьюла никак не могла попасть сюда даже на минуту раньше того времени, которое называет. Джим, стала бы она тащиться на Ирлс-Корт, если собиралась тайком вернуться и убить хозяйку? И откуда ей было знать, где именно искать миссис Хаддингтон? Той полагалось находиться в своей спальне вместе с горничной. Даже сумасшедший преступник не начал бы заглядывать во все комнаты дома, набитого слугами. Так не бывает!

— Да, — кивнул Джим. — Но тут все бессмыслица, остается один вариант — психопат-убийца! Убийство Паултоном человека, шантажирующего его жену, — это

я еще могу допустить, пусть и с большим трудом, потому что все, что я о нем знаю, наводит на мысль: он отдал бы шантажиста пусть суровым, но строго законным способом. Но убийство сообщницы шантажиста всего через два дня... С твоим приятелем Гизборо я не знаком, но, полагаю, если он без ума от этой недалекой девицы, а миссис Хаддингтон легла бревном поперек их дороги под венец — дочке ведь только девятнадцать лет? — то он мог бы счесть умным ходом убить ее тем же способом, которым было совершено первое убийство. А Хемингуэй решил бы, что преступник — одно и то же лицо и понятно какое...

— Джим, это совсем неплохо! — промолвил Тимоти. — Трудность лишь в том, что потребовалось бы отменное хладнокровие, не только чтобы такое совершить, но даже чтобы задумать, а о Гизборо этого никак не скажешь. На Паултона это больше похоже, но версия его исключает, он же у нас уже подозревается в первом убийстве... Гизборо — человек импульсивный, и, отдадим ему должное, вряд ли он покусился бы на мать девушки, на которой хочет жениться. Убийство в пылу аффекта — куда ни шло, но я не представляю, чтобы он хладнокровно спланировал подобное преступление.

— Какая же у тебя версия?

— Никакой, — хмуро буркнул Тимоти. — Все вращается вокруг первого преступления, а я не знаю, кто его совершил. Убить Сэттона-Кэрю могли пятеро: миссис Хаддингтон, Паултон, Баттеруик, Бьюла и я. Нас с Бьюлой можно исключить, миссис Хаддингтон тоже. В какой-то момент мне показалось, будто все указывает на нее. Причины, собственно, не было, просто рассказ Бьюлы про чертов моток проволоки вызвал у меня подозрение. Что ж, данная версия зашла в тупик и там испустила дух. Остаются Паултон и Баттеруик. Баттеру-

ика я подозреваю скорее в первом убийстве, Паултона во втором. Но и эта комбинация при тщательном рассмотрении разваливается.

— Минуточку! Разве ты не говорил, что не все действия врача в тот вечер получили подтверждение?

— Брось, Джим, не забрасывай удочку в тухлое болото! Ты можешь вообразить, чтобы модный врач задушил человека во время бриджа?

— Почему нет? Вдруг Сэтон-Кэрю представлял для него угрозу?

— Иными словами, шантажировал его? Тогда проще было бы подмешать ему в питье яд.

— Вовсе нет, — отмахнулся Джим. — Яд превратил бы его в главного подозреваемого.

— Твоя правда, — вздохнул Тимоти. — А теперь объясни, зачем ему понадобилось убивать миссис Хаддингтон?

— Пока не придумал, — сознался Джим.

— Кстати, найди объяснение, как он незаметно для всех попал в дом.

— Не получается.

— Что я говорил! И не напоминай мне про бедного старика Роди Уикерстоуна, не трать время зря. Он напрашивается в дома к безнадежным выскочкам, соглашающимся кормить и поить его, как он привык. Ну и что? Повсюду твердит, что преступник не джентльмен, поскольку удушение — самый низкий способ убийства, которого не позволит себе ни один человек хорошего происхождения, тем более в чужом доме. Хорош убийца!

— Согласен, вычеркнем и его. Что дальше?

— Полагаю, первое убийство было заранее спланированным, а второе нет. Если исходить из этого, то оба преступления совершил один человек. Положение стало, очевидно, отчаянным, миссис Хаддингтон надо бы-

ло заткнуть рот. Вдруг она знала, кто совершил первое убийство?

— Почему тогда миссис Хаддингтон не сняла с себя подозрение, почему не рассказала полиции о том, что ей известно?

— Если бы ей грозила тюрьма, она бы все выложила. Но ты не имел счастья ее знать! Других таких хладнокровных и расчетливых женщин, как она, я не встречал. Вот моя догадка: она замышляла свой крупнейший шантаж, потому и пришлось ее устранить.

— Да, но... Подожди, Тимоти! Что помешало бы злоумышленнику дожидаться, пока дым рассеется, и избавиться от миссис Хаддингтон позднее, когда из дома уберется полиция?

— То и помешало бы, что миссис Хаддингтон сама была подозреваемой! Он решил не рисковать. Если бы ей предъявили обвинение в убийстве, она сразу раскололась бы, никуда бы не делась!

— Где-то здесь кроется изъян, — протянул Джим. — Хотя отдаю должное твоему хитроумию, надо только устранить первое препятствие. Неужели у нее хватило бы наглости нажиться на гибели лучшего друга?

— Я бы сказал, что единственная, на ком она не стала бы наживаться, это Синтия, — ответил Тимоти. — Миссис Хаддингтон была отталкивающей особой, но одного у нее не отнять — беззаветной преданности этой совершенно никчемной девчонке! Хвала Создателю, вот наконец и моя суженая! Как дела, милая?

— Кошмарно! — простонала Бьюла. — Мы уложили Синтию в постель. Миссис Фостон посидит с ней, пока она не уснет. Вряд ли ей придется засидеться. Сочувствую мисс Пикхилл, которой теперь придется приглядывать за сиротой. Знаю, она немного пьяна, да и шок заставляет порой выкидывать фокусы, но когда я ухо-

дила, она уже нашла утешение в том, что теперь будет очень богата и станет вытворять все, что захочет. Ради бога, уведи меня отсюда и накорми! Я лишусь чувств от голода. Ничего не ела, кроме чая с печеньем.

— Мы оба позаботимся, чтобы этого не случилось, — улыбнулся Тимоти, крепко беря ее за руку и увлекая к двери. — Идем ужинать, Джим!

Глава 17

Вскоре сержант Снеттисхэм вернулся на Чарлз-стрит и выложил перед шефом домашние счета миссис Хаддингтон. Он объяснил, что его поездка в оба конца затянулась, потому что поезд всякий раз уходил у него из-под самого носа. В результате ему потребовалось времени на десять минут больше, чем Бьюле, и он высказал мнение, что уложиться в полчаса можно было только второпях.

— Значит, она ни при чем, — подытожил Хемингуэй. — Не скажу, что сильно ей симпатизировал, но... — Он посмотрел на часы и взял с полки один из телефонных справочников. Полистав его, добавил: — Наверное, сегодня вечером вы мне больше не понадобится, отправляйтесь домой.

— Спасибо, сэр. Что с завтрашним дознанием?

— Попросим отложить его. Завтра утром я встречу здесь с юристом миссис Хаддингтон. Вы запечатали обе комнаты? Хорошо. Отпускайте своих сотрудников.

Сам он, покинув дом, велел отвезти его в Челси, где лорд Гизборо делил с сестрой маленький коттедж. Был уже десятый час, и, выйдя из машины, Хемингуэй понял, что в коттедж пожаловали гости. Перед ним стояли две небольшие машины. Снизу доносился шум, напоминавший тот, что отличает вольеру для львов в зоопар-

ке, и в данном случае указывавший на попытку группы людей говорить одновременно. Причем расшумелась эта публика так, что не услышала звонка в дверь, хотя Хемингуэй давил на звонок минуту. Пришлось ему воспользоваться дверным молоточком. После третьего, отчаянного, удара дверь открыла молодая брюнетка в мятой юбке и оранжевой вязаной кофточке, в одной руке державшая большой кувшин, в другой — наполовину выкуренную сигарету. Поморгав, она сказала:

— Привет! Вы кто? Хотя не важно, входите! Джин вылакали двадцать минут назад, но пива предостаточно. Будете?

И она подняла кувшин, словно намереваясь плеснуть пива в несуществующий стакан. Хемингуэй благообразно выпрямил опасно накренившийся сосуд и ответил:

— Нет, благодарю, мисс. Вы достопочтенная Беатрис Гизборо?

— Вот уж нет! Нечего награждать меня устаревшими титулами! Я — Трикс Гизборо! С титулами — к моему братцу, он ими упивается. Дайте срок, и он заделается одним из столпов партии тори, даром что простофиля! А вы — один из его новых респектабельных дружков? Собственно, это моя вечеринка, но все равно чувствуйте себя как дома! Ланс там, где куча-мала. — И Трикс указала на открытую дверь в студию.

Хемингуэй подал ей свою визитную карточку. Пока она старалась сфокусировать взгляд, он гадал, сколько еще подвыпивших женщин ему суждено встретить в этот вечер. Расшифровав написанное на карточке, Трикс хихикнула и заявила:

— Еще один повод пировать! Живой старший инспектор полиции на моей вечеринке!

— Да еще какой! — подхватил Хемингуэй. — Увы, я не на вечеринку, хотя признателен вам за приглашение. Мне надо поговорить с вашим братом.

— Вряд ли от этого будет толк: он изрядно набрался. Если хотите как-то ко мне обращаться, предлагаю вместо «мисс» «товарищ». Зачем вам Ланс?

— Я ему объясню, если вы окажете любезность и приведете его.

— Да зачем он вам сдался? — не унималась Трикс. — Если из-за того убийства, то Лансу нечего вам сказать. Баттеруик — вот кто вам нужен! Знаете такого? Женоподобный юнец с кудрявыми волосиками и длиннющими ресницами. Разок на него глянете — и поймете, почему привилегированные классы обречены. А Ланса я в обиду не дам! — задиристо добавила она. — Он угодил в трясину, поддался буржуазному заблуждению, задрал нос, вообразив себя пэром королевства. Но это пройдет, не сомневайтесь!

— Послушайте, товарищ! — вздохнул Хемингуэй. — В России вы бы горько раскаялись, если бы заставили полицию топтаться на пороге вместо того, чтобы вприпрыжку бежать туда, куда вам велено! Живо угодили бы в соляные копи и считали бы, что легко отделались! Ступайте и сообщите своему буржую-брату, что я желаю с ним побеседовать. Не расходуйте мое время на проклятия в адрес привилегированных классов: во-первых, я к ним не принадлежу, а во-вторых, не терплю банальностей.

— Черт бы вас побрал, как вы смеете так со мной разговаривать? — взвилась мисс Гизборо.

— Так и думал, что мы недолго останемся товарищами, — усмехнулся Хемингуэй. — В незапамятные времена, когда я был гораздо моложе, в мои обязанности входило не давать таким, как вы, портить другим настроение, бросаясь под копыта конских упряжек и вытворяя прочие глупости. У меня выдался тяжелый день, и я не в настроении выслушивать демагогию. Ведите брата!

Пока я буду с ним беседовать, можете морочить голову своим гостям. А меня еще моя бабка надоумила, что яйца курицу не учат!

К счастью для мирного продолжения вечера, в этот самый момент из студии вышел один из гостей. У него было приятное лицо, выделялся же он заметным пристрастием к хорошим портным и парикмахерам. Приобняв мисс Гизборо за талию, он осведомился, чем она так увлечена.

За нее ответил старший инспектор:

— Все просто, сэр! Мне нужен лорд Гизборо. Я — старший инспектор Хемингуэй из отдела уголовных исследований. Надеюсь, я ненадолго лишу вас общества его светлости.

Гость с любопытством оглядел его и произнес:

— Что ж, сейчас я вам его доставлю. Идем, Трикси! Ты утащила у нас пиво!

Он увлек хозяйку дома обратно в студию, откуда вскоре появился, слегка пошатываясь, лорд Гизборо. Взгляд его оказался неожиданно ясным.

— Вы ко мне, старший инспектор? — Гизборо распахнул дверь в маленькую гостиную. — Сюда, пожалуйста. Сестре не нравится, когда ко мне обращаются «милорд». Лично я не возражаю. Забавно! И жить в Гизборо не возражал бы. Но не могу. Там расположилась старая Лети Гизборо, кухня. Денег у нее куры не клюют! Кенелм — ее любимчик. Как вам это нравится? Она его подкармливает, однако не может наградить титулом. Обхохочетесь! — Он промолчал, а потом поинтересовался: — Что вам от меня нужно?

— Вы побывали сегодня днем у миссис Хаддингтон, не так ли, милорд?

— Побывал, ну и что? — воинственно ответил его светлость.

— Хотелось бы узнать о цели вашего визита. — Видя устремленный на него взгляд Гизборо, одновременно опасливый и подозрительный, Хемингуэй добавил: — Как и о том, что между вами произошло.

— Вам-то какое дело, черт возьми?

— Поверьте, милорд, самое непосредственное.

— С ума сойти! Миссис Хаддингтон не понравилось, что вчера вечером я водил ее дочь танцевать. Старая дура!

— У вас не возникло с ней ссоры, милорд?

— Да! Хотите узнать, не сбежал ли я? Сбежал! Если это преступление, то я впервые о таком слышу.

— Который был час, милорд?

Его взгляд стал еще подозрительнее.

— А что?

— Может, вы припомните, в котором часу вошли в дом?

Гизборо сосредоточенно наморщил лоб и, поразмыслив, ответил:

— По-моему, было без четверти шесть.

— Вы застали там кого-нибудь еще?

— Баттеруика, он спускался по лестнице, когда я поднимался.

— Благодарю вас, милорд. Сколько времени вы пробыли у миссис Хаддингтон?

— Не думаете же вы, что я не сводил глаз с часов! Не знаю.

— Куда вы направились потом, милорд? — спросил Хемингуэй.

— Домой.

— Когда вернулись домой?

— Послушайте! — не выдержал Гизборо. — Куда вы клоните?

— Если ответите на мой вопрос, милорд, то я, возможно, объясню вам.

— И не подумаю! Знаю я вас, полицейских! Пытаетесь на чем-то подловить меня? Приспешники аристократической власти, вот кто вы такие, все до одного! Для богатых у вас один закон, а для...

— Вы перепутали, милорд, — перебил его Хемингуэй. — Это был Тернкок, а не полиция и не аристократическая власть!

— О чем вы болтаете, черт возьми? — Гизборо вытаращил глаза.

— Диккенс — мой любимый писатель, только и всего.

— Диккенс! — с отвращением повторил он. — Полагаете, мне есть до него дело?

— Вот уж не знаю, милорд. Но это не причина перевернуть цитаты из него. Более того, всему свое время и место. Сейчас нам определенно не до Диккенса. Повторю свой вопрос: когда вы вернулись в этот дом сегодня после ухода с Чарлз-стрит?

Гизборо свирепо взглянул на него и, немного помолчав, угрюмо произнес:

— Бог знает!

— Если вы не припоминаете, то, может, мне поможет мисс Гизборо?

— Не думаю, что я провел у миссис Хаддингтон более получаса.

— Спасибо. А во сколько вы ушли?

Гизборо потер лоб, откинул упавшую на один глаз прядь волос.

— Выбрали же вы момент для своих вопросов! — раздраженно бросил он. — Вы бы еще предложили мне вспомнить названия всех улиц между Чарлз-стрит и этим домом. Учтите, я не вспомню!

— Нет, милорд, это излишне. Вы взяли такси или приехали на собственной машине?

— Вы, наверное, воображаете, что раз у меня титул, то я принадлежу к богатым бездельникам? — усмехнулся Гизборо. — Ошибаетесь! Я шел пешком.

— Всю дорогу?

— Представьте! Устал бы идти — сел бы в автобус. Если моя... если кто-то наплел вам, будто титул для меня что-то значит, то это ложь!

Открылась дверь, и появилась Трикс Гизборо. Прислонившись к двери, она осведомилась, долго ли еще старший инспектор будет лишать компанию общества ее брата.

— Ровно столько, сколько мне понадобится, мисс — то есть, конечно, товарищ.

Гизборо вскочил с кресла.

— Хватит! — крикнул он. — Меня это раздражает!

Рассудив, что это требование было обращено не к нему, а к мисс Гизборо, Хемингуэй скромно промолчал.

— До того как ты соблазнился иллюзией власти и положения, это тебя не раздражало, — возразила мисс Гизборо. — Ты подлый ренегат, Ланс!

— Прошу прощения, мисс Гизборо, — вмешался в родственный спор Хемингуэй, — вероятно, вы можете нам установить время возвращения вашего брата домой сегодня вечером?

— Сегодня вечером? Примерно в половине седьмого. А в чем дело?

Хемингуэй ждал, приподняв брови.

— Так что же, милорд?

— Сам не знаю... Заглянул в паб, выпил пива...

— В который из пабов?

— Да откуда я знаю? Вроде бы на Кингс-роуд.

— Надо же! Чем тебе не угодил «Ритц»? — усмехнулась Трикс.

Чувствуя, что дальнейшие вопросы мало что прояснят, Хемингуэй закрыл блокнот и взял шляпу. Гизборо не сводил с него горящих черных глаз.

— Зачем все это вам? Что случилось? — Он выдержал паузу. — Или это полицейская тайна?

— Что вы, милорд, никаких тайн! Вы все равно прочитаете об этом в завтрашних газетах: миссис Хаддингтон убили.

Что бы ни собирался ответить на это лорд Гизборо, ему не позволила открыть рот сестра, громко расхохотавшаяся:

— Каково?! Давно пора! Кому хватило ума прикончить старую перечницу? Жму ему руку!

Брат схватил ее за плечи и яростно потрянул.

— Прекрати! — крикнул он. — Нашла над чем смеяться! Ты пьяна, Трикс!

Она икнула и пробормотала:

— Да ладно тебе! Это же не твоя работа?

— Ясное дело, не моя! С какой стати? Да приди ты в себя наконец!

Трикс посмотрела на Хемингуэя:

— Так вот зачем вы здесь? Потому что Ланс... Нет, чушь! С тем же успехом можно заподозрить меня. Кто преступник?

— Он сам не знает! — прошипел Гизборо. — Вероятно, тот же, кто убил Сэттона-Кэрю.

— С чего вы это взяли, милорд? — спросил Хемингуэй.

— По аналогии, наверное. Два убийства в одном доме.

— Я не говорил, что миссис Хаддингтон убили у нее дома, — бесстрастно напомнил Хемингуэй.

Гизборо зло посмотрел на него:

— Ну и что, что не говорили? Вы спрашивали, когда я оттуда ушел, вывод напрашивается сам собой. Я не дурачок.

— Справедливо, — кивнул Хемингуэй. — Да, ее убили дома, в будуаре, совсем как мистера Сэттона-Кэрю.

— Брр! — Мисс Гизборо поежилась. — Вот безжалостное животное! Честно говоря, я ненавидела ее и все, что она олицетворяла, но совсем не желала ей подобной судьбы... Как же ее дочь? Наверное, она теперь совсем одна, не считая всех этих противных слуг? Послушай, Ланс, может, нам следует что-нибудь предпринять? Например, я могу забрать Синтию сюда или побыть с ней там.

Но лорд Гизборо, похоже, не слишком верил в способность своей сестры утешить и поддержать попавшего в беду.

— Очень благородно с твоей стороны, — произнес он, — но вряд ли это уместно. Там есть секретарь, к тому же Синтия с тобой едва знакома. И потом, она... В общем, из этого ничего не получится.

— Намекаешь, что она меня не любит? Что ж, пускай. Если хочешь сам оказать ей поддержку, иди! Я тем временем займусь гостями.

— Никуда я не пойду! — заявил он. — Во всяком случае, сегодня вечером. Синтия знает, наверное, что я был зол на ее мать, и не захочет меня видеть.

— Все в порядке, милорд, — сказал Хемингуэй. — Мисс Хаддингтон легла в постель еще до моего ухода. С ней ее тетя.

Гизборо облегченно вздохнул:

— Очень рад! Она за ней присмотрит. Лучше я навещу Синтию завтра. Или оставлю записку с соболезнованиями, если она не захочет меня видеть.

— Так будет правильнее, — заметил Хемингуэй и ушел.

В Скотленд-Ярде сообщили, что инспектор Грант туда еще не добрался. Поднявшись к себе в кабинет, Хемингуэй затребовал кое-какие предметы. Пока он ждал,

раздался телефонный звонок. Сняв одну из трубок, он услышал голос своего друга, суперинтенданта Хинкли:

— Старший инспектор Хемингуэй?

— Сэр?

— Стэнли? Как дела?

— Лучше не бывает. Пока у меня всего два убийства. Но как бы к завтрашнему дню не добавилось еще. Кто мой преемник?

— Размечтался! Сам копайся! Строго между нами, тебя по-прежнему поддерживает некая персона. Я подумал, что тебе будет полезно это знать. По его словам, ты скорее добьешься успеха. Чем хуже дела, тем меньше у него желания свалить их на кого-либо другого. Это все!

— Спасибо, Боб, ты молодец! — Хемингуэй порозовел от удовольствия.

Решительный щелчок оповестил о нежелании суперинтенданта Хинкли внимать формулам признательности. Хемингуэй с улыбкой положил трубку. Прибывший через двадцать минут инспектор Грант застал его за разглядыванием двух лежавших на столе обрезков проволоки для фотографий. Хемингуэй поднял голову, и Грант воскликнул:

— Не иначе вы что-то нащупали?

— Пока не уверен, — медленно ответил Хемингуэй. — А вы? Видели Баттеруика?

— Видел и расспросил, хотя это было излишне, потому что дело происходило в опере, куда он явился в вечернем наряде. Давали не оперу, а балет, и сколько бы Баттеруик ни клялся, что сидел там с самого начала, это может быть ложью. Он находился один.

— Соседи справа и слева подтвердили бы или опровергли его слова, — заметил Хемингуэй.

— Соседей-то не было! Миссис Баттеруик сняла на весь сезон ложу, и никто из зрителей не мог точно сказать,

когда он пришел. — Он достал блокнот и с трудом прочитал: — До «Les Presages» или перед «Петрушкой». Когда я приехал в «Ковент-Гарден», сэр, был «Петрушка». Любители балета высоко ценят его. Когда я попросил служащих привести мистера Баттеруика, они вытаращили глаза: «В середине “Петрушки”?!» Можно подумать, я выманивал его из церкви во время службы! Этого я себе не позволил бы. Там стоял такой тарарам, да и от «Петрушки», как меня уверили, оставалось от силы четверть часа. Мне предложили дожидаться антракта, и я согласился подождать.

— Странно, что вас не вывели под белые руки, — усмехнулся Хемингуэй. — Как вы узнали, что Баттеруик на балете?

— Это было самое неприятное! — вздохнул инспектор. — Вы отправили меня на Парк-лейн, где я сначала не мог ничего выяснить, поскольку застал только слуг, мужчину и женщину. Горничная у них приходящая и уже ушла домой. Оба не знали, куда подевался молодой человек после чая с матушкой в пять часов. Я им поверил, потому что кухня и помещения для слуг находятся там далеко от жилых помещений семьи, к ним надо идти по специальному проходу. У молодого Баттеруика собственный ключ, а лакея у них нет. Пока я говорил со слугой, появилась миссис Баттеруик. — Он улыбнулся. — Честно говоря, я решил, что скоро объявлю вам *moran taing* за это задание, сэр!

Хемингуэй резко выпрямился:

— Вот оно что! Придется вам, дружище, объяснить мне, что это означает, потому что сегодня я слышу от вас эти слова не в первый раз.

— Означает «большое спасибо», — кротко сообщил инспектор.

— Ладно, поверю вам, но при первой же возможности уточню у Фрейзера. Продолжайте!

— Разве я стал бы вас обманывать? Говорю вам, старший инспектор, лучше столкнуться с тигрицей, чем с этой женщиной! С того момента, как она узнала, что я сотрудник полиции, я боялся, что она выцарапает мне глаза! Выставляет этого беднягу сущим младенцем. Но как же она за него боится!

Хемингуэй усмехнулся:

— Столкнулись с примером материнской любви? Бедняга Сэнди! Чего она боится?

— Первого убийства. Миссис Баттеруик решила, будто я пришел допросить ее сына об этом, и наплела мне всяческой ерунды: ее же там не было, как она может что-то знать? Но я взялся за дело с большой аккуратностью: спросил, где в этот самый момент искать Сидни Баттеруика, а она и говорит: некто — не припомню фамилию — впервые танцует в «Петрушке», и ее сын никак не может пропустить подобное зрелище. — Он перевел дух. — Когда «Петрушке» пришел конец, мне живо доставили Баттеруика. Он был блее собственной рубашки. Помните, сэр, как он вел себя у вас на допросе? Нес ахинею про психологию, чтобы вы решили, будто он спокоен. А нынче я наблюдал «ритмику Далькроза», а также — подождите, дайте выговорить! — «метод Чекетти» и хореографию, пока не устал и не попросил глупого мальчика уняться.

— Как вы поступили с ним дальше?

— Я почти не сомневаюсь, что Баттеруик решил, будто я явился к нему с вопросами про первое убийство, потому что он говорил только о нем, пока я не спросил, в котором часу он явился в оперу. От этого вопроса Баттеруик испугался за свою жизнь, а когда я объяснил, что расследую, он взвизгнул и лишился чувств.

— Боже! — ахнул Хемингуэй.

— Да, сэр! Когда очухался, я боялся рыданий. Глоток бренди вернул Баттеруику рассудок, и он принялся

клясться, что был на Чарлз-стрит единственно с целью узнать, зачем она наплела нам про него небылиц. Еще вспомнил, что столкнулся на лестнице с лордом Гизборо. Он выскочил из дома, забыв там свою трость. Из всего, что Баттеруик наговорил, я делаю вывод, что он не знает, во сколько ушел с Чарлз-стрит. Вроде потом отправился домой на Парк-лейн, переоделся в вечерний костюм и поехал в такси в «Ковент-Гарден». В свою ложу попал перед подъемом занавеса в начале первого балета. Правда это или нет, неизвестно. Как его понять? То у него обморок, то, стóбит прозвенеть звонку об окончании антракта, он вскакивает и торопится к себе в ложу, чтобы не пропустить последний акт!

— Может, Баттеруик просто убежал от вас? — предположил Хемингуэй. — Впрочем, я не вижу причин, по которым ему понадобилось бы убивать миссис Хаддингтон, поэтому пока предлагаю толковать сомнение в его пользу.

— А если ее убили — заметьте, я не говорю, что это сделал Баттеруик! — из-за того, что она слишком много знала о первом преступлении?

— Не исключено. Подобная возможность всегда остается.

— Но вы так не думаете? — спросил Грант, пристально глядя на него.

— С чего вы взяли? — возразил Хемингуэй. — Что вам требуется, Сэнди, это способность принять любую версию. А теперь взгляните на вещественные доказательства номер один и номер два и скажите, что вы замечаете?

Инспектор хмуро уставился на куски проволоки на столе.

— То и другое — проволока для картин, — начал он. — Но один кусок более старый, потускневший. На них нет четких отпечатков после второго убийства?

— Ничего. — Хемингуэй протянул инспектору короткий кусок бечевки. — Возьмите это, Сэнди. — Он поставил на стол локоть и вертикально расположил руку. — Изобразите убийства, используя мое запястье. Закручивайте с помощью линейки. Особо не усердствуйте! Просто покажите, как бы вы взяли за дело, если хотели бы удавить кого-то таким способом.

Инспектор, не скрывая недоумения, послушно обмотал его руку бечевкой, взял оба конца пальцами левой руки, правой засунул под бечевку линейку и пару раз провернул, после чего вопросительно уставился на Хемингуэя. Тот кивнул:

— Довольно! Повторите.

Грант сдвинул брови и молча проделал ту же манипуляцию.

— Вот, значит, как вы действовали бы? — проговорил Хемингуэй. — В точности как Карнфорт. А вот молодой Фирск поступает по-моему!

— По-вашему?

— Мы тянем правой, а крутим левой. Закручиваем слева направо, тогда как вы — справа налево, как и первый преступник.

Инспектор выругался и взглянул на проволоку на столе.

— Это я пропустил. Он левша?

— Необязательно. Для кого-то естественно одно, для кого-то другое. Попробуйте сделать то же самое моим способом.

Инспектор повиновался. Получилось медленно.

— Для меня это неудобно. Но я могу!

— Можете, но не стали бы. Что ж, довольно на сегодня. Неплохо! Поезжайте домой. На завтрашнем дознании вы мне не нужны. Закончив с сэром Родериком Уикерстоуном и врачом, я попрошу перенести заседа-

ние. Вы отправитесь в офис Паултона и посмотрите, что можно найти там. Встретимся здесь после дознания. Встреча с Эддлстоном на Чарлз-стрит назначена у меня на полдень.

Инспектор взял шляпу и сказал, пряча улыбку:

— Вы всегда говорите, что когда дело такое запутанное и кажется неразрешимым, то что-то обязательно проклевывается?

— Так оно и есть. Не пойму, почему меня давным-давно не произвели в суперинтенданты? Эти два куска проволоки, Сэнди, свидетельствуют о том, что даже самые изощренные планы могут сорваться!

— *Ma seadh!* То есть конечно! — произнес инспектор, взявшись за дверную ручку. — Кстати, откуда у вас этот южношотландский акцент?

И шутник счел за благо удалиться, неслышно затворив за собой дверь.

Глава 18

Следующая встреча произошла утром.

— Если в офисе Паултона меня не обманули, то сегодня днем его ждут. Старший клерк поведал мне о подробностях совещания, на которое он улетел. Я подозревал, что совещание — выдумка, но оказалось, что правда!

— Я не удивлен, — заметил Хемингуэй. — Маловероятно, что такая птица, как Паултон, навсегда упорхнет из страны. Во-первых, он очень расчетлив, во-вторых, слишком много на кону. Не считая жены. Если второе преступление совершил Паултон, то он наверняка обзавелся убедительным алиби.

— Алиби? — возразил инспектор. — Известно ведь, что Паултон последним видел бедную женщину живой!

— Последним ее видел убийца, друг мой, не упускайте из внимания данного обстоятельства! Если преступник — Паултон, то нам не поздоровится: он хладнокровный противник! А теперь отправляемся на Чарлз-стрит.

Они приехали туда за пять минут до появления Эддлстона-младшего и были встречены мисс Пикхилл. Та сообщила, что племянница занята с портнихой, принесшей утром перешитое черное платье и теперь вносящей последние исправления. Далее мисс Пикхилл недовольно сообщила, что ее приятно удивила мисс Бертли, которая не только явилась вовремя, но и помогла с составлением сообщения для «Таймс» и с заказом траурных открыток. О занятиях своей племянницы мисс Пикхилл умолчала, но скорбная складка ее морщинистого рта намекала, что она не может их одобрить. Судя по всему, она не смирилась с опечатыванием двух комнат, в связи с чем резко заявила, что будет настаивать на своем присутствии при обыске старшим инспектором спальни ее сестры.

Эддлстон-младший оказался мужчиной средних лет с выступающей нижней губой — характерным признаком представителей его профессии. Благосостояние главы воспитавшей его компании зиждилось на регулировании перехода прав собственности и на неизменной рекомендации клиентам избегать судов. Он сразу предупредил Хемингуэя, что прежде не бывал вовлечен в уголовное расследование и имел слабое представление о делах почившей клиентки: всего лишь помог ей с завещанием и провел за нее переговоры об аренде дома, однако ей редко требовался его совет при решении текущих вопросов.

— Поверьте, — сказал Эддлстон-младший при удалении печатей с двери будара, — я был потрясен вашим телефонным сообщением вчера вечером, старший ин-

спектор. Никогда не был с миссис Хаддингтон на короткой ноге, но случилось так, что в тот день мы с ней говорили по телефону. Ничего существенного сказано не было; но из беседы следовало, что она пребывала в добром расположении! Мне и в голову не могло прийти, что еще до наступления темноты ее не станет!

— Она сказала вам что-нибудь про убийство мистера Сэттона-Кэрю? — осведомился Хемингуэй, подходя к столу.

— Буквально пару слов! Эта женщина предпочитала скрывать свои чувства, а я, естественно, не стал подробно расспрашивать.

— Надо полагать, она была сильно расстроена? Убитый являлся ее старым другом?

— Да. — Эддлстон важно кивнул. — Она не была расположена обсуждать данную тему, но расстроенной я бы ее не назвал. В высшей степени неприятно, когда в вашем доме происходит такое!

— Этим исчерпывалось отношение миссис Хаддингтон к происшедшему? — уточнил Хемингуэй.

— Без сомнения, — ответил Эддлстон, — миссис Хаддингтон была удручена утратой друга при столь трагических обстоятельствах. Но, уверен, у нее не было причин испытывать... более сильные чувства. Могу конфиденциально высказать суждение, что подобных чувств она не испытывала. Мы провели несколько минут за обычной беседой: сначала речь шла об обязательствах ее арендодателя, потом о возможном брачном контракте мисс Синтии — бедное дитя, какой жестокий удар она испытала! Вскоре миссис Хаддингтон попросила меня рассказать о положениях законов о браке и законнорожденности, что имело важность для ее подруги. Кажется, это все — хотя нет, не совсем! Миссис Хаддингтон интересовали ее законные права в связи с выплатой за-

работка слугам, двое из которых угрожали уволиться без заблаговременного уведомления.

Эддлстон сел за стол. Прежде чем открыть его, он оглядел комнату и, кашлянув, промолвил:

— Полагаю, в этой самой комнате...

— В этом самом кресле, — уточнил Хемингуэй, показывая пальцем.

Эддлстон надел пенсне и устался на роковое кресло.

— Ужасно, ужасно... — прошептал он, после чего занялся столом.

В обнаружившихся там бумагах ничто не указывало на личность убийцы миссис Хаддингтон, а также на источник основной части ее дохода. Она никогда не обращалась к юристам по вопросам отчуждения своей собственности. Эддлстон знал одно: мисс Хаддингтон была весьма состоятельной женщиной. Уступая напору Хемингуэя, признался, что в последние годы она делала крупные капиталовложения, но настаивал, что не знал о суммах, завещанных ей супругом, чьих дел он не касался. По его словам, завещание было простым документом: мисс Хаддингтон завещала все, чем будет владеть на момент кончины, своей дочери. До утверждения завещания попечители последней, к числу которых принадлежал он сам, не могли узнать о размере ее состояния.

В ящичке обнаружилась всякая всячина: моток бечевки, пара больших ножниц в кожаном футляре, канцелярские скрепки, визитные карточки, оберточная бумага. Интерес представляли лишь выписки с банковских счетов и тетрадка, где учитывались вложения средств. Но даже из них можно было мало почерпнуть, не считая того, что миссис Хаддингтон делала много вложений, и всегда удачно. Выписки указывали на небольшой перерасход: очевидно, с некоторых пор миссис Хаддинг-

тон жила на широкую ногу, без оглядки даже на свои внушительные доходы.

Последние были очень велики для эпохи, когда даже крупное состояние не могло приносить владельцу более пяти тысяч фунтов в год, а кредит полностью оторвался от сумм, перечислявшихся налоговому ведомству. Разрыв объяснялся пристрастием покойной к снятию наличных. Увиденное вызвало у Эддлстона раздражение. Тем не менее, сняв с носа пенсне и полируя стеклышки носовым платком, он проговорил:

— Достойно сожаления, старший инспектор, но, боюсь, неизбежно при нынешней системе налогообложения, что все больше людей вынуждены уклоняться от избыточных налогов, прибегая к маневрам, о которых они и думать бы не стали десять лет назад.

— Вероятно, — кивнул Хемингуэй, застегивая кожаную папку с выписками. — Это мне понадобится, сэр.

— Разумеется, вы вправе забрать все, что посчитаете нужным.

— Больше меня здесь ничего не интересует, сэр. Бумаг у нее было, похоже, немного. Надеюсь, в спальне мы найдем больше.

Покинув будуар, они увидели перед дверью гостиной, на лестнице, ведущей вверх, мисс Пикхилл. Взглянув на них с враждебностью, она заявила младшему Эддлстону, что удивлена его поведением. Он попытался объяснить ей сложность своего положения. Но прежде чем сумел убедить мисс Пикхилл, что не в силах не допустить обыск полицией дома ее сестры и что отец не стал бы мешать правосудию, на лестнице появился Фримби с серебряным подносом в руках. На нем поблескивал крупный квадратный изумруд, вставленный в платиновое основание с маленькими бриллиантами на лапках. Протянув поднос Хемингуэю, дворецкий промолвил:

— Брошь хозяйки, утерянная вчера вечером, которую она велела отыскать. Полагаю, сломалась застежка, потому что брошь нашли на стойке одного из кресел в гостиной. Я счел за благо, — добавил он, глядя поверх головы мисс Пикхилл, — передать ее вам.

Хемингуэй взял брошь и убедился в неисправности застежки. На лестницу вышла Синтия в сопровождении мисс Спеннимур. На Синтии было перешитое черное платье. Она была бы чудо как хороша, если бы не недовольная гримаса. При виде броши воскликнула:

— Это мамина! Откуда она у вас?

Сбежав по ступенькам, Синтия буквально вырвала драгоценность из рук Хемингуэя. Мисс Пикхилл, пытаясь от неудовольствия, объяснила Синтии, что и как.

— Я знаю про застежку, — ответила та. — Она растянулась за чаем, и мама сказала, что надо починить ее. — Пристегивая брошь к своей груди, она спросила Фримби: — Лекарства уже доставили?

— Нет, мисс.

— Так отправьте в аптеку мисс Бертли! Что толку выписывать мне волшебные снадобья, если их не приносят?

— Умоляю, Синтия, немедленно снимите эту брошь! — крикнула мисс Пикхилл, покрасневшись. — Это неприлично! Кроме того, изумруды для девушки твоего возраста... Не говоря о твоём глубоком трауре!

— Все это безнадежно устарело! — заявила Синтия. — Довольно того, что я не отказалась надеть этот мрачный балахон, но соблюдать траур целый год не намерена. Лучше умереть! А главное, все мамини вещи теперь мои, и я могу делать с ними все, что захочу. Разве не так? — обратилась она к Эддлстону.

Тот, поддерживавший в данном споре мисс Пикхилл, кашлянул и предположил, что брошь было бы уместнее

хранить вместе с другими драгоценностями миссис Хаддингтон, по крайней мере, в ожидании оглашения завещания. Синтия хотела вступить в спор, но тетушка, которую она втайне боялась, положила конец столкновению, отняв у нее брошь и заявив о готовности лично надзирать за шкатулкой с драгоценностями сестры. Синтия пожаловалась, что ее окружают бездушные люди, добавив, что мать всегда держала шкатулку запертой, и поскольку никому не известно, где ключ, тетушка никак не сможет положить брошь на место.

— Ключи миссис Хаддингтон у меня, мисс, — заявил Хемингуэй. — Они лежали в ее сумочке — во всяком случае, некоторые. Может, объясните, какие что открывают?

— А вот это уже наглость — забрать мамины ключи, не спросив меня! — воскликнула Синтия. — Вот этот — от шкатулки, этот — от ящичка в ее комнате, этот — от входной двери. Если вы идете в ее комнату, то я с вами!

— Синтия, мое милое дитя! — обратилась к ней мисс Пикхилл, испытывая, как добрая христианка, сильное желание надрать племяннице уши. — Джентльменов могу проводить я! Уверена, сегодня тебе не хочется заходить в комнату твоей бедной матери.

— Ну почему же?! — упрямо возразила Синтия. — Это для меня почти смертельно, но когда-то нужно это сделать! Если я должна носить это жуткое платье, то почему бы не взять к нему чудесный мамин серебристо-черный платок? Знаю, ей бы этого очень хотелось!

Ее слова так ошеломили мисс Пикхилл, что она не нашла ответа, который не нарушил бы ее канона поведения в отношении сироты. Инспектор Грант, отведя взгляд от избалованной красотки, получил безмолвный приказ Хемингуэя и стал подниматься по лестнице с ключом от спальни миссис Хаддингтон. Все присут-

ствующие, кроме мисс Спеннимур и Фримби, потянулись за ним.

В комнате было темно, окна по-прежнему были затянуты тяжелыми шелковыми шторами. Когда их раздвинули, на кровати обнаружилось вечернее платье миссис Хаддингтон из черного бархата, на спинке стула остался ее пышный халат, здесь же лежали тонкие чулки. Мисс Пикхилл с шипением втянула воздух, Синтия расплакалась. Впрочем, в ответ на предложение удалиться, чтобы не присутствовать при сцене, столь болезненно напоминающей об утрате, она перестала плакать и сообщила, что готова смотреть фактам в лицо, после чего принялась пудриться за туалетным столиком.

Обстановка спальни состояла, помимо кровати и туалетного столика, из огромного викторианского гардероба с полками и ящиками посередине, обитой кушетки, нескольких стульев и маленького орехового секретера на витых ножках сбоку от камина. В его верхней открытой части не нашлось ничего интересного, кроме двух чековых книжек, ежедневника, пачки писем, перехваченной линиялой ленточкой (Хемингуэй быстро смекнул, что это письма Синтии, присланные матери из школы), писчей бумаги и конвертов. В двух маленьких ящиках хранились сургуч, открытки, почтовые марки, телеграфные бланки. Длинный ящик под ними был заперт. Там лежали вышивка с воткнутой иглой, мешочек для шитья и черный лакированный веер с пластинами из слоновой кости.

Хемингуэй вспомнил миссис Хаддингтон, какой увидел ее впервые: держа этот веер в унизированной кольцами руке, она сильно сжимала его, когда ее раздражали или, возможно, тревожили вопросы полиции. Хемингуэй стал рассматривать веер. На полированных пластинах виднелись царапины, выступающее на них кружев-

ное полотно было надорвано. Стоя спиной к комнате, он осторожно открыл веер и увидел, что вещь пострадала от рывка, искривившего пластины. Надрыв тянулся поперек полотна, кое-где с дырками на той же диагонали. Хемингуэй закрыл веер и сунул его стоявшему рядом Гранту:

— Возьмите!

— Вы ничего там не найдете, — сказала за его спиной Синтия. — Мама держала здесь свое рукоделие.

Хемингуэй задвинул ящик.

— Именно так, мисс. А теперь, если не возражаете, я бы заглянул в гардероб.

— Я нахожу предосудительным, чтобы к одежде моей бедной сестры прикасались мужчины! — заявила мисс Пикхилл, сверкая глазами.

— Я ничего не нарушу более необходимого, мадам. В боковых отделениях я вижу платья и ни одного не хочу касаться. А теперь я бы заглянул в центральное.

Как он и ожидал, полки и ящики под ними были скрыты двойными дверцами. На одной полке стояли большая шкатулка для драгоценностей и ящик для перчаток, тут же лежал клетчатый пакет с носовыми платками. При виде шкатулки мисс Пикхилл призвала Эддлстона отпереть ее и положить туда изумрудную брошь, которую она держала.

— Полагаю, шкатулке место в сейфе. Предлагаю вам позаботиться об этом.

Синтия немедленно запротестовала, утверждая, что ее тетки все это не касается. Мисс Пикхилл возразила, что очень даже касается, поскольку она выступает опекушкой племянницы, на что Синтия в сердцах пожелала и ей отправиться на тот свет. Эддлстон, избегая выразительного взгляда старшего инспектора, извлек шкатулку из гардероба и попросил ключ. Хемингуэй вручил

ему ключ, и юрист, отперев шкатулку, предъявил собравшимся коллекцию недорогих украшений в бархатном лотке.

— Ценное мама держала не здесь! — презрительно отмахнулась Синтия. — Можно мне взять эти клипсы? Они недорогие, но будут чудесно смотреться с платьем. Мама носила его с ними.

— Глубокий траур несовместим с украшениями! — возмутилась мисс Пикхилл. — А тебе только бы покрасоваться!

— Какая несправедливость! — Из глаз Синтии опять брызнули слезы. — Вы же знаете, что я совершенно раздавлена, сами просили, чтобы я постаралась об этом не думать, но стóит мне немного отвлечься, как вы на меня набрасываетесь!

Эддлстон, начинавший проявлять признаки беспокойства, вынул из шкатулки лоток и отложил его в сторону. Под лотком нашлись кожаные коробочки.

— Если вам так нужно спрятать брошку — можно подумать, я собиралась ее украсть! — то уберите в синюю коробочку, — сказала Синтия. — Она приподняла коробочку и вскрикнула: — Моя пудреница!

Действительно, под синей коробочкой лежала инкрустированная пудреница. Синтия уронила коробочку на пол и жадно схватила свою драгоценность. Щеки у нее почему-то побагровели, глаза засверкали. Покосившись на Хемингуэя, она объяснила:

— Я думала, она пропала. Моя любимая! Наверное, мама нашла ее и... и сунула сюда для сохранности.

— Чушь, деточка! — сказала мисс Пикхилл. — Зачем ей было это делать? Положи обратно, ради бога!

— Сказано вам, это мое! — Синтия прижала пудреницу к груди. — Подарок Дэна. Ни у кого, кроме меня, нет на него прав!

— Можно взглянуть, мисс? — попросил Хемингуэй, протягивая ладонь.

Она испуганно попятилась, раскрыв глаза шире:

— Нет! Зачем вам? Это не мамино. Позовите мисс Бертли, она вам скажет, что вещь моя.

— Не сомневаюсь, мисс, просто хочется посмотреть.

Мисс Пикхилл неожиданно заняла сторону племянницы:

— Я не вижу причины, по которой вам надо смотреть на компактную пудреницу, старший инспектор.

— Дайте сюда, мисс! Мистер Эддлстон объяснит вам, что нельзя чинить мне препятствия при исполнении обязанностей.

— Вы тут совершенно ни при чем! Вот, смотрите, я кладу ее обратно в мамину коробочку и отдаю мистеру Эддлстону. Пусть побудет у него!

— Мисс Хаддингтон, — сказал Хемингуэй, — не хочу устраивать вам неприятностей, но если вы не отдадите пудреницу, мне придется отнять ее у вас. Я намерен осмотреть ее.

Она опять пустила слезу, но, когда Хемингуэй разжал ей пальцы, почти не сопротивлялась.

— Дайте-ка ее мне, сэр, — попросил инспектор Грант.

Взяв у Хемингуэя пудреницу, он приблизился к окну и повернулся спиной к комнате, немного наклонив голову. Через минуту он оглянулся через плечо. Хемингуэй подошел к нему, мисс Пикхилл и Эддлстон наблюдали за ним. Синтия упала на кушетку и теперь орошала одну из пышных подушек обильными слезами. Инспектор молча показал Хемингуэю пудреницу у себя на ладони. Крышечка была откинута, но ни пуховки, ни зеркала внутри не оказалось. Чуть-чуть белого порошка — вот и все, что увидел там Хемингуэй. Он поднял голову, инспектор кивнул, захлопнул пудреницу и снова

открыл. На сей раз все было на месте: и зеркальце, и пуховка, и сито для пудры.

— Мисс Хаддингтон! — позвал Хемингуэй. — Мне нужно поговорить с вами. Лучше с глазу на глаз, хотя, если хотите, можете взять с собой тетю или мистера Эддлстона.

— Что вы со мной сделаете? — испуганно спросила Синтия.

— Задам пару вопросов, мисс. Если готовы ответить правдиво, то вам нечего бояться.

Она застыла в нерешительности.

— Требую объяснения, что все это значит! — заявила мисс Пикхилл.

— Только не это! — крикнула Синтия. — Пожалуйста, не надо!

— Мисс, пройдемте в гостиную, только мы с вами и инспектор Грант.

— Полагаю, — откашлявшись, произнес Эддлстон, — мне тоже надо присутствовать, старший инспектор, если вы будете задавать мисс Хаддингтон серьезные вопросы.

— Не возражаю, сэр.

— Нет-нет, я этого не хочу! — запротестовала Синтия. — Я пойду с вами, только поклянитесь, что ничего со мной не сделаете!

— Ничего я с вами не сделаю, мисс!

— Господи! — воскликнула мисс Пикхилл. — Не понимаю, куда катится мир? Невероятно!

Никто не обратил на нее внимания. Хемингуэй открыл дверь и выпустил Синтию из комнаты. Эддлстон, похоже, колебался, как ему поступить.

В гостиной горел камин. Хемингуэй предложил Синтии устроиться у огня. Ее как будто приободрило это гуманное предложение, но, присев на самый краешек глубокого кресла, она впервые в жизни напряженно, как

ревностная ученица, выпрямила спину. Синтия не спускала глаз с детективов, как ребенок, пойманный на чем-то непозволительном и постыдном.

— Мисс, предлагаю не ходить вокруг да около, — проговорил Хемингуэй. — Я знаю о ваших предосудительных занятиях и уверен, что вы понимали, чем это грозит, потому что мистер Сэтон-Кэрю наверняка предупредил вас о неприятностях, которые неминуемо возникнут, если кто-нибудь узнает, что у вас есть кокаин.

Она испуганно кивнула, всхлипнув.

— Когда он начал снабжать вас порошком?

— Сначала я попробовала просто для развлечения. После этого возникло такое волшебное ощущение! Это все нервы...

— Если бы вы продолжили свои игры, от ваших нервов быстро осталось бы одно воспоминание, — сухо заметил Хемингуэй. — Почему мистер Сэтон-Кэрю стал давать вам кокаин?

— Не знаю! Был бал с драгоценностями, я паршиво себя чувствовала и выглядела, как ведьма, голова раскалывалась, Дэн мне сам бог послал! Раньше мне с ним было тоскливо — старикашка, ну, в лучшем случае дядюшка, да еще мамин дружок, вот я от него и отворачивалась. Конечно, я его мало знала. Оказывается, Дэн понимал, как лечить мои нервы и утомляемость, он был заботливый! — Ее глаза опять наполнились слезами. — Какой ужас, что его больше нет! Невыносимо! Мама никогда ничего не понимала, не то что Дэн!

— Когда он дал вам пудреницу?

— Это был подарок на Рождество. Он взял с меня слово, что я воспользуюсь этим, только если мне станет совсем худо, и предупредил, что до Пасхи не сможет снова наполнить ее. Наверное, смог бы, если бы я была с ним ласкова, потому что Дэн был от меня без ума!

— Не сомневаюсь. Когда ваша мама узнала, что вы принимаете наркотики, мисс Хаддингтон?

— Мама ничего не знала!

Он покосился на нее.

— Когда вы потеряли пудреницу, мисс?

— В день того кошмарного бриджа. Не знаю, когда мама ее нашла, потому что она понятия не имела... Говорю вам, она не знала! Ума не приложу, зачем она спрятала ее в своей шкатулке. Хотела помешать мне встретиться с Лансом Гизборо? Она ведь его не выносила!

— Вчера днем здесь побывал доктор Уэструтер. Вы его видели, мисс?

— Да, он выписал мне успокоительное.

— А не средство на случай приема опасных наркотиков?

Синтия вздрогнула:

— Нет!

— Вы уверены, мисс? Может, доктор Уэструтер интересовался, как давно вы...

— Нет, нет! Клянусь, ничего такого! Просто осмотрел меня, как всегда делают врачи, сказал, что я слишком впечатлительная, и пообещал выписать лекарство, которое улучшит мое самочувствие. Мама объяснила, что мы поедем в какое-то известное ему замечательное место, где я смогу ездить верхом и готовиться к сезону. Он ни слова не сказал об этом! Поверьте, ни словечка!

— Мисс, не надо лишних волнений. Принимайте прописанное врачом лекарство, и вскоре у вас пройдет тяга к этому мерзкому наркотику. Не знаю, говорил ли вам это Сэтон-Кэрю. Если нет, послушайте меня. Хранение такого наркотика — нарушение закона. Вы можете угодить в серьезную беду, не говоря о превращении в законченную наркоманку. Если вы еще не видели людей в подобном состоянии, то, поверьте мне, лучше приложить

все старания, чтобы не превратиться в невольницу этой привычки. Я не стану предпринимать никаких шагов, потому что вижу: вы еще несмышленное дитя. После смерти Сэттона-Кэрю вы не знаете, где раздобыть эту дрянь. Вот что я сделаю: поставлю в известность вашу тетушку.

Синтия вскрикнула.

— Прекратите, мисс! Мисс Пикхилл души в вас не чает. Она пойдет на все, чтобы вам помочь. Не хотите же вы попасть под суд?

— Вы обещали! — простонала Синтия.

— Да, и сдержу обещание, если получится. А вам придется взять себя в руки. Сначала это будет непросто. Если сорветесь, то мое обещание утратит силу, и не успеете моргнуть, как окажетесь в специальном заведении, где вас подвергнут неприятным лечебным процедурам, а потом вам будет угрожать судебное преследование!

Перепуганная Синтия вжалась в спинку кресла. Покинув ее, Хемингуэй отвел мисс Пикхилл, встреченную на лестнице, в будуар и провел там с ней изнурительные полчаса. Добрая душа, испытав потрясение, ужас, отвращение и праведный гнев, разрыдалась и забормотала, пряча лицо в огромном платке:

— Я виню во всем сестру! С первого взгляда было ясно, какое это хрупкое дитя! А она только и делала, что таскала ее по приемам. Я твердила, что так не миновать беды. Теперь все видят, что я была права! Я ее вылечу, даже если мне придется посвятить этому остаток жизни. Там дел неупорот: беспринципность, безбожное воспитание! Об этом даже подумать больно...

— Жаль девушку! — сказал Грант, выходя вместе со старшим инспектором на улицу.

— А мне нет! — заявил Хемингуэй. — Маленькая паршивка — вот кто она. Легко отделалась. В общем, Сэн-

ди, то, что мы сегодня здесь выяснили, никого не касается. То-то я вам твержу, что, когда дело застопорится, обязательно жди прорыва...

— Да, я часто это слышу, — подтвердил инспектор. — Кстати, я еще не успел взглянуть на веер, который вы мне дали. Что вы задумали?

— Мы сделаем небольшой эксперимент при помощи веера и проволоки.

— Значит, моя догадка верна. Вы с самого начала считали, что убийца Сэттона-Кэрю — миссис Хаддингтон?

— Я не позволяю себе ничего считать, пока не получу доказательств, — ответил Хемингуэй. — Но доверяю своему чутью.

— Это я тоже неоднократно слышал.

Эксперимент с куском проволоки и веером миссис Хаддингтон, проведенный в кабинете старшего инспектора, позволил Гранту заключить:

— Несомненно, в качестве ворота она использовала веер. Это, — он указал на пудреницу Синтии, — служит отсутствовавшим ранее мотивом. Но зачем ему было совать девчонке «снег»?

Хемингуэй пожал плечами:

— Моя догадка такова: он увлекся ею, она была к нему холодна. Много он ей не давал — ровно столько, чтобы она оставалась зависимой от него. Возможно, думал, что отучит, когда добьется своего, хотя, не исключено, что так далеко не загадывал. А надо бы знать, как действует эта дрянь! А еще его промашка в том, что он действовал без оглядки на ее мамашу. Можете считать мисс Пикхилл мелкой занудой, но это только потому, что вы не наделены чутьем. Я вытянул из мисс Пикхилл много полезных сведений, и самое важное — то, что покойная обожала свою дочь. Если хотите знать, ни-

кто лучше миссис Хаддингтон не разбирался, что происходит с людьми, пристрастившимися к наркотикам. Если вы воображали ее святошей, то ошибались. Миссис Хаддингтон знала, чем промышлял Сэтон-Кэрю, и сама наживалась на этом. Ей были отлично знакомы признаки наркомании, и я готов поспорить на свое месячное жалованье, что она разглядела их у красотки Синтии. Не удивился бы, если бы нашлись доказательства, она приняла решение убрать своего приятеля задолго до рокового бриджа. — Он помолчал. — Хотя нет, я неправ. Разве эта дурочка не сообщила, что потеряла пудреницу в тот самый день? Но подозрения могли возникнуть у миссис Хаддингтон уже давно. Иначе зачем ей было прятать пудреницу? В том, что это сделала она, сомнений нет. Мисс Хаддингтон поняла, что выход один: разделаться с Сэтоном-Кэрю! Она сообразила, что лучший момент для этого — бридж в ее доме! Наверное, замысел родился у нее после того, как он сказал, что ждет телефонного звонка. Ей хватило бы ума разыграть все, включая звонок, но скорее обошлось без этого. Имелись и иные способы отделить его от остального общества. Что касается проволоки, то я с самого начала полагал, что именно она забрала ее из уборной. Может, сделала для порядка или уже замыслив убийство, — нам остается только гадать. Скорее всего, для того и для другого.

— Не исключено, — кивнул Грант. — Но если она убила Сэтона-Кэрю, то кто убил ее саму? И зачем?

Глава 19

— Вот здесь, — развел руками старший инспектор, — вы меня подловили, Сэнди! Голову сломаешь! Сначала миссис Хаддингтон так затевает преступление,

что комар носа не подточит, а потом неизвестный копирует ее стиль и хладнокровно убивает ее саму. Нам полагается исходить из того, что оба трупа — дело рук одного человека, и мы пошли бы у неизвестного на поводу, если бы я не нашел веер, а вы не разгадали фокус с пудреницей. Одним махом и мотив, и способ. Здесь убийце номер два сильно не повезло. Казалось бы, у нашей пташки было очевидное алиби по первому преступлению...

— Паултон был вроде ни при чем, — заметил Грант.

— Верно, хотя мы еще не дошли до того, чтобы вычеркнуть его из списка подозреваемых. Необходимо разобраться, в чем заключается его мотив для устранения миссис Хаддингтон. Если он думал, что она снабжала его жену кокаином, то мог бы на это пойти. Хотя такому уравновешенному человеку понадобились бы твердые доказательства, прежде чем решиться на подобное грязное дело, не говоря о риске.

— В Сити он слывет большим ловкачом. Паултон мог положиться на нашу опытность: мы же не поверим, что он способен на такую глупость!

— Да, я слышал, что вы, горцы, — народ с воображением, — усмехнулся Хемингуэй. — Правда, лично у вас я этого дефекта раньше не замечал. Будем считать прозвучавшие сейчас слова оплошностью, которая больше не повторится. Если Паултон совершил второе преступление, то без всякого расчета на те или иные абсурдные мысли в моей голове, смею вас уверить! Из чего он просто обязан был исходить — из очень веских причин для убийства. Это могло быть то, что я уже предположил, но чем больше я об этом размышляю, тем меньше мне нравится данный мотив. Предположим, миссис Хаддингтон знала о привычках леди Нест и грозила разоблачением. Но зачем?

— Скорее, здесь было не разоблачение, а шантаж.

— Не исключено. Паултон человек состоятельный. А если она перестаралась? Вряд ли он был готов легко расстаться с крупной суммой. Представим другую картину: она потребовала у него целое состояние, а он отправился к нам. Как бы мы поступили?

— Мы бы постарались не выдавать его, но в таких делах иногда происходят утечки, вам ли этого не знать, сэр! Хемингуэй кивнул, но поджал губы.

— Может, и так. Но... Дальше видно будет. Давайте перекусим и наведаемся к Уэструтеру. Он обязан дать кое-какие разъяснения. На дознании утром он сидел унылый. Я его не осуждаю: Уэструтер ходит по краю пропасти.

Они снова встретились около трех часов дня. Инспектор отрапортовал, что самолет с Годфри Паултоном на борту действительно должен приземлиться в Нортхолте в четыре часа.

— Отлично! — сказал Хемингуэй. — На сей раз я постараюсь вытянуть из него немного больше, чем раньше.

— Вы говорили с врачом, сэр?

— Да. Вид у него был такой, будто вместо меня к нему пожаловал хорек. К счастью, я не бывал в шкуре хорька и не знаю каково это, иначе мог бы обидеться. Но в том, что я нежеланный гость, нельзя было усомниться — и это меня порадовало. Он скользкий субъект, но это дело ему не по душе. Произнес обычные слова о своем долге перед пациентами, но когда я напомнил ему, что это двойное убийство, он стал весь багровый. Уэструтер не связывает гибель Сэттона-Кэрю с наркоторговлей. Он якобы не знал, кто давал «снег» младшей Хаддингтон. Может, и так, но, думаю, он просто сделал должный вывод. Смерть миссис Хаддингтон потрясла его. О ней пишет дешевая пресса, а Уэструтер, по его словам, читает

только «Таймс». Для него это стало шоком. Тарашился на меня, как на привидение. Он действительно не знал, я уверен. Да, он приходил выписать девушке лекарство, и она все ему выложила. Любопытно, что Уэструтер не считает, будто произошло нечто непоправимое. В отношении леди Нест он был гораздо менее красноречивым, но я не настаивал. Если Паултон станет и дальше скрывать, то я, используя имеющиеся улики, заставлю его назвать адрес того учреждения, куда он определил жену. Я вам говорил о своей беседе с Хиткотом? Они с Кэтеркоттом взяли след и очень довольны собой. Хиткот даже изволил хлопотать меня по спине, хотя, глядя на них, никогда не догадаешься, что их волнует наше двойное убийство. Мне пора поговорить с начальством. Езжайте в Нортхолт, снимите Паултона прямо с трапа самолета. Везите его сюда — с соблюдением всех приличий, конечно. Он нужен для дальнейшего следствия. Скажите ему, что расследование достигло результатов, принуждающих меня задать ему новые вопросы. Посмотрите, как он отреагирует. Если никак, то вы не задержитесь.

Около пяти часов вечера инспектор Грант привел Годфри Паултона в кабинет старшего инспектора. Паултон выглядел совершенно безмятежным.

— Добрый день! — произнес он. — У вас ко мне вопросы, старший инспектор? Разумеется, я не намерен препятствовать правосудию, но был бы рад, если бы вы поскорее перешли к делу. Меня ждут на работе.

— Здравствуйте, сэр. Я не задержу вас дольше необходимого. Все зависит от вас самого. Будьте так добры, садитесь.

Паултон опустил в глубокое кожаное кресло. Его, казалось, ничуть не смущала необходимость смотреть

старшему инспектору в лицо. Покосившись на свои наручные часы, он сказал:

— Итак?

— Полагаю, сэр, вы побывали у миссис Хаддингтон вчера днем?

— Да.

— Менее чем через полчаса после вашего ухода, сэр, миссис Хаддингтон нашли мертвой в будуаре. Задушенную проволокой.

— Что?! — вскричал Паултон и замер. Инспектор Грант поверил, что известие стало для него шоком, однако шеф счел его восклицание тщательно отрепетированным.

— Вот так, сэр, — флегматично произнес он.

— Боже милостивый! — Паултон помолчал, глядя на Хемингуэя из-под бровей. — Понимаю... Одно могу сказать: когда я уходил от миссис Хаддингтон, она была жива и стояла у себя в будуаре перед электрическим камином. Позвонила в звонок, вызывая своего дворецкого, чтобы он проводил меня.

— Вы дождались дворецкого, сэр?

— Нет. Я простился с миссис Хаддингтон и удалился. Дворецкий только поднялся в холл, когда я уже спускался по лестнице от гостиной миссис Хаддингтон.

— В чем состояла причина вашего визита, сэр?

Воцарилось молчание. Паултон хмуро разглядывал кончики собственных пальцев. Подняв наконец голову, он вымолвил:

— Понимаю... Вы не могли этого не спросить. Не стану скрывать, мой приход не был дружественным. Миссис Хаддингтон названивала мне домой и спрашивала о моей жене. Я отправился на Чарлз-стрит, чтобы сообщить ей: моя жена нездорова, и я намерен положить конец их близким отношениям.

— Вот как, сэр? Чем же было вызвано ваше намерение?

— Мне не нравилось их знакомство.

— Это не лучший ответ, сэр.

Паултон чуть заметно улыбнулся.

— Что ж, старший инспектор... Вижу, мне придется положиться на ваше благоразумие. До замужества со мной моя жена была одной из самых видных представительниц компании, где гордились полным забвением принятых условностей. Я не стану раскрывать вам их несообразностей, ограничусь тем, что назову все это — только в этих стенах — нескромностью. Каким-то способом, оставшимся мне неведомым, миссис Хаддингтон провела о подробностях самого вопиющего проявления этих... отклонений. Цена ее молчания исчислялась не в деньгах, это был пропуск в общество, ключом от которого владела моя супруга.

— Когда вы это обнаружили, сэр?

— К несчастью, с большим опозданием.

— Вот именно. Фактически только после убийства Сэттона-Кэрю?

— Это произошло недавно, — уточнил Паултон.

— Мистер Паултон, я надеюсь, что вы не против закончить этот фехтовальный поединок? Мне известно гораздо больше, чем два дня назад. Я точно знаю, что в настоящее время леди Нест находится на излечении от наркотической зависимости. А кокаином ее снабжал Сэтон-Кэрю.

Он напоролся на взгляд, близкий по остроте и пронзительности к скальпелю хирурга.

— Вы располагаете доказательствами?

— Таким, например, доказательством, как обнаруженный в квартире Сэттона-Кэрю кокаин. У меня так-

же есть доказательства того, что леди Нест была не единственной его жертвой.

— Ясно. — Паултон помолчал. — Сам я не был уверен. Я его подозревал, не более.

— В этом и заключалась власть миссис Хаддингтон над вашей женой, сэр?

— Нет.

— Когда вы обнаружили, что леди Нест... принимает это вещество, сэр?

— После убийства Сэттона-Кэрю и вашего визита в мой дом. Как много из того, что я вам говорю, вы намерены предать огласке?

— Зависит от обстоятельств, сэр.

Паултон усмехнулся:

— Я не убивал миссис Хаддингтон, поэтому надеюсь, что «обстоятельства» не возникнут. Моя жена была потрясена смертью Сэттона-Кэрю. Находясь во власти... сильных чувств, она во всем мне созналась. Добавлю, что у нее всегда были слабые нервы, и я не подозревал о том, что выяснили вы, пока мой старый друг, опытный врач, не увидел ее у нас в доме и не поделился со мной своими подозрениями. Когда ее «поставщика» убили и возникла вероятность, что вы выясните, что он ей поставлял, я сумел уговорить жену лечь в лечебницу.

— Вы знали, что это был Сэтон-Кэрю?

— Узнал только вечером во вторник, когда его не стало.

— Леди Нест открыла вам, что миссис Хаддингтон ее шантажировала?

— Да. — Паултон посмотрел на Хемингуэя. — Вчера я явился к миссис Хаддингтон, чтобы сообщить, что обладаю всеми фактами о том давнем скандале и без колебания доведу их до сведения полиции. Мне совершен-

но незачем было убивать ее. Я этого не делал. Это все, что я могу сказать.

— В котором часу вы ушли с Чарлз-стрит, сэр?

— Без пятнадцати семь. Я следил за временем, потому что спешил на самолет.

— Вы считали, что вы — единственный гость?

— Я никого не видел. Миссис Хаддингтон пригласила меня в комнату, которую называла своим будуаром.

Мы находились там одни.

— Благодарю, сэр. Больше я вас не задерживаю.

Проводив Паултона, инспектор Грант сказал:

— Вы отпустили этого хитреца?

— Я в любой момент могу его арестовать. Мне нужны те две проволоочки, Сэнди. Пусть их принесут!

Поблескивающая медная проволока, снятая с шеи Сэтона-Кэрю, занимала внимание Хемингуэя недолго. Зато другую, более старую, он долго разглядывал, наводя увеличительное стекло на ее концы.

— Подойдите, Сэнди! — позвал он. — Полюбуйтесь! Разве с помощью этой проволоки вешали картины?

Инспектор уставился на нее.

— Вы правы, — сказал он. — Концы выпрямлены, но видно, где был загиб, там проволоку крутили. Что это означает?

Хемингуэй откинулся в кресле и прищурился:

— Вот и я ломаю голову. Несомненно, проволока снята с картины. Где же картина?

— Она может находиться где угодно!

— Где угодно — если второе убийство было преднамеренным. Если нет, то картина должна висеть в доме миссис Хаддингтон. Если соотнести факты, то искать картину нужно, скорее всего, в гостиной. Необходимо проверить. Вызовите мне Брумли, Сэнди!

Когда две полицейские машины прибыли на Чарлз-стрит, для них не нашлось места: у дома стоял модный спортивный автомобиль.

— Ужасный Тимоти! — определил Хемингуэй.

В дом их впустила вместо Фримби горничная, торопившаяся удрать. Услышав от Хемингуэя, что цель гостей — будуар, она поехала, заявив, что ее туда калачом не заманишь. Добавила, что с раннего детства была чувствительной натурой, и озвучила суждение своей матери, мол, с такой впечатлительностью лучше вообще не жить на свете. И она удалилась, чтобы порадовать коллег живым описанием своих симптомов, вызванных появлением на пороге дома полиции.

Старший инспектор и сопровождающие его сотрудники поднялись по лестнице. Пролетом выше Хемингуэй увидел мисс Спеннимур, испуганно жавшуюся к стене. Через одну руку у нее было перекинута черное швейное изделие, в другой руке она сжимала нечто неуместное — букет пармских фиалок. Он задержался, вспомнив, что видит ее не впервые за день. Мисс Спеннимур ахнула и зачатила:

— Прошу прощения! Я просто спускалась, гляжу — вы, ну, и не захотела мешать. Только не думайте, будто я брожу без дела! Нет, я хотела спросить мисс Бергли, что мне делать. Мисс Пикхилл интересовалась, не сметаю ли я ей сейчас одну вещицу, и материал дала, ну, я и отвечаю, почему бы и нет, только надо примерить на нее. Нельзя работать наугад. Она так добра и заботлива, вот и я хочу постараться с ее траурным платьем. Я даже растрогалась, когда она разрешила мне работать в столовой у камина и велела служанке принести мне чай. Такое нельзя не оценить. Я сходила наверх за платьем, а служанке говорю: отнесу-ка я мисс Синтии цветы. Где

мне было знать, что мисс Пикхилл двадцать минут назад увела бедняжку к зубному врачу? Как говорится, пришла беда — отворяй ворота. После обеда мисс Синтия постоянно рыдает, от клеверного масла никакого толку, бедняжке вообще ничего не помогает. Не удивительно, такое горе, а тут еще полиция. Теперь разговоры пойдут. И дворецкий куда-то подевался, даже попрощаться не удосужился. Тут не только зубы разболются, я так и сказала миссис Фостон: непонятно, куда катится мир! Служанки самовольничают, француз бросает работу без предупреждения!

Хемингуэй с трудом остановил этот поток слов, заявив:

— Мир неисправим! Сдается мне, я уже видел вас здесь нынче утром, мисс...

— Спеннимур, — представилась она, краснея. — Придворная портниха, — почему-то добавила она. — Вижу, вы смотрите на чудесный букет фиалок. Они, ясное дело, не мои. Нет-нет! Это для бедной мисс Синтии. Их оставил сам лорд Гизборо после ухода мисс Синтии к дантисту, наверное, хотя я не слышала, как она ушла, дверь-то закрыта. Я собиралась наверх, к мисс Пикхилл, а тут он... Как услышала его голос, так шмыгнула в столовую, потому что, хотя и не мечтаю, что он меня узнает через столько лет, осторожность не помешает. Конечно, ничего такого я не хотела сказать, но, наверное, была немного неосторожна в разговоре с миссис Хаддингтон третьего дня. Да, я знала его бедную мать. Потом стала вспоминать былые времена, и тут язык сам развязался, как же иначе...

— Отлично вас понимаю, — поддакнул Хемингуэй дружелюбно. — Что вы там наплели миссис Хаддингтон про лорда Гизборо?

— Против него — ни словечка! — заверила мисс Спеннимур. — Просто, зная хорошо Мейзи — так звали его матушку... Ох, много же я про нее знала! Я всех общивала, когда появился Хилари Гизборо. Мейзи всегда нравилась мне, а я ей, и я частенько у нее бывала...

— После того как они поженились? — предположил Хемингуэй.

— До того — тоже. Они жили в квартирке на Пимлико, у него тогда была работа... Потом он ее, конечно, лишился. Все девушки твердили: что взять с мужчины, носящего такое смешное имя? Мейзи, правда, никогда не жаловалась, а он, надо отдать ему должное, женился на ней за месяц до рождения близняшек. Все бы ничего, но о таком, естественно, не следует болтать. Мейзи сильно переживала, ведь законнорожденные дети — это одно, а внебрачные — совсем другое! Повторяла, что невыносимо видеть, как важные родичи Хилари смотрят на ее детей. Жаль, что я об этом заговорила, ведь никто из них ничего не знал о Мейзи, пока Хилари не написал своим родственникам, что много лет назад женился и у него двое детей. Они хорошо себя вели, принимали у себя Мейзи с детьми, но все равно было тяжело. Она уверила, что ее туда на аркане не затянешь, хотя не пришлось: Мейзи умерла до того, как они опять ее пригласили. Да, у всего на свете есть изнанка... А мне никому не надо было об этом сообщить, потому что это нехорошо по отношению к Лансу: все-таки лорд, а его станут называть незаконнорожденным!

Эти подробности мало способствовали решению проблемы, возникшей перед старшим инспектором.

— Обратите внимание, Сэнди, — сказал он, расставшись с мисс Спеннимур и входя в будуар, — я всегда считал несправедливостью штамп «законнорожденный»

в свидетельстве о рождении. Сдается мне, лорду Гизборо это не нравится, но сколько ни стараюсь, не могу представить это мотивом для убийства миссис Хаддингтон. Более того, я видел его сестрицу, которая наслаждается своим внебрачным появлением на свет и, вообще, показала мне главную, помыкающую братом.

Он обвел взглядом стены будуара, увешанные сомнительными акварелями в позолоченных рамах. Все они были недостаточно велики, чтобы висеть на проволоке, зацепленной за крюк. Хемингуэй натянул кожаные перчатки и приступил к проверке: приподнимал каждую картину и изучал способ ее крепления к стене. На третьем по счету шедевре — пейзаже Внешних Гебридских островов, при виде которого инспектор Грант гневно отвернулся, — Хемингуэй задержался. Торжествуя посмотрев на помощника, он снял картину и показал собравшимся ее обратную сторону. Там находились кольца, а к ним была привязана бечевка — новенькая, без пыли.

— Боже! — прошипел Грант себе под нос.

— Да, — кивнул Хемингуэй и наклонился, разглядывая проволоку, потом вдруг вскинул голову. — Бечевка! — Он указал на стол. — Верхний правый ящик, Сэнди. И большие ножницы в кожаном чехле!

— Я помню. — Инспектор выдвинул ящик и подал старшему по должности моток бечевки. Затем осторожно, пользуясь своим платком, взял чехол с ножницами и подождал, пока их заберет у него сержант Брумли.

— Та же бечевка — ну и что? — произнес Хемингуэй, сравнивая моток с бечевкой на картине. — Самая обыкновенная, такой перевязывают пакеты. — Он вынул из кармана моток поблекшей проволоки, размотал ее, вдел концы в кольца на раме и немного подкрутил. — Одной

с бечевкой длины! — сообщил он. — С этим как будто ясно. Что у вас, Том?

— Кое-что есть, только непонятно, те ли это отпечатки, какие мы сняли во вторник, сэр. Придется забрать в отдел и разбираться там.

— Вперед, живо! — Хемингуэй повесил картину на стену, повернулся и протянул руку в перчатке за ножницами. Инспектор Грант подал ему ножницы, и он аккуратно достал их из чехла. — Конечно, нельзя точно определить, подходит ли пара больших ножниц к царапинам... — Он передал ножницы Брумли. — Только осторожно, Том!

— А как же, сэр! — сказал сержант, бережно принимая улику. — Не пойму только, как вы видите сквозь чехол...

Старший инспектор, снова внимательно озиравший комнату, оставил его реплику без ответа. Он унесся мыслями вдаль; Грант рискнул обратиться к нему лишь через несколько минут после отъезда дактилоскопистов.

— Если преступление было совершено при помощи проволоки с данной картины, то это не Паултон, — сказал он.

— Почему? — спросил Хемингуэй.

— Он не стал бы снимать картину и проволоку с нее на глазах у бедной женщины.

— Вы правы. Но почему уверены, что она постоянно находилась здесь, с ним?

Инспектор удивленно заморгал.

— Не будем торопиться, Сэнди. Мы знаем лишь то, что нам рассказали Фримби и сам Паултон. По словам дворецкого, он пришел сюда примерно в 6.25. Оба сходятся в том, что ушел он в 6.45. У него было двадцать минут, и только он и миссис Хаддингтон знали, что про-

изошло. Были ли они все это время вместе в будуаре? Она вряд ли выходила, хотя могла.

— Что ж, — медленно проговорил инспектор, — допустим, она вышла, чтобы что-то принести. Времени у него было в обрез.

— Найти эту бечевку было недолго — если использовались она и ножницы! Я не говорю, что считаю убийцей Паултона, но такая возможность есть, и ее нельзя терять из виду. Забудем о нем на время. Кто у нас остается? Мисс Бертли? Вряд ли. Я внимательно изучил эту версию и не понимаю, как она могла съездить в Ирлс-Корт и обратно за отпущенное время. Молодой Баттеруик, удравший так прытко, что забыл свою трость? Лорд Гизборо, хвативший от злости дверь? Ухода ни одного из них никто не видел. Любой мог где-нибудь спрятаться, пока все утихнет, вернуться сюда и дожидаться возвращения миссис Хаддингтон. Видите окна? Оба находятся в мелких эркерах, загораживаемых толстыми шторами. Там вполне может притаиться человек. Уверен, к пяти часам их уже задернули. А теперь объясните, какие причины имелись у этих двоих убить миссис Хаддингтон — и мы оба будем счастливы! Только не говорите, что это совершил Гизборо, потому что она рассказала ему правду о его рождении: я не верю в небылицы.

— Вероятно, врач? — вяло предположил инспектор Грант.

— Вбили же вы его себе в голову!

— Он сам туда все время возвращается, — пожаловался Грант.

— Спору нет, он побывал здесь в середине дня. Хотите, чтобы я поверил, что он находился в доме почти до семи часов? Опомнитесь, я сам его видел днем!

— Я подумал, что Баттеруик тоже замешан в торговле наркотиками, хотя... Наркоманом он еще может быть,

но я не замечаю никаких признаков. Я нашел его в вечернем костюме, времени же побывать дома, тем более переодеться, у него не было — если он находился в опере с первого отделения.

— Если в нем не пропадает выдающийся актер, я склонен думать, что он поспел к первому отделению. Знаю я эту породу! Остается лорд Гизборо, убивший миссис Хаддингтон либо за нежелание выдавать за него дочь, что забавно, ведь она жаждала именно зятя с титулом, либо из-за того, что портниха рассказала ей о запоздалой женитьбе его родителей.

Инспектор покачал головой:

— Нет, Гизборо глуп и вспыльчив, но не готов убивать по таким дурацким причинам. К тому же о его визите к миссис Хаддингтон было известно! Он что же, явился, готовый к преступлению, это вы хотите мне сказать?

— В данный момент я не хочу вам ничего говорить. А что касается готовности к преступлению — зачем она? Мы знаем, что они поругались, миссис Хаддингтон приказала Фримби больше не впускать его в дом. Если он это сделал, то из-за чего-то, происшедшего уже во время этой встречи и наведшего его на мысль расправиться с ней. Тогда получается, что Гизборо сбежал вниз, схватил пальто, хлопнул дверью, а потом вернулся в будуар, зная, что там пусто, и...

— На это у него не было времени! — напомнил инспектор. — Миссис Хаддингтон позвонила дворецкому, чтобы тот его выпроводил, и сама появилась на лестнице!

— А все потому, что его высочество долго не являлись на звонок! Слишком долго для любого, знакомого с планировкой дома. После этого она отправилась в комнату дочери, а Фримби обратно в полуподвал. Вот когда оба они так удобно отсутствовали, его светлость

и занялся картиной. В этой конструкции есть лишь одна загвоздка: отсутствие мотива! А жаль! Чем дольше я о ней думаю, тем больше она мне нравится. Как было бы хорошо! Мы должны были приписать оба убийства одному и тому же человеку, но по первому у него алиби только что из ушей не лезет, он вне подозрений! Мой недостаток — плохое знание игр и забав в этой их бесценной России. Вдруг там принято еще до помолвки убивать будущих тещ?

— От кого вы знаете о ее нелюбви к молодому лорду? Только от дворецкого!

— Нет. Сногшибательная блондинка сама мне об этом говорила. А его ссора с миссис Хаддингтон? А ее приказ Фримби больше никогда не впускать Гизборо в дом?

— Тоже верно, — вздохнул инспектор. — Она что же, мечтала выдать дочь за герцога?

— Насколько мне удалось узнать, миссис Хаддингтон положила глаз на Ужасного Тимоти. Это повышает ее в моих глазах, но я согласен с вами, что ждать этого от нее было бы странно. Зачем было упорно звать в дом лорда Гизборо, осточертевшего ей своей политикой? Он все выкладывал как на духу! Или она вдруг узнала, что у него за душой ни гроша? — Хемингуэй замер, напомним инспектору терьера, почуявшего крысу. — Господи, Сэнди! Только не говорите, будто я что-то упустил.

— Не скажу, — успокоил инспектор.

— Помолчите! Главное, боже вас упаси обращаться ко мне по-гэльски! Этим вы меня с ума сведете! Что там говорил юрист? Она ему позвонила, и они обсудили законодательство о браке и законнорожденности. После этого она говорит лорду Гизборо, что желает его видеть, он приходит, и... Ужасный Тимоти — вот кто мне нужен!

— Он-то вам зачем?

— Тимоти — самый ловкий юрист из всех, кого я знаю!

Харт сидел в библиотеке и доказывал невесте уместность согласия с настойчивым приглашением его матушки получить убежище в Беркшире. Мисс Бертли тронуло известие, что, узнав о случившемся с ней, леди Харт вспылала праведным гневом и не только согласилась одарить ее своим благословением, но и принялась строить решительные и даже тревожащие планы привлечения к ответственности ее последней работодателя. Впрочем, с этим она была готова повременить, пока мисс Пикхилл силой или уговорами не увезет племянницу в Путни. Пока долг приковывал Бьюлу к дому на Чарлз-стрит.

— А вот и Хемингуэй! — воскликнул Тимоти при появлении старшего инспектора. — Пусть он нас рассудит!

Но в ответ на мольбы обеих сторон старший инспектор категорически отказался вмешиваться в дела, выходящие за рамки его полномочий.

— Какое малодушие! — усмехнулся Тимоти. — Что ж, милая, придется тебе иметь дело с моей матушкой! Что заставило вас вернуться, Хемингуэй?

— Вас не касается, что заставило меня вернуться, сэр! Просто расскажите, что вам известно про закон о законнорожденности.

— Каких только вопросов не дождешься от полиции! Этот закон, старший инспектор, принятый в 1926 году, узаконивает положение детей, родившихся вне брака, чьи родители заключили брак друг с другом позднее.

— Так я и думал, — произнес Хемингуэй. — То есть пока вы в браке, ваши дети остаются законными?

— Да, в определенных пределах.

— Что за пределы, сэр?

— Например, на момент рождения ребенка ни один из родителей не должен был состоять в другом бра-

ке. Узаконенное потомство лишается права наследования титулов и сопровождающей их собственности. В противном случае... — Он осекся. — Я сказал нечто важное?

— Да, сэр, это очень важно, — подтвердил Хемингуэй.

Глава 20

— Что ж, — промолвила миссис Кейн, наполняя бокал мужа, — я рада, что ты вернулся.

Джеймс Кейн, снова удобно расположившийся около камина и лакомящийся уже третьей по счету сдобной лепешкой, пробубнил с полным ртом:

— Что за глупости?

— Никаких глупостей! За тебя я совершенно не тревожилась, просто думала, что придется либо ехать в Лондон самой, либо, если это еще затянется, сойти с ума. Довольствовалась этими отвратительными газетными сообщениями, а также письмом твоей матери, которое я так и не смогла понять.

— Я звонил тебе каждый вечер, — возмущенно напомнил мистер Кейн.

— Да, дорогой, только на любой мой вопрос ты отвечал, что это не телефонный разговор!

— Так оно и было. Главное, я твердил, что тебе не о чем беспокоиться.

— Я уже начала изучать расписание поездов на Лондон, — мрачно сообщила миссис Кейн. — Если бы не кухарка, уехавшая к себе домой, я бы нагрянула, так и знай!

— Боже, кухарка нас оставила?

— Она вернется. По крайней мере, обещает. Ничего, мы с няней справляемся. Что там стряслось? Расскажи подробно.

— Рассказывать, собственно, нечего, — произнес невыносимый супруг. — Понятно было, что Хемингуэй ни секунды не подозревал нашего Тимоти, а это все, что касается нас. Я насторожился только из-за Бьюлы. В какой-то момент казалось, будто у нее тоже рыльце в пушку, вот я и подумал: раз так, Тимоти может понадобиться моя поддержка.

— Да, дорогой, — согласилась миссис Кейн, научившаяся терпению за тринадцать лет брака.

— Конечно, он не мог иметь никакого отношения к убийству миссис Хаддингтон, — продолжил Кейн, неприличным образом облизывая жирные пальцы. — И, конечно, Хемингуэй старательно все расследовал. Сам я считал Гизборо немного помешанным. Тимоти столько мне рассказал про его болтовню о равенстве, что я не ждал от него пристрастия к титулу. А главное, если бы он хоть немного задумался, то сообразил бы, что все это рано или поздно обязательно выплывет наружу! Никогда не знаешь ведь, когда придется предъявить свидетельство о рождении. Вероятно, он обратился бы за паспортом или еще за чем-нибудь, хотя властям, по моему, безразлично, законный он или узаконенный. Наш Тимоти направил Хемингуэя на верный путь. Хемингуэй взял у Гизборо отпечатки пальцев, узнав, что отпечатки на раме картины не принадлежат никому из подозреваемых в первом убийстве, а дальше все просто! Этот олух после ареста совсем сник. Мерзкая история, как на нее ни посмотреть. И кто главная пружина обоих преступлений? Безмозглая блондинка!

— С ней-то что?

— Ее увезла могучая старая дева, тетка. Года не пройдет, как Синтия выскочит замуж за богатого биржевого маклера, если такие еще водятся!

Миссис Кейн поежилась:

— Пусть она безмозглая, но ей не позавидуешь: знать, что твоя мать — убийца...

— Она этого не узнает, — ответил Джим, доставая кисет и начиная набивать трубку. — Хемингуэй закроет первое дело, списав убийство на «неизвестных».

— Он сам тебе сказал?

— После ареста Гизборо Тимоти притащил его в «Пейпер-билдинг», выпить и поболтать о былых временах. Как подумаешь, сколько лет прошло с тех пор, как...

— Да, — прервала его миссис Кейн. — Надеюсь, ты удачно провел вечер. Но вспоминать былые времена мне не хочется! Лучше скажи, разве девушка не станет ломать голову над первым убийством? Вдруг она догадается?

— Вряд ли. На мой взгляд, она не склонна ни к гаданиям, ни к мыслительному процессу вообще. К тому же от нее за милую душу несло безразличием к матери. Судя по услышанному мной вчера от ее тетки, миссис Хаддингтон так ее любила, что сбегивала в дорогие пансионаты, на каникулы отправляла на зимние курорты или загорать, не жалела на дочь денег, но редко проводила с ней время, пока не вывела в свет.

— Зачем?

— Неясно. По мнению Тимоти, миссис Хаддингтон и Сэтон-Кэрю являлись сообщниками во всяких незаконных делах. Не вызывает сомнения, что они сожительствоваали, потому и держали Синтию на расстоянии.

— Ужас! Что станет с лордом Гизборо?

— Его будут судить. Наверное, для него подберут адвокатов, которые объяснят суду, что у Гизборо была навязчивая идея из-за того, что в пять лет он наблюдал, как его мамаша вынимала вставные зубы, так что для него стало нормальным делом убивать людей, вставших у него на пути. Собственно, — мрачно добавил

Кейн, — я не удивлюсь, если нам, британцам, придется содержать Гизборо в психбольнице Бродмур. Разве что Тимоти окажется прав и присяжные проявят больше здравомыслия, чем от них ждешь, когда изучаешь их физиономию...

Успешно набив трубку, он чиркнул спичкой.

— Как там наша авантюристка? — спросила миссис Кейн, только сейчас добравшись до самого интересного. — Вчера была отвратительная слышимость, я ничего не поняла. Кажется, ты сказал, что она поедет в Чамфриз?

Кейн усмехнулся:

— Именно! Все благодаря моему общеизвестному такту и дипломатичности! Я передал матери то, что услышал от Тимоти, — немного, но ей и этого хватило. Кажется, Бьюлу пытался скомпрометировать какой-то тип, на которого она работала в Сити. Тимоти сказал, что ей сильно досталось, а я буквально повторил это за ним. Ну, ты знаешь мать! Глазом моргнуть не успеешь, как она вступается за права слабого пола! Уверен, они с Бьюлой поладят. Сначала я отнесся к ней с подозрением, но, узнав ее получше, понял, что она очень даже ничего. Бьюла по уши влюблена в Тимоти!

— Неужели?

— Бьюла его боготворит!

— Тогда она понравится вашей матери. Они уже обрuchились?

— Да, только пока это секрет.

Дверь открылась, и родители узрели Сьюзен Кейн и Уильяма Кейна — умытых, причесанных — в сопровождении няни, этого тирана в юбке.

— Мамочка и папочка готовы нас обнять? — спросила та подкупающим тоном. — Можно нам здесь поиграть, пока няня поставит в духовку кастрюлю? Мы так

рады, что папочка вернулся домой и у нас будет новая тетьа, правда, милые детки?

Сказав это, деспот отдала Уильяма Кейна матери, ласково улыбнулась Кейну-старшему и удалилась, унося чайный поднос.

— Пэт! — крикнул Кейн. — Это невыносимо! Либо ты избавляешься от...

— Конечно, дорогой. Но только не при детях! — одернула мужа миссис Кейн.

Содержание

УБИЙСТВА НА ЧАРЛЗ-СТРИТ	5
КОМУ ПОМЕШАЛ СЭМПСОН УОРРЕНБИ?	283

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хейер Джорджет
УБИЙСТВА НА ЧАРЛЗ-СТРИТ
КОМУ ПОМЕШАЛ СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

Романы

Ответственный редактор *И. Горяева*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Н. Хотинский*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.10.2017. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-17-097109-1

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Респектабельная партия в бридж в шикарном особняке миссис Хаддингтон завершилась убийством: кто-то задушил близкого друга хозяйки.

Однако это еще не все: очень скоро убийца нанес новый удар, и на сей раз его жертвой стала сама миссис Хаддингтон!

Но кто же убийца? Инспектор Хемингуэй, которому поручено расследование, понимает: все свидетели нагло ему лгут. Молодая секретарша, эксцентричный лорд, светская львица, даже красавица дочь одной из жертв.

Им всем явно есть что скрывать...

Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот.

Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару.

Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, от собственной племянницы

и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа-писателя — до отставного майора, разводящего пекинесов.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-097109-1

9 785170 971091